



## "Венерин башмачок"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы  
в онлайн-библиотеке  
[mir-knigi.org](http://mir-knigi.org)

ГЛАВА 1

А ведь она могла и не пойти в этот поход! Могла отказаться. Взять больничный, придумать что-нибудь, как это делала раньше. В тот момент, когда она сообщила мужу про поход, все еще надеялась — вот сейчас он эгоистично вытянет губы и протянет: «Ну... а как же я?..» Лариса, конечно, сразу же согласится: действительно, как же Стасик без нее? Да он без нее никуда! Обед не разогреет, холодным съест. Прямо из кастрюли.

Лариса никогда не оставляла мужа надолго одного. А в этот раз он даже не отреагировал на ее сообщение. Поход так поход. Сказал: иди, конечно. Кто же еще пойдет? Лариса тогда поняла: все правда. Все, что ей с тайным упоением плела в магазине Нинка Зуева — все правда! У Стасика другая женщина. Дру-га-я... Совсем не такая, как Лариса. По-другому смеется, пахнет по-другому.. И Стасик хочет остаться с ней, пока Лариса будет лазить по горам с учениками. Все дни, оставшиеся до похода, Лариса была начинена этими мыслями, как взрывчаткой. Мысль об измене Стасика сверлила ей мозг, жгла желудок и сдавливала сердце.

— Лариса Николаевна, а Воскобойников пил воду из реки!

— Ларис Николаевн, у нас палатка не складывается!

Лариса носилась по поляне, выполняя свои обязанности: показывала место для хвороста, отчитывала Воскобойникова, помогала устанавливать палатки. Но вся эта походная суета раздражала ее и даже обижала. Ну почему со всеми неприятными вопросами дети обращаются именно к ней? Почему Прытковой несут показать венок из одуванчиков или замысловатый кусок коры, похожий на крокодила? А ведь Прыткова такая же учительница, как и Лариса, только преподает не историю, а краеведение. Или лицо Светланы Тимофеевны с прописавшейся там улыбкой притягивает такие же улыбки?

Вечером накануне похода Лариса тоже пыталась улыбаться. Она смотрела в гладко выбритый затылок мужа и целилась спросить. Но спросила, конечно же, не то, что собиралась.

— Хочешь, я не пойду в этот дурацкий поход? Стасик не повернулся, но она заметила, как спина его напряглась.

— Стареем, Лариса Николаевна? Лариса пожала плечами:

— Прыткова помешана на краеведении, вот пусть и идет. Почему — я? И родителей сопровождающих найти не могут. Никому дети не нужны...

Стасик упорно молчал. Это было так не похоже на него! Но Лариса зачем-то продолжала бессмысленный разговор:

— И потом... я просто хочу провести выходные с тобой.

Стасик отложил газету и включил телевизор.

— Ну и чем мы займемся в освободившийся выходной? Его сдерживаемое раздражение стало почти осязаемым.

Страх сковал Ларису.

— Мы могли бы наконец поехать в Ивановку...

— В Ивановку? Какую Ивановку?

То, что Стасик переспрашивал, задевало еще сильнее. Она почувствовала, что готова к слезам.

— Ну, в деревню, к знахарке... Я тебе рассказывала, и ты согласился. Забыл? Туда Иличкины ездили, и уже через два месяца Татьяна забеременела. Неужели ты не помнишь?

— Как-то вылетело из головы.

Стасик щелкал каналами, а Лариса поедала глазами его спину. Не может быть, чтобы он забыл. Они говорили о знахарке два дня назад. Лариса увидела Татьяну Иличкину на улице с коляской. А ведь два года назад они вместе лечились грязями в профилактории и обе — безрезультатно. Иличкины ждали ребенка девять лет, Лариса со Стасиком — уже десять. Обе пары прошли аналогичные мытарства. Десятки методов лечения, тесты, анализы.

Никакого толку. И вдруг — Татьяна Иличкина родила! Мальчика! Съездила к знахарке, та поколдовала над ней и — все!

Такое невозможно пропустить мимо ушей, если ждешь ребенка десять лет!

Лариса подошла и выключила телевизор. Круглое лицо мужа возмущенно вытянулось.

— Стасик, ты хочешь меня бросить?

Стасик вскочил и начал двигаться по комнате. Его беспорядочные движения, пятна на лице и бегающий взгляд — все это Лариса увидела так ясно!

Внутри что-то лопнуло и рассыпалось. А Стасик бегал и орал: «Уже невозможно телевизор посмотреть в своем доме! Что за дурь лезет тебе в голову! И почему я должен в свой выходной тащиться в какую-то чувашскую деревню к какой-то чокнутой тетке?! Это все твои фантазии! Еще не хватало, чтобы меня дома донимали ревностью! Паразитство!»

Стасик взорвался так легко, что Лариса догадалась: все его спокойствие, добродушие последних дней — результат невероятных усилий. Он притворялся.

Очередное открытие потрясло ее не меньше предыдущих. Устоявшаяся, казавшаяся незыблемой жизнь Ларисы на самом деле, набирая скорость, катится под откос.

А она цепляется за нее, не хочет отпустить, не может... Что она — без Стасика? Как она без него? Она не знала, как себя вести, что делать. Ей хотелось спрятаться. Она и спряталась.

В поход ушла, как в сон. А вдруг — проснется и все по-прежнему?

\* \* \*

...А погода, нужно отдать ей должное, выдалась прекрасная. Июнь щедро дарил детям все приметы наступившего лета. В воздухе стоял одуряющий аромат цветов и свежей зелени. Место Прыткова выбрала удивительное — без каких бы то ни было признаков цивилизации, с дикой, немного даже киношной природой. Лариса начинала понимать коллегу, ежегодно таскавшую учеников в эту глухомань. Понимать-то понимала, а вот разбудить в душе

необходимый первобытный кураж — не могла. И до беспричинной дикой радости было далеко. А вот Прытковой это удавалось без труда. То тут, то там раздавался ее звонкий смех. Неужели у Прытковой — никаких проблем? Да уж, наверное, таких, как у Ларисы, — точно нет. Не могла Лариса думать о муже. И о Крюковой. Сколько раз Ларисе приходилось бывать в их нотариальной конторе, болтать с этой Крюковой... Могла ли она подумать? У Крюковой был ребенок, дочь от первого брака. А у Ларисы детей не было. В тот вечер она спросила Стасика: «Это из-за ребенка?»

— При чем здесь ребенок? — проорал Стасик. — Что ты заиклилась на этом ребенке? Он тебе нужен? У тебя в классе тридцать гавриков. Тебе мало? Живут люди без детей, и прекрасно живут! Нет, надо с ума сходить! По больницам, по бабкам, по колдуньям! Дурдом на выезде! У тебя уже галлюцинации на этой почве!

— Стасик, ты ее любишь?

Неприятнее всего Ларисе было теперь вспоминать эту сцену. Именно поэтому она и лезла в голову непрерывно. Стасик плюхнулся в кресло и схватил пульт. Но на кнопку не нажал. Нервно крутил пульт в руке и пытался как-то справиться с лицом.

— Кого?

Но невинного удивления не получилось. Лицо, конечно же, что-то силилось изобразить, но плохо. На тройку с минусом.

— Крюкову.

Стасик подергал губами.

— Кто тебе сказал?

Надежды не осталось. Она сразу же пожалела о сказанном. Теперь, когда она все знает, он сразу бросит ее. Оставит одну. Совершенно одну!

Она почувствовала себя совсем маленькой. Будто она стоит у подножия горы и видит, как начинается сход лавины. Он неизбежен, неотвратим, она не в силах ни остановить стихию, ни убежать.

— Стасик, не бросай меня! Пожалуйста!

Невероятно быстро она оказалась возле кресла, в котором сидел Стасик, и вцепилась в подлокотники. Муж попытался вскочить и нечаянно толкнул ее в грудь коленями. Лариса схватила его за штаны, обняла колени. Он суетливо пытался поднять ее с пола, а она, напротив, как могла, перекрывала ему самую возможность движения. Стыдно вспоминать.

Особенно как она горячо говорила о ребенке, всхлипывая и заглядывая Стасику в глаза: «У нас обязательно будет ребенок! И он будет похож на тебя, как мы мечтали! Мы ведь десять лет вместе, Стасик! Мы ведь хорошо жили, правда? И квартиру эту мы только-только обустроили. Она нам нелегко далась. И куда же я пойду-то, если ты меня бросишь? Мне идти совсем некуда...»

И хоть потом Стасик стал утешать ее и уверять, что бросать не собирался, вечер был отравлен. Нет, не вечер — жизнь ее была отравлена. И вот с этим горьким ощущением предстояло теперь просыпаться и завтра, и послезавтра. Проводить уроки, родительские собрания, вести детей в

поход... С этим ядом в крови предстояло как-то жить.

...Холмы, с четырех сторон окружавшие их импровизированный лагерь, ровно зеленели. Облака, лениво проплывавшие в сторону реки, задевали их пухлыми животами. На одном из холмов показалась пестрая россыпь бейсболок. Это Светлана Тимофеевна со своей гвардией возвращалась из «разведки».

— Лариса Николаевна! Они нам машут!

Лариса сделала ладонь козырьком и посмотрела в сторону холма. Теперь уже можно было ясно различить красно-желтую панаму Светланы Тимофеевны, ее красные шорты и оранжевую майку. Женщина взмахивала руками, подпрыгивала и в конце концов колобком стала скатываться с холма, оставив позади ватагу детей. Лариса не могла не улыбнуться. Вот кому можно позавидовать! Вот сгусток энергии, вечный двигатель и моторчик! Кого хочешь расшевелит. Не даст засохнуть. Хорошо, что из всего педколлектива в поход пошла именно Прыткова. Прыткова не из тех, кто лезет в душу. Она сосредоточена на собственной персоне и в данный момент явно чем-то взволнована. Маленькая и полная, в своих штанишках, Прыткова напоминала Карлсона.

Лариса двинулась навстречу и заметила, что Светлана Тимофеевна что-то держит в руке.

Воскобойников, увидев своих, стал бить в гонг — стучать ложкой в крышку от кастрюли.

— Не остается никаких сомнений, — начала Прыткова, когда до Ларисы осталось шагов пятнадцать, — мы остановились на месте древнего поселения! Вот полюбуйтесь!

Учительница протянула Ларисе глиняный обломок. Лариса покрутила его в руках. Кусок горшка либо тарелки. Такими могли пользоваться когда угодно.

— У моей бабушки в Елховке полно глиняной посуды! — вставил Воскобойников.

Лариса промолчала. Светлана Тимофеевна выхватила у Ларисы из рук черепок и перевернула его.

— Смотрите!

На выпуклой поверхности был выцарапан цветок. Царапины забились землей, но рисунок все равно просматривался.

— Ну и что? — не поняла Лариса.

— О Господи! — вскричала Светлана Тимофеевна. — Неужели вы ничего не слышали о племени Желтого Цветка?

Лариса пожала плечами. Ну да. Она слышала легенду о племени, жившем якобы по законам матриархата. Но воспринимать это всерьез? Между тем Светлана Тимофеевна почувствовала себя героем дня. Она носилась со своей черепашкой от палатки к палатке и всех призывала оценить трофей. Через полчаса в лагере царил всеобщее возбуждение. И та дисциплина, которую с самого начала пыталась установить Лариса, затрещала по швам. Каша, которую поручили сварить дежурным, пригорела, двое без спросу ушли купаться, а крайняя палатка ходила ходуном — семиклассники бесились.

— Ларочка Николаевна, вы чем-то расстроены?

У Светланы Тимофеевны было такое лицо, что Ларисе стало стыдно. Почему стыдно — сразу и не разберешь. Но она не нуждается в жалости и участии! И у нее полно причин, чтобы злиться.

— Светлана Тимофеевна, я, конечно, могу понять вашу профессиональную радость по поводу находки, — сдерживая раздражение, начала Лариса. — Но им нельзя такие вещи... без подготовки. Все должно быть по плану, иначе мы с ними не совладаем! Их двадцать, а нас двое!

— А разве не по плану? — заикнулась Прыткова, и Ларису снова кольнул стыд. Светлана Тимофеевна старше ее лет на пятнадцать. А она, Лариса, отчитывает ее как ребенка. Но ведь именно Ларису директор назначил ответственной за этот поход! Значит, она права.

Сейчас главное — задать порядок, ритм, — не глядя на коллегу, вещала Лариса. — Чтобы дети поужинали, чтобы все собрались у костра и в деталях обсудили завтрашнее мероприятие.

— Но я хотела поделиться... — оправдывалась Прыткова, пыхтя и краснея. Она прижимала черепушку к груди пухлыми ручками и глядела на Ларису глазами ребенка.

Лариса наконец не выдержала этого взгляда — разревелась. Отошла за палатку, села на траву. Прыткова покатила за ней следом. Лариса плакала не о дисциплине и не о ритме похода. Она плакала о своем треснувшем счастье, о том, что она никак не может забеременеть, тогда как другие устали от детей.

— Ларочка, у вас что-то случилось, — догадалась Светлана Тимофеевна. — Все пройдет. Все когда-нибудь проходит. Вы такая хорошая, красивая... Вас дети любят... И поход вы организовали прекрасно...

— Да. Прекрасно! — всхлипнула Лариса. — Никто из родителей не согласился сопровождать детей! Зато если что случится — с нас три шкуры сдерут! Родителям дети нужны только до третьего класса! А в седьмом будто за ними и смотреть уже не нужно!

— Ну-ну... А как же отец Петрова? Он обещал к вечеру подъехать. Я думаю — он не подведет.

— Вы уверены? — Ларисе хотелось спорить. — Петров у меня год учится, а я его родителей ни разу не видела. И согласие этого папы на поход через записку получила.

Ларисе вдруг показалось ужасным, что с ними нет никого из родителей, что с отцом Петрова не побеседовала лично. Все теперь казалось ей зыбким и ненадежным. Вот если бы с ней в поход отправился Стасик...

Зато Светлана Тимофеевна уже успела вернуться в свое всегдашнее состояние. Она уверенно заявила, что все будет хорошо. Подскочила как мячик, поймала пролетавшего мимо Воскобойникова и приказала собирать племя на вечерний костер.

К тому времени, когда дети собрались у костра, Ларисе удалось более-менее привести себя в порядок. Она мысленно отчитала себя за слабость и проявленную невежливость к коллеге. Окинула собравшихся взглядом. Некоторые уже успели раскрасить лица под индейцев. Оля и Юля Земчихины украсили себя венками.

— Друзья мои, — начала Лариса. Гомон постепенно стих. Лица обратились к ней. — Сегодня мы по традиции покинули шумный город, чтобы на время почувствовать себя частью природы...

— Воскобойников — тираннозавр! — хихикнули в темноте. Тут же началась возня.

— Тем, кто пришел сюда впервые, — добавила Светлана Тимофеевна, — хочу напомнить: все чудеса техники, включая мобильные телефоны, мы по традиции оставляем дома. Кто забыл это сделать, прошу сдать все на хранение Ларисе Николаевне.

— А плеер?

— И плеер тоже. Не забывайте: мы с вами — первобытное племя.

По кругу пробежал ропот. Кто-то громко шлепнул комара.

— А фонарик — можно?

— Думаю, фонарик нам сегодня не понадобится — смотри, какая луна.

Над левым холмом, не слишком высоко, висела оранжевая луна, прикрытая сиреневой вуалью. Костер рвался в небо, сыпал искрами. Лариса с трудом отогнала от себя мысли о муже.

— Утром мы начнем игру. Нам нужно распределить роли.

— Чур — я шаман! — заорал Воскобойников. — Мы с Генкой — охотники!

— Мы будем костер разводить!

— Я буду готовить ритуальный танец, если только они...

— А пусть у нас будет матриархат! — заявила Оля Земчихина. — Расскажите нам поподробнее! Говорят, тут жило настоящее женское племя! Это правда?

— У них мужчин совсем не было?

Вокруг костра стало шумно. Сумерки сгустились. Луна выглядела гигантской декорацией.

— Мужчины в таких племенах, конечно же, были, — уточнила Лариса. — Просто во главе рода стояла женщина. Существует несколько легенд... Но об этом лучше расскажет Светлана Тимофеевна.

Прыткова просияла. Поговорить она любит и все легенды родного края знает наизусть. И всякий раз умудряется преподнести их в новой интерпретации.

Лариса перевела дух. Как хорошо, что на полчаса можно расслабиться. Светлана Тимофеевна сейчас завладеет вниманием детей всерьез и надолго. Она это умеет.

Сначала Лариса даже не пыталась сосредоточиться на рассказе. Но и домой она свои мысли старалась не пускать. Она упорно пыталась воплотить в жизнь всем известный совет: «Наслаждайся каждой минутой своей жизни, живи сегодняшним днем». Да никогда у нее это не получалось! Сначала у них со Стасиком существовала присказка «когда у нас будет собственное жилье», и они жили завтрашним днем, отказывая себе во всем, строя кооператив. Теперь эта присказка сменила окрас, но суть осталась та же. «Когда у нас будет ребенок». А это «когда» все не наступает, и живет она, Лариса, по инерции, разучившись наслаждаться минутой и радоваться простым вещам. Не потому ли она завидует Прытковой?

Лариса наблюдала сквозь грозди искр, как блестят глаза Светланы Тимофеевны, как от нее

исходит любопытство и наслаждение жизнью. Почему другие так не умеют? Почему Прыткова так выделяется из массы учителей их школы?

Лариса стала анализировать. Прыткова ни под кого не подстраивается. Чтобы к ней не могли придаться, она безукоризненно знает свой предмет и все время изучает что-то новое. Она позволяет себе одеваться так, как ей хочется, — немного по-американски. Причем в одежде предпочитает яркие цвета. А считается, что учителям так одеваться не следует. И если бы Лариса, к примеру, вырядилась в лимонный пиджак или в клетчатые брюки — у школы случился бы шок.

Прыткова каким-то образом отвоевала себе право ходить на работу в кепках, париках и оранжевых юбках.

При этом дисциплина на ее уроках сочетается с демократичностью, что не удастся больше никому. Или одно, или другое. Интересно, а с мужем у нее проблемы бывают?

— Руководила этим племенем, конечно, женщина. Верховная жрица, — вдохновенно вещала Светлана Тимофеевна. Глаза ее сверкали в свете костра. А руки она прикладывала к груди, словно рассказывала что-то личное. — И все ей подчинялись беспрекословно. Каждая женщина должна была в совершенстве владеть искусством сбора трав и врачевания. Этим они отличались от других племен. Поэтому на амулетах племени принято было изображать различные цветы.

— И как мужчины на такой расклад смотрели? Неужели слушались женщин? — спросил кто-то у мальчишек.

— Еще как слушались. Если мужчина не подчинялся жене, его могли наказать.

— Как? — в унисон ахнули несколько голосов.

— Били палками.

— О-о-о...

Дети были потрясены. Да и сама Лариса незаметно для себя отвлеклась от личных мыслей и заслушалась сказками Прытковой. Хотя в подобные легенды верила слабо. Ну там где-то в прериях, амазонки — это понятно. Но тут у нас, в средней полосе?

Между тем по кругу пошел свеженайденный обломок с изображением цветка. Черепок подносили к свету, разглядывали, трогали.

— Племя настолько стремилось изолировать себя от остального мира, что была придумана система подземных ходов, пещер, лабиринтов. Спрятанное за холмами, окруженное густым лесом поселение становилось недоступным для врагов и любого недоброго глаза.

— Лес не такой уж и густой.

— Это сейчас не такой густой. А раньше здесь были непролазные чащобы! — уверяла учительница.

— А мы на холме ракушки нашли. Там раньше море было?

Дети зашумели, каждый хотел высказаться. Легенда о необычном племени никого не оставила

равнодушным.

— А они с кем-нибудь воевали?

— Не сомневайся, они умели постоять за себя, — быстро ответила Прыткова. — Если верить легенде, женщины в племени отличались статностью и красотой.

— А как же любовь? — раздался из темноты девчачий голосок. — Им не разрешалось влюбляться?

— И любовь случалась, — отозвалась Светлана Тимофеевна. — Однажды дочь верховной жрицы, молодая красавица, собирала травы для лечебного снадобья. В лесу она увидела незнакомого юношу, который охотился. Он был ловок и красив. Как гласит легенда, они полюбили друг друга с первого взгляда. И стали встречаться тайно. Влюбленные решили убежать, поскольку знали, что верховная жрица не отпустит дочь в другое племя. Был назначен день побега. Но парочку выследили. Юношу поймали и бросили в пещеру.

— На съедение змеям, — прокомментировал Воскобойников.

Со всех сторон на него зашикали.

— А он мог убежать? Что с ним сделали?

— Юношу ожидала жестокая смерть. Он не знал тайных ходов и не мог выбраться из пещеры. Она ведь вся состояла из путаных лабиринтов. И если пленник пускался в бегство — его ждала неминуемая гибель в одном из тупиков лабиринта. По преданию, в коридорах лабиринта...

— ...навалом мужских скелетов! — вякнул Воскобойников и хохотнул. Последовал звук затрешины, не обошлось без короткой потасовки. Впрочем, на дерущихся тут же зашикали — всем хотелось дослушать историю.

Это всего лишь легенда, — поспешила напомнить Лариса. Ну не нравится ей, когда Прыткова вот так увлекается. Она, похоже, сама верит в то, что выдумывает. Ну да, существует легенда. Но легенда и есть легенда. Наполовину выдумка. Версия. А некоторые впечатлительные дети воспримут как быль. Ведь они тут одни, ночью. А если напугаются? Да ей и самой жутковато от этих разговоров о скелетах.

— Я предлагаю подробнее обсудить детали завтрашнего дня, — предложила Лариса. — Давайте выберем вождя племени?

— Нет!

— Подождите, Лариса Николаевна!

— Светлана Тимофеевна, а что было дальше?

— А что стало с девушкой?

Дети зашумели и воспротивились так дружно, что Ларисе ничего не оставалось, кроме как умолкнуть и приготовиться слушать басни коллеги.

— Поскольку чужак посмел покуситься на дочь верховной жрицы, пощады он мог не ждать, — вздохнула Светлана Тимофеевна. — Но...

«Но» повисло в воздухе. Стало отчетливо слышно, как трещат сучья в костре и звенят комары.

— К сожалению, дети, никто не знает, чем закончилась эта история. У легенды множество версий.

По кругу прокатился вздох разочарования. А потом враз все заговорили, загалдели. Шум нарастал. Этого следовало ожидать! В том, что злосчастная легенда теперь не даст детям уснуть, не стоило и сомневаться. Любовь, скелеты, лабиринты — любимые темы подростков. Их хлебом не корми, дай поиграть в ужастики, привидения и вампиров.

В Ларисе пеной поднималось подавленное было раздражение. Прыткова хочет легкой популярности, а вот попробуй теперь утихомирь эту массу, расфасуй по палаткам и наутро организуй интересное мероприятие! Это, конечно, краеведиха предоставит ей, Ларисе.

Спасибо. Лариса будет бегать, собирать, пересчитывать, а Светлана Тимофеевна — наслаждаться жизнью. Выберет себе роль священного божества и будет сидеть весь день на пригорке, принимать дары и ждать, когда племя в полном составе приползет к ее ногам молить о дожде. Это уж как пить дать.

— Ларочка Николаевна, — вклинилась в ее мысли Прыткова, едва Лариса отдала распоряжения насчет ночлега — Если ребята еще не заняли роль священного божества, то я могла бы...

Если бы Лариса была в состоянии смеяться! Она непременно расхохоталась бы коллеге в лицо. Но ей было не до смеха. В мозгу гвоздем торчал Стае. Стае любит другую женщину. А она, Лариса, неинтересна ему больше. Она никому не интересна. Даже детям. Даже самой себе...

— Конечно, конечно, — поспешно ответила она Прытковой. — Светлана Тимофеевна, пересчитайте, пожалуйста, мальчиков. А я загляну к девочкам.

Отправив Прыткову, Лариса задержалась у костра. Она пошевелила палкой угли, подбросила хворост. Почему, ну почему ей так не везет? Она дожила до того, что в собственном муже способна вызвать только жалость. Где она совершила ошибку? Когда? Что теперь делать? Как жить дальше? И стоит ли жить...

То ли от нахлынувших чувств, то ли от искр зашипало в глазах. Сейчас она так любила Стасика! Мысль о том, что именно в эту минуту он может обнимать другую, приводила ее в ужас. Вот уже почти месяц она могла быть относительно спокойной, лишь когда видела его перед собой. Сейчас же, оставшись в одиночестве у костра, Лариса поняла, на какую пытку обрекла себя, согласившись на этот поход.

— Ларочка Николаевна! ЧП!

Прыткова коlobком катилась к костру. Лариса с трудом отключилась от личных дум.

— Что стряслось?

— Воскобойников и Петров пропали!

— Как пропали? Что вы такое говорите? Может, они, извините, пописать отошли?

Но тревога уже охватила Ларису с головы до пят. Она метнулась к палатке мальчиков.

Через полчаса лагерь был поднят по тревоге. Сонные дети выползали к костру.

— Ребята, постарайтесь вспомнить, о чем говорили Воскобойников с Петровым перед отбоем, — попросила Лариса.

— Это очень важно! — воскликнула Прыткова. Со сна дети ничего не могли понять.

— Ди-ма! Са-ша! — надрывалась Лариса в хоре с двумя десятками голосов. В ответ — тишина.

— Все обсуждали легенду, — наконец буркнул кто-то. — И они обсуждали.

— Что именно говорили? — допытывалась Лариса. — Ну, кто слышал?

— Я слышала. — Из темноты вышла Оля Земчихина. — Они спорили о том, кто не побоится пойти в пещеру. Ночью.

Повисло молчание.

— Я же не знала, что они. и вправду пойдут... Придурки! — Оля Земчихина спряталась за чью-то спину.

Все молчали и смотрели на Ларису. И Прыткова смотрела на нее во все глаза.

— Так. Все по палаткам! — Лариса не узнала свой собственный голос, прозвучавший будто со стороны. — Чтобы ни одна душа даже носа не высовывала. Светлана Тимофеевна, где у нас фонарь?

— Ларочка... — Прыткова подошла к ней вплотную. — Мы пойдем туда вместе! Это моя вина, и я...

— Нет! — отрезала Лариса. И сумела выдавить из себя улыбку. — Кто-то должен остаться с детьми. А я этих шалопаев сейчас приведу. Скорее всего они не успели дойти до пещеры. Курят где-нибудь в кустах.

Лариса рассовала по карманам спички и фонарик. Шагнула прочь от костра. Ночь с жадной готовностью поглотила ее силуэт.

## ГЛАВА 2

У Оксаны Киреевой день был расписан по минутам. Основная часть дня — работа в магазине «Все для дома», потом пробег по продуктовым, затем забег в детсад за Юлькой, потом готовка ужина, уборка... И так, вприпляску, до самого прихода со смены Игоря. Оксане нравилась такая жизнь. Ну не понимала она тех женщин, что любят понуть — дескать, до чего однообразна и скучна эта бытовая рутина. Мол, как подумаешь, на что тратится жизнь... А если представить, что где-то там без нас простаивают теплые страны... Нет, нет и нет! Оксана как раз ощущала жизнь остро и искренне наслаждалась тем, что имела. А имела она для своих двадцати девяти довольно немало. Прежде всего — семью. Прекрасного, любящего мужа. Умницу дочку. Комнату в семейном общежитии. И это еще не все! Совсем недавно перед семьей Киреевых замаячила перспектива ипотеки! Наконец-то Игоря повысили в должности, он стал получать больше на две тысячи, и им разрешат оформить долгосрочный кредит на квартиру.

— Ля-ля-ля... — припевала Оксана, кромсая укроп и петрушку, вальсируя к холодильнику за

подсолнечным маслом. Фартук с петухами, прихватки в тон, занавески — сама шила. Вальсируя и нарезаая салат, Оксана не забывала разок-другой глянуть в зеркало. И, глянув, оставалась довольна. Фигура ладная, крепкая, с формами. Не худая и не толстая. И мини-юбку не стыдно надеть, и брюки не позорно. Грудь объемная, не как у некоторых. Оксана прекрасно осознает свои достоинства. И никогда не ленится их подчеркнуть. Да и разве трудно — встать пораньше на полчаса, чтобы протереть лицо льдом с ромашкой, накраситься и уложить волосы? Нет, не трудно. Это вошло в привычку. Хорошо нанесенный макияж сохраняется до самого вечера. И Игорь никогда не видит ее растрепанной или ненакрашенной. И волосы она носит до плеч, как любит Игорь. Не поддавалась на соблазн сделать модную стрижку, как все. Вообще, между нами девочками, Оксана подозревала у себя наличие самого настоящего таланта. Таланта создания счастья. То, что счастье не падает с неба, она поняла давно. Еще в детстве. Счастье достигается трудом. Она сделала этот вывод, наблюдая жизнь своих родителей. Что касается семейной жизни, Оксанина мать оказалась полной бездарностью. У нее никогда не хватало времени следить за собой, и потому ее халаты очень быстро переходили в разряд тряпок для мытья полов. Вместо того чтобы научиться сносно готовить, мать периодически устраивала скандалы по поводу неумных appetитов домочадцев. В конце концов Оксана уехала из дома довольно далеко и твердо решила строить собственную семью по собственному методу.

...Когда Оксана сунула смазанную майонезом курицу в духовку, затрещал телефон. Звонила свекровь:

— Юленьку я забрала, поведу в парк. Погода хорошая... «Веди, веди, — усмехнулась про себя Оксана, — растряси жирок-то». А вслух пропела:

— Да, мама. Конечно, мама. И ужинать приходите...

Оксана окинула придирчивым взглядом свою крошечную территорию. Маленькая, 3 на 2, кухня плавно перетекала в единственную комнату с большим окном. И на этой территории удалось довольно компактно разместить всю мебель. Мягкий уголок, Юлькина кровать, мебельная стенка с телевизором и музыкальным центром. Везде порядок. Когда королевство маленькое, его и в порядке содержать нетрудно. Да, так считают не все. Но у Оксаны свои секреты.

Улыбаясь собственным мыслям, Оксана включила миксер. Через полминуты был готов кляр. Оксана достала из холодильника тарелку с мелконарезанным филе судака. Вот как, например, секрет этой рыбы в кляре. У Ларисы, Оксаниной подруги, такой никогда не получается. А у Оксаны — объедение! И кляр мягкий, и рыба в нем — просто пальчики оближешь. А секрет прост — Оксана свой кляр замешивает на пиве. Пара минут — и кухню заполнит аппетитный запах судака в кляре. Любимое блюдо Оксаниного мужа.

Сейчас придет Игорь, обязательно притащит что-нибудь вкусненькое на десерт. Ну там виноград или груши, а может — тортик. Сегодня на заводе аванс. Муж у нее золото, не забывает их с Юляшкой баловать.

А свекровь — по графику, в день зарплаты и аванса, обязательно Юльку из сада забирает. Чтобы на ужин напроситься. Как выражается сама свекровь, любит она «сластничать», грешница.

Мирное течение мыслей прервал стук в дверь. Даже не стук, а толчок. Здесь, в малосемейке, соседи не церемонятся, могут и без стука ввалиться.

Дверь робко скрипнула, и в проеме показался острый нос соседки Нинки.

— Оксан, у тебя стакана молока не найдется?

А сама воздух носом прощупывает. И курица, и рыба в кляре — мимо Нинки ничто не проскользнуло.

— Сейчас налью.

Оксана метнулась к холодильнику. В другое время она была бы совсем не прочь поболтать с соседкой. Но только не сейчас. С минуты на минуту должен вернуться Игорь. А мужчины не любят, когда их жены подолгу болтают с соседками. И Игорь не исключение.

— У вас вечеринка намечается? — Нинка окинула комнату шустрым взглядом.

Оксана быстрехонько расшифровала этот взгляд: если импровизированная пирушка, то и соседям не грех заглянуть на огонек. Нинка любила халяву.

— Нет, Нинок, просто Игоря жду. Ты ведь знаешь моего — сегодня наверняка пожелает устроить маленький семейный сабантуй. Свекровь обещала нагрнуть...

— С проверкой, — понимающе подхватила Нинка, поднося стакан с молоком к своему острому носу. Проверяла, зараза, не кислое ли ей Оксана подсунула. — Ну, твой — образцово-показательный муж. Это не открытие, — запела Нинка. — Я тебе по-хорошему завидую. Мой притащится поздно, это уж точно. Я его и не жду. И придет никакой. Аванс для нас — святое. Мы — расслабляемся.

Оксана понимающе улыбалась. Две трети населения малосемейки не нуждались в таких поводах для расслабления, как аванс или получка. Домой приходят на рогах постоянно. Слава Богу, это не относится к Игорю.

— Подожди, покажу, что он Юляшке из командировки привез. — Оксана открыла шкаф. — Смотри! — вытащила обернутое тонким целлофаном платье.

— Какая прелесть! — Нинка всплеснула руками. — Только не говори мне, что он сам выбирал!

Оксана удовлетворенно кивнула:

— Сам, а то кто же. Он и мне запросто может выбрать что-нибудь сногшибательное. Ему вкуса не занимать.

Оксана заметила в глазах соседки неприкрытую зависть. Соседка, сама не зная того, тронула в Оксане одну из тайных струн.

— Он мне к Восьмому марта пеньюар выбрал — полный отпад! Пару раз даже бюстики покупал. Прикинь! — затараторила Оксана.

— Обалдеть! — подпела Нинка. — Да твоего Игоря нужно в музей за деньги показывать. Таких больше нет.

— И не говори! — разошлась Оксана. — Свекровь от зависти заходится. Придет в гости и ищет, к чему придраться, чтобы меня в неприглядном свете перед Игорем выставить.

— Ревнует.

— Еще бы! Он нас с Юлькой на руках таскает. А они с дедом целыми днями лаются.

— Мы с Коляном к старости тоже такими же станем, — засмеялась Нинка и, подхватив молоко, попятилась к выходу. Восхвалять достоинства чужого мужа не так интересно, как сплетничать о нем.

Проводив соседку, Оксана убрала Юлькино платье на место и вернулась на кухню. Разговор с Нинкой взвинтил ее, как хорошая доза алкоголя. Что ж, она любит, когда ей завидуют. Пусть завидуют. Она никому своим счастьем не обязана.

Все, чем она владеет, — только ее заслуга. Она в семье так поставила, что Игорь с нее пылинки сдувает. Ну и она, само собой, — все для него. Нинка теперь ночь спать не будет от зависти. А ей-то кто мешает так жить? Сама виновата. Ходит вечно, как чувырла, в бигуди и драном халате. Жрет как лошадь, по телефону болтает часами, прямо при Кольке.

Сама, короче, свое счастье на корню удавила.

Так, маленьким язычком поругивая соседку, Оксана задела взглядом настенные часы и удивилась: Игорь полчаса назад должен был прийти. И это если учесть магазины. Может, он встретил свекровь? И Юлька потащила их на качели? Вполне возможно. Тогда они сейчас нагрянут все вместе. Можно накрывать на стол.

Оксана отодвинула кухонный стол от стены, расставила табуретки и потянулась в шкафчик за тарелками. Она услышала голос дочери. Он звенел в конце длинного общего коридора. Голосу Юльки вторило бухтенье свекрови.

— А вот и мы пришли... — запела свекровь, внося в крошечную прихожую запах «Красной Москвы». Где она достает сегодня эти раритетные духи — для Оксаны загадка.

Юлька затараторила с порога, протягивая желтые одуванчики:

— Мама, там цветочки и бабочки уже. Бабуля меня катала. Я два раза упала, и бабуля тоже. А ты зачем на табуретку залезла? Выступаешь?

— А Игорь разве не с вами? — продралась сквозь трель дочери Оксана.

— Он до сих пор не пришел с работы?!

Свекровь сделала такое лицо, что Оксане стало не по себе. Именно в эту минуту ее посетило незнакомое чувство. Оксана догадалась, что именно это чувство называется тревогой. Но она отогнала его, спешно заполняя время суетой. Стала умыть Юльку, переодевать ее и расспрашивать. Свекровь активно участвовала в беседе. Потом начался сериал и свекровь временно выпала из реального мира. Юлька тоже уставилась в телевизор, но продержалась лишь до первой рекламной паузы. Проговорив с телевизором все рекламные тексты, Юлька вытащила ящик с игрушками. Оксана позвала ужинать. В конце концов — может, Игоря попросили остаться на вторую смену? В ту минуту, когда Оксана извлекла из духовки курицу, дверь с грохотом отворилась и извергла хозяина. То, что явился именно Игорь, присутствующие поняли не сразу. По крайней мере не в первую секунду — настолько он был неузнаваем.

Волосы, обычно тщательно зачесанные назад, торчали в разные стороны и свисали со лба. Из-под распахнутой куртки топорщился расстегнутый пиджак. Половина пуговиц на рубашке отсутствовала. Шнурки на ботинках были развязаны.

И Оксана, и свекровь онемели. Оксана, после того как первый шок схлынул и она убедилась, что перед ней все же ее законный супруг Игорь Киреев, решила, что его зверски избили. И — кинулась оказывать помощь. Но ее остановил его взгляд. Взгляд был недобрый. Чужой. И Оксана, натолкнувшись на этот взгляд, — отступила.

— Сы-нок... — пропела свекровь и уронила вилку.

— Все семейство в сборе! — проговорил хозяин, продвигаясь в глубь комнаты и волоча за собой шнурки.

— Сынок, а обувь-то? — заикнулась свекровь. И — зря. В ту же секунду ботинок взлетел вверх и, чудом не задев люстру, упал рядом с телевизором. Игорь недобро засмеялся.

— А вот и жена моя... — Взгляд Игоря остановился на пнем застывшей Оксане. — Жenuшка моя... верная...

Серые глаза Игоря мутно блестели. Спина Оксаны покрылась гусиной кожей. Она настолько растерялась, что не смогла выдать ни слова. Да и чувствовала она интуитивно, что в этой ситуации лучше ничего не говорить. Она только глазами держала обезображенное эмоциями незнакомое лицо своего мужа. Свекровь же подскочила, стала суетиться вокруг сына, пытаясь снять ботинок.

— Уйди, мать, — неожиданно четко произнес Игорь. — Нам тут между собой потолковать надо.

— Вот и потолкуете... — Не дошло до свекрови. Она потянулась к Игоревой куртке, но была отодвинута в угол.

Игорь шагнул к столу, наступил на плюшевого зайца. Внутри мягкой игрушки зародилась и угасла электронная музыка. В ходе вечернего события Оксана напрочь забыла о Юльке. Девочка же, узрев беду своей игрушки, кинулась спасать. Запуталась у отца в ногах и, рискуя быть раздавленной родителем, стала выдирать из-под ботинка плюшевое сокровище. Оксана подхватила дочь. Та немедленно заорала, поскольку зайца достать не удалось. Игорь уставился на орущую Юльку так, будто впервые ее видел. Оксана попыталась обойти стол со свободной стороны, но Игорь угадал ее маневр и двинул стол бедром. Дорога была перекрыта с грохотом.

— Сынок! Ну выпил лишнего. Зачем же озоровать? — увещевала свекровь.

Оксана не спускала с мужа широко распахнутых глаз. Юлька заходила криком. Свекрови чудом удалось стащить с сына куртку, и теперь она металась с ней по комнате, как курица по огороду.

— Мама! Возьмите Юлю и идите к себе! — наконец сообразила Оксана.

Свекровь, красная и взмокшая, заохала и запричитала. Оксане пришлось опустить дочь под стол и толкнуть в сторону бабки. Юлька ударилась о ножку стола и разоралась пуще прежнего.

И посреди этого дрогнувшего Оксаниного королевства стоял ее муж Игорь с перекошенным, злым лицом, в распахнутой рубашке и одном ботинке. Оксану колотила дрожь. Она попыталась взять мужа за руки. Он будто только этого и ждал — с силой отбросил ее руки и, тяжело дыша, уставился на жену.

Свекровь торопливо и суетно собирала орущую Юльку. Наконец дверь за ними закрылась, и Юлькин визг огласил коридор и вонзился в Оксанино сердце. Она почему-то подумала, что

сегодняшний день именно так отпечатается в памяти — перекошенное лицо мужа и визг дочери.

— Стол собрала? — заметил Игорь издевательским тоном. — Мужа с работы ждала?

— Ждала, — подтвердила Оксана, понемногу оправляясь от первого потрясения и пытаясь взять ситуацию под контроль. По тону она могла предположить, что кто-то сильно подпортил Игорю настроение. Скорее всего тот, с кем пил. Или сначала произошел неприятный разговор, а уж потом Игорь пошел и напился.

— Вот курицу запекла, как ты любишь, — сообщила Оксана примирительным тоном. — И рыбу в кляре.

Игорь покачал головой, и прядь на лбу нелепо заскакала.

— Сядь, поешь. — Оксана подвинула тарелку.

Игорь плюхнулся на стул и подвинул к себе вазу с салатом. Он стал есть салат ложкой, прямо из хрустальной вазы. Он запихивал в рот рыбу. Судак крошился, и крошки падали в вазу с салатом. Впервые в жизни Оксане довелось созерцать подобную картину. Она поморщилась и решила улизнуть на кухню. Но и там ее настиг злой и требовательный голос мужа:

— Оксана! Иди сюда!

Она хотела послать его куда подальше, но что-то внутри вовремя подсказало ей, что этого делать не следует. Она вернулась в комнату и села в кресло.

— Я тебя слушаю.

— Она меня слушает! — попытался передразнить Игорь, помогая себе вилкой. — Прямо не жена, а ангел!

— Ты сдурел? — не выдержала Оксана. — Ты сам на себя не похож! Что случилось с тобой?

— Это не со мной случилось. Со мной-то как раз все в полном порядке. А вот тебя я, похоже, совсем не знаю!

— Я?! Меня не знаешь?! — подскочила Оксана. — Чем я плоха стала? Может, хозяйка плохая? Может, кормлю тебя плохо? Плохо смотрю за ребенком?

От обиды у Оксаны срывался голос. В глазах дрожали слезы. С кем он решил ее сравнить? В чем она провинилась? Кто посмел очернить ее перед мужем настолько, что тот будто с ума сошел?!

— Может, и мужа любишь? — в тон ей ехидно вставил Игорь. Глаза его в красных прожилках были неузнаваемо чужие.

— Да неужто не люблю?! — взвилась Оксана. — Ты забыл уже, как со сломанной ногой в больнице лежал? А я тогда...

— А ты тогда к хахалю своему бегала, да, Ксюш?

— Чего?!

Оксана поперхнулась собственной слюной. Остолбенева, она взирала на Игоря. Кровь бросилась ей в голову.

— А может, ты и дочь от меня родила, а, примерная жена?

Игорь вертел вилку в пальцах, и вдруг Оксана заметила, что он сгибает эту вилку, как подкову.

— Ч-что-о? — задохнулась Оксана и почувствовала, как лицо ее покрылось горячими пятнами.

Игорь исподлобья наблюдал за ней. Его злой незнакомый взгляд, его взбитые волосы, пьяное дыхание неожиданно вызвали в Оксане волну возмущения и ужаса. Не понимая, что делает, она схватила с дивана подушку и запустила ею в мужа.

— Идиот! Подумай, что ты говоришь!

— Да, идиот! — взревел Игорь и вскочил. — Из меня жена идиота сделала! Надо мной люди смеются!

Оксана ретировалась в прихожую, и вовремя. О дверной косяк ударилась брошенная ей вслед табуретка. Оксана взвизгнула и прижалась к двери.

— Кто тебе наплел такую дурь?! — крикнула она, одной рукой открывая замок, другой на шаривая туфли. — Плюнь тому в лицо!

— Это ты мне в лицо плюнула, гадина! — заорал Игорь — А я вам с Юлькой в задницы дул!

Оксана чувствовала, что Игорь балансирует на грани между невероятной злостью и слезами. В таком состоянии мужик способен на все. Она никогда не видела мужа таким, но знала, что свекор, отец Игоря, бывало, свою супругу и поколачивал.

Она распахнула дверь, выскользнула в коридор и тут же захлопнула дверь за собой. Пока он справится с замком, она успеет выбежать на улицу. Сердце бешено колотилось. Когда она достигла конца коридора, звуки за дверью ее квартиры не оставляли сомнений: Игорь решил высадить дверь. Оксана не соображала, что делает, не знала, куда бежит. Она боялась оглянуться. В ту минуту ее не удивило бы, если бы, оглянувшись, на месте малосемейки она вдруг обнаружила одни развалины. Ощущение, что жизнь рухнула, прочно поселилось в ее душе в тот день.

\* \* \*

— Саша! Дима!

У Ларисы уже не осталось сил кричать. Но даже ее шепот, казалось, как по волшебству, превращался в грохот. Пещера отзывалась многократным зловецким перешептыванием:

— Ашша... ашша... ашша... Има... има... има... Сколько уже она пробиралась по серым извилистым коридорам, освещая себе путь карманным фонариком? Она потеряла ощущение времени. Сначала, когда она только нашла заросший корнями вход в пещеру, ее охватило чувство брезгливости. В темноте она могла только предполагать, до чего ей придется дотрагиваться, пробираясь хоть на несколько шагов вглубь. И еще она злилась. О, как она злилась на мальчишек, которые вечно ни о ком, кроме себя, не думают! Да они даже о себе не думают! Им приключения нужны, острые ощущения им подавай, а кто-то должен это расхлебывать. Учитель всегда за все отвечает. «Это за мою-то зарплату!»

Лариса раздраженно двинула локтем, убирая назойливо цепляющийся за куртку корень. Ох и задаст же она им, как только отыщет!

— Саша! Дима!

А может, ребята не заглядывали в пещеру? Может, действительно курят где-нибудь в зарослях дикого боярышника, а на ее зов нарочно не реагируют?

Своды пещеры то уходили ввысь, свисая причудливыми сосульками, то снижались, угрожая надвигаясь. словно грозя заживо запереть в своем склепе. Постепенно все чувства потеснились, уступая место страху. Страх сковал все тело так, что только отчаянные приказы, которые Лариса то и дело ему посылала, заставляли двигаться. Скользкие холодные стены. Где-то капает вода. А может быть, именно в таких местах и живут змеи? Они лежат клубками в углах затейливых лабиринтов, и в темноте вполне вероятно наступить... Спина Ларисы покрылась липким потом. Нет. Не надо думать об этом. Она должна найти детей. Если в следующем коридоре она не встретит никакого подтверждения, что дети здесь побывали, то тогда разрешит себе повернуть назад. Только тогда. Но не раньше. Шаг. Еще шаг. Вперед, по причудливому коридору, созданному самой матушкой-природой. Каменные выступы, щели. Лариса остановилась, пошарила фонариком вокруг, пытаясь осмотреть новую территорию.

Неожиданно у нее возникло ощущение чужого присутствия. По спине побежали мурашки. Она развернулась, луч фонарика заторопился по сводам. Туда-сюда. Родившийся из ниоткуда ужас заставил Ларису схватить с земли камень и запустить им в стену. Стена взорвалась в клочья хлопающих крыльев. Море летучих мышей! Лариса присела на корточки и закрыла голову руками. Фонарик устался вниз и высветил круглое пятно прямо возле ее кроссовок. Спина Лариса еще некоторое время ждала цепких, острых когтей. Впрочем, летучие мыши не догадались спуститься к ней на спину. Наконец Лариса решилась открыть глаза. Она смотрела в высвеченный, фонариком круг и не двигалась. Первое, что она увидела в кругу, была самая что ни на есть современная кепка — бейсболка защитного цвета. Лариса схватила ее с жадностью и принялась рассматривать, наводя фонарик с разных сторон. Кепка не выглядела старой. На ней не было ни земли, ни глины, ни плесени. Никакого сомнения, что ее оставили здесь совсем недавно! Лариса даже понюхала бейсболку. Запах дыма. Она была готова поклясться, что именно в такой кепке Воскобойников сидел вечером у костра. Они были здесь! Она на правильном пути! Но почему тогда не отзываются? Почему не зовут на помощь, не стучат, не кричат?! Холодный ужас кольнул Ларису в живот. Пещеры, о которых слагались легенды. Пещеры, куда не раз снаряжались экспедиции. О коварстве этого подземелья не раз писали в газетах, даже по телевизору как-то рассказывали. Когда она была студенткой истфака, разные гипотезы слышала относительно пещер. Откуда они произошли, никто толком не знал, обсуждалось множество версий. Но вот что в свое время в этих норах укрывал войско знаменитый местный разбойник, их профессор поговаривал. Слышала Лариса и о том, что здесь, возможно, разбойники прятали свои клады. Так вот, немало кладоискателей сгинули в этой пещере. Статистика только колебалась в цифрах. Лариса когда-то читала, что коридоры пещеры то сужаются, то расширяются. Переходят в гроты и открывают путь подземной реке. И что они таят в себе коварные каменные карманы, ведущие в тупики. И даже скрывают колодцы-ловушки, попав в которые не выбраться назад. Но одно дело — читать об этом, сидя дома на диване, другое — оказаться здесь, под землей, в совершенном одиночестве. И нужно было Прытковой вешать детям на уши очередную байку насчет пещеры! Как будто она не знает, насколько непредсказуемы подростки!

— Дима! Саша! — вновь стала звать Лариса, потрясая бейсболкой. Кепка была единственным доказательством, что дети где-то рядом. Коридор сужался, превращаясь в узкую щель. Неужели пацаны могли зайти так далеко? Зачем? Перспектива протискиваться по скользкому,

холодному коридору приводила Ларису в ужас. Оказавшись вплотную к стянувшемуся до узкого лаза проходу, она заметила, что судорожно сжимает одной рукой бейсболку Димки Воскобойникова, другой — до боли в пальцах — фонарик. Обе руки затекли. Прислонившись к стене, Лариса принялась растирать их. Неужели ей придется лезть в эту щель? Одна мысль об этом леденила конечности. Но она не может вернуться без детей. Не может! А вдруг они угодили в один из каменных колодцев? Вдруг они погибли?..

Чувства Ларисы кипели. Они претерпевали настоящую химическую реакцию, то и дело изменяясь, приобретая новую глубину и окраску отчаяния. Она не знала, что делать. Больше всего на свете в эту минуту ей был необходим знак, намек — в каком направлении двигаться. Остальное не имело значения. Страх змей, летучих мышей и сырого подполья видоизменился с той секунды, когда к ней в руки попала бейсболка.

— Ну что-нибудь... что-нибудь, — прошептала она, прижав к губам козырек бейсболки. И мгновение спустя до нее донесся звук. Она застыла. Она вся превратилась в слух. Даже кожей. Даже волосами. Но звук не повторился. Застыв, как изваяние, она сидела долго, очень долго. Но пещера словно играла с ней. Она спрятала все звуки. Даже вода перестала капать. Тишина давила и оглушала. Что же это было? Ведь было же! Или у нее начались слуховые галлюцинации?

### ГЛАВА 3

В загородном доме Инны Викторовны Кравцовой стояла непривычная тишина. Когда хозяйка, нагруженная сумками с продуктами, вошла в светлый холл, тишина просто сдавила ей голову. Она опустила сумки на пол и постояла потрясенная. Надо же! Тишина, о которой мечтала и которую жаждала, вдруг настигла ее и испугала! А ведь как, бывало, раздражала Андрюшкина привычка включить одновременно телевизор и компьютер и сидеть в этом электронном аду с выражением полного блаженства на лице. А Лизина манера заниматься шейпингом у себя в комнате под зверские ритмы музыкального центра? Иногда Инна Викторовна не выдерживала и врывалась к дочери с перекошенным от гнева лицом: «Лизка! Снова в столовой с люстры висюльки падают от твоих прыжков! Что за моду взяла скакать на втором этаже? Тренажерного зала тебе мало?»

— Господи! Думать о хрустальных висюльках! Не ценить тех мгновений, когда дети рядом с тобой! Когда они нуждаются в тебе!

Инна Викторовна почувствовала, что готова заплакать. Устроить истерику на ровном месте! Этого только не хватало...

Она подхватила сумки и пулей вылетела на кухню. Рассовала по шкафчикам коробочки и баночки. Схватила оба полотенца и помчалась к стиральной машине. Наскрести прятков для стирки — спасение. Ровный гул стиральной машины всегда действует на нее благотворно. Вроде кто-то живой дома. Одновременно со звуком стиральной машины раздалась мелодия телефона. Инна Викторовна поспешила снять трубку.

Сначала она ничего не поняла. Звонила какая-то Оксана. Пациентка? Ах, подруга Ларочки! Нет, Ларочки здесь нет. И вчера не было. Никто не подходит к телефону? Ну не знаю...

Никогда прежде Инна Викторовна не стала бы вникать в суть звонков такого рода. Она — человек занятой и разыскивать племянницу Ларису ей некогда и незачем. Лариса сама приходит к тетке, когда захочет. Но сегодня Инна Викторовна была настроена совсем иначе. Тем более что в голосе Ларисиной приятельницы Оксаны что-то такое мелькнуло, что зацепило

Инну Викторовну. Ноты откровенного отчаяния говорили об остром душевном одиночестве. И отклик в душе Инны эти ноты нашли мгновенно.

— Оксана! Да вы, похоже, плачете? — догадалась Инна Викторовна. — Боже мой, не надо плакать! Мы вместе найдем Ларочку! Где вы сейчас находитесь?

На том конце провода что-то булькнуло и хлюпнуло. Инна Викторовна воодушевленно продолжила:

" — Садитесь на любую маршрутку, которая идет до остановки «Дачная». Мой дом № 15. Мы решим вашу проблему, дружок. Я вас жду.

Инна Викторовна вернулась на кухню. Теперь уже с признаками некоторого воодушевления. Она принялась за сооружение ужина на скорую руку. Через полчаса она поняла, что с нетерпением ждет приезда этой совершенно незнакомой Оксаны, чтобы отвлечься от собственных мыслей и проблем и переключиться на чужие. Когда раздался звонок в холле, Инна Викторовна почти побежала к двери, чего давно не делала.

Перед ней предстала молодая женщина, которой еще можно было сойти за девушку. В силу своей профессии и жизненного опыта Инна Викторовна возраст определяла безошибочно. Она могла, например, уточнить: человек выглядит на тридцать, но ему не меньше сорока. Вот и тут она определила, что молодая женщина хорошо следит за собой, но наверняка приближается к рубежу тридцатилетия. Ветровка на гостье была распахнута, обе золотые цепочки сбились набок. Но больше всего о ее эмоциональном состоянии кричал прикрытый тональным кремом синяк. Он сразу бросился Инне Викторовне в глаза, хотя она и сделала вид, что ничего такого не заметила.

— Вы ведь тетя Ларисы, я не ошиблась? Мне так неудобно отрывать вас от дел...

Инна Викторовна молча взяла гостью за обе руки и повела в дом.

— И совсем вы меня не оторвали от дел, дорогая. У меня абсолютно свободный вечер, я рада познакомиться с Ларочкиной подругой. Мне бывает стыдно, что я мало интересуюсь жизнью племянницы. Все некогда. Вот, например, сегодня. Когда вы позвонили, у меня абсолютно вылетело из головы, что у Ларочки — поход.

— Поход?..

Гостью буквально обмякла при этом известии. Будто у нее окончательно выбили почву из-под ног. А ведь она и так едва стоит на ногах. У бедняги стряслось что-то серьезное. Инна Викторовна усадила девушку в кресло и, не переставая щебетать о том о сем, притащила в гостиную закуску, кофейный ликер и фрукты. Девушка смотрела прямо перед собой, часто шмыгала носом и хрустела пальцами. Инна Викторовна знала — пальцы дрожат, с ними трудно совладать. Это бывает при сильном эмоциональном стрессе.

Инна Викторовна подвинула гостье рюмку с ликером и весело объявила:

— За знакомство! Кстати, меня зовут Инна Викторовна. А вас?

— Оксана.

— Будем знакомы, Оксана.

Выпили. Инна Викторовна щебетала, а Оксана еще некоторое время находилась в полнейшей прострации. Потом сказала:

— Значит, я не увижу Ларису еще дня... три?

— Думаю — да. Лариса — работник ответственный. У нас в семье по женской линии все такие. Сказало руководство — в поход, пойдет в поход. А как же? Такие учителя, как Лариса, для сегодняшней школы — роскошь.

Оксана рассеянно кивнула. Было видно, что она о чем-то мучительно размышляет и до Ларисы ей по большому счету как до Луны.

— Оксана, мы с Ларисой — близкие родственники. И подруги. — Инна Викторовна решила перейти на более твердый тон, которым обычно и разговаривала со всеми. — И вы можете смело мне довериться. Тем более — я врач.

Я вижу, у вас что-то стряслось. На вас напали? Я правильно поняла?

Глаза Оксаны, крупные, немного навывкат, мгновенно наполнились слезами. Она отрицательно покачала головой. В ней боролись два чувства. Ей отнюдь не хотелось излить душу незнакомому. Но не могла она вернуться туда, откуда только что убежала.

— Вас обидел близкий человек? — подсказала Инна Викторовна.

Оксана взглянула на нее испуганно и... разрыдалась. Инну Викторовну давно не потрясали чужие рыдания. Более того — за долгие годы работы она сама разучилась распускать слюни. А уж когда стала заниматься частной практикой и поднимать собственную клинику — научилась просто не замечать чужих слез.

Или же замечать только в интересах дела. Сегодня — особый случай. Перед ней сидела девушка чуть старше ее детей. А думы о младшей, Лизе, которую угораздило улететь так далеко от дома, последнее время все чаще сопровождалась слезами. А Андрей? Тоже — хоть плачь. Вляпался по самое некуда! Вроде этой бедолаги.

Потому Инна Викторовна принялась живо хлопотать вокруг Оксаны, совать ей мокрое полотенце, наливать зеленый чай с медом, капать валерианку.

— Вы не подумайте, — захлебываясь слезами, умоляла Оксана, — Игорь не такой! Вообще у нас не было никогда, чтобы он руку на меня поднял. Никогда! А сегодня...

Инна Викторовна молчала. Вот где преимущество одиночества! Чтобы какой-то придурок на тебя еще и руку поднимал? Ну уж этого она бы не стерпела! Ее последний муж был ужасный зануда и вечно ворчал. И чего добился? Инна Викторовна не стерпела и сказала ему «прощай». И никаких страстей. Уж если с отцом своих детей она не побоялась расстаться, то что такое — третий муж? А эта бедняжка, похоже, любит своего обидчика. Страсти-мордасти.

— Темперамент подвел, — подсказала Инна Викторовна.

— Какой темперамент? Игорь знаете какой? Он раньше то и дело с цветами домой приходил. И всегда чуть ли не вприпрыжку с работы бежал. Мне все подруги завидовали. А тут — как подменили человека. Выпивать стал. И по пьяной лавочке такой злобой наливается! Обвиняет меня в таком... нарочно не придумаешь. — Глаза Оксаны, только-только начавшие подсыхать, снова наполнились влагой. — Чуть руку не вывернул!

Оксана закатала рукав и показала Инне Викторовне два внушительных синяка.

— Где же кроется причина? — как бы сама себя спросила Инна Викторовна. Этот вопрос она задавала всякий раз, когда бралась ставить диагноз. Болячка, как правило, налицо. Яснее ясного. А вот причина бывает разная. И лечить надо причину. Инна знала это точно — болячку без причины лечить бесполезно.

Инна Викторовна задала свой вопрос в никуда и ответа, собственно, не ждала. Она рассуждала вслух. Но Оксана не знала привычек Инны Викторовны и вопрос восприняла конкретно. И хозяйка заметила, что ее гостя смешалась и как-то даже испугалась. А чего пугаться-то? Известное дело: если вдруг ни с того ни с сего мужик начинает вести себя по-свински — этому должна быть причина. Говорят ведь: не буди во мне зверя. Так ведь кто-то этого Зверя разбудил? Элементарно.

— Я думаю... его сглазили! — быстро сказала гостя и даже будто обрадовалась тому, что нашлась. — Да, его сглазили. Нам все завидовали, абсолютно все. Даже мои близкие подруги. Даже свекровь. Они с дедом, как кошка с собакой, а мы всегда — душа в душу.

Инне Викторовне стало интересно. Она любила докопаться до истины. Конечно, то, что лепечет это дитя, — сушная дребедень. Что значит — сглазили? Если так рассуждать, то у нас полстраны сглазили. Мужики пьют, женщины гуляют, дети наркоманят. Сглаз и порча. Нет, милочка, причина имеется, и ты наверняка ее знаешь. И почему-то скрываешь. А дело-то без причины с мертвой точки не сдвинется.

— Я, кажется, догадалась, какое дело у вас к Ларочке, — улыбнулась Инна Викторовна.

Оксана схватилась за чашку с чаем и стала лихорадочно глотать остывший чай.

— Вы слышали, что Ларочка собралась со Стасиком ехать к бабке. Так? Сглаз снимать. Она надеется, что после этого сможет забеременеть. Я могу ее понять: они уже отчаялись завести ребенка и готовы схватиться за любую соломинку. Но вы-то! Думаю, в вашем случае снятие порчи не поможет.

— А что поможет? — Оксана оторвалась от чая и с надеждой взглянула на собеседницу. Ларисина тетка казалась ей в эту минуту единственным спасением. Во-первых, она врач. Во-вторых, она старше и опытнее. А в-третьих — они вращаются в разных кругах, что очень существенно. Инна Викторовна не может насплетничать, разболтать общим знакомым Оксанину историю. Оксана буквально впиалась в Инну Викторовну глазами. Та задумчиво смотрела на гостью.

— Нужно вскрыть причину. И устранить ее.

Оксана наморщила лоб. Она любит, когда люди выражаются более понятно. Вскрыть причину? Да именно этого она и сама хочет! Кто? Кто эта змея, которую она, Оксана, пригрела у себя на груди? Она вскроет причину, можете не сомневаться! Вскроет и устранит!

— Скажите, Оксана, ваш муж... он... не падок на женщин? Оксана подняла на Ларисину тетку глаза, полные возмущения.

— Ну что вы! Я же говорю: он меня обожал всегда. На руках носил.

— Тогда, возможно, — ревность? Вы наверняка дали ему повод. Если хорошо подумать, можно вспомнить что-нибудь, а?

— Никакого повода я ему не давала! У меня и в мыслях-то не было поставить под угрозу семью ради приключения. Да и не любительница я разных там скороспелых романов. Дружим мы только семейными парами. У нас сложился свой круг. Лариса со Стасиком, кстати, в него входят. Никогда никаких вопросов не возникало.

Оксана, вроде бы успокоившись, вдруг на ровном месте принялась всхлипывать и лить слезы. Инна Викторовна подлила ей ликеру.

— Тогда, Оксаночка, я посмею предположить, что у вас появилась завистница, которая очень умело раздувает пожар в вашей семье.

Инна Викторовна имела опыт. Она смотрела на свою гостью хоть и сочувственно, но все же снисходительно. Нужно уметь выбирать подруг. Это большое искусство. Инна Викторовна с осторожностью подходила к этому вопросу и не понимала, как можно дружбу ставить выше семейного благополучия. А ведь именно от дисбаланса в этом вопросе и случаются многие семейные драмы. Хотя это всего лишь версия Оксаны, которая той почему-то больше других нравится. Что-то здесь не так...

Оксана странно отреагировала на слова Инны Викторовны. Затравленно стрельнула глазами и спрятала их.

— Да, наверное, вы правы. Я же говорю: мне все завидовали. Игорь так меня любит...

Она твердила одно и то же, как попугай, и Инна понимала, что Оксана от нее отгораживается. А на самом деле в ее головке зреет что-то свое, недоступное постороннему. И что бывает в результате подобного созревания, Инна как врач знала. Вот сидите вы тут, душевно разговариваете «за жизнь», а потом человек, только что сидевший с тобой за одним столом, уходит и кончает жизнь самоубийством. Или же убивает кого-нибудь. Таких историй Инна Викторовна повидала. Потому сразу насторожилась: «Нет уж, красавица, ты мне мозги не запудришь. Я душу из тебя вытряхну, сама наизнанку вывернусь, но дознаюсь, зачем тебе Ларочка понадобилась и за что тебя твой навеки муженек поколачивает».

— А как вы, Оксана, с Ларисой познакомились? — прикинулась ветошью Инна Викторовна. — Соседи?

— Мы вместе лечение проходили. От бесплодия.

— Вот как? Так у вас вроде дочка есть?

— Ну да. Потом родилась. А сначала детей не было, не получалось. Ну, направили на обследование. У Ларисы та же проблема. Там и познакомились. Знаете, общая болезнь сближает.

— Что вы! Еще как! — поддакнула Инна Викторовна. — Но вам-то, как видно, лечение помогло. А вот Лариса до сих пор страдает.

Инна Викторовна говорила, а сама наблюдала за гостьей. Боялась упустить малейшую деталь в выражении ее лица. И заметила, как смешалась Оксана, услышав последние слова. Глазки увела, руками по коленкам забегала. Словно ее в чем-то уличили. А может, у нее ребенок неродной? Приемный? И они с мужем это не афишируют?

— У Ларисы все будет хорошо, — сказала Оксана и решительно поднялась. — Спасибо вам. Вы меня поддержали...

— Куда же вы пойдете? — встрепелась тетка Ларисы. — Оставайтесь ночевать. Ведь окажись Лариса дома, вы остались бы?

— Нет, нет, спасибо, я пойду, — скороговоркой отгарабанила Оксана и попятилась к выходу. Взгляд у нее был бегающий.

Не понравился Инне Викторовне ее взгляд. Нельзя эту Оксану в таком состоянии никуда отпускать.

— Вы знаете, Оксана, у меня дети вашего возраста. У каждого из них масса проблем. Нам с вами будет о чем поговорить. А то мне и поболтать не с кем. На работе лучше свои болячки не выставлять, а подругам тоже все не доверишь...

— Никому нельзя доверять! — неожиданно зло и горячо подхватила Оксана. — Особенно подругам!

— Я с вами абсолютно согласна! Поэтому все приходится держать в себе. А ведь иногда так хочется поделиться...

— Вот именно! Иногда сил нет держать в себе! Инна Викторовна с большим интересом наблюдала за преображением собеседницы: женщина то вспыхивала, как костер от порыва ветра, то тухла, как фитиль без масла.

Чем-то таким она поделилась с кем-то, это ясно. Уж не с Ларисой ли?

Инна Викторовна считала себя крупным стратегом. Она умела вести разговор так, что человек, не получая вопросов с ее стороны, сам выбалтывал все, что надо. Трудно скрыть то, что болит внутри. Вот сейчас они обе вроде бы говорят на одну тему. Но ведь каждый о своем! Еще немножко, и ларчик с секретами этой Оксаны откроется! Если Ларисе грозит неприятность, то она эту неприятность от племянницы отведет. Это ее долг перед покойной младшей сестрой. Инна Викторовна старалась быть в курсе дел Ларисы. Конечно, это непросто и не всегда удается, но... И замуж Ларису выдала, и в клинику не раз устраивала, и в санаторий отправляла, и... Ну, в общем, сестра была бы не в обиде.

— Сынок меня беспокоит, — доверительно сообщила Инна Викторовна, — Андрюшка. Умник он у меня. Компьютерщик. А женился неудачно.

— С ребенком взял?

— Нет. Это бы полбеды. Чужих детей я не боюсь. Дети ни в чем не виноваты. Просто, Оксаночка, я вот пятьдесят лет на свете прожила, а такого чуда, как Андрюшкина жена, не видела!

— Страшная?

Инна Викторовна засмеялась. Да пусть бы страшная. Пережили бы такое горе как-нибудь.

— Моя старшая сестрица Ульяна ее знаешь как окрестила? Чисто по-русски. «П...да-растрепа».

Даже измученная своими мыслями, Оксана не могла не улыбнуться.

Инна Викторовна удовлетворенно кивнула:

— Я таких нерях в жизни не видела. Андрюшка долго копал, прежде чем откопать такое чудо.

К тому же готовить вовсе не умеет.

— Сколько ей лет?

— Двадцать с хвостиком. А ведь он домосед по природе. Он до нее и девчонок-то не видел. Уставится в свой компьютер, а сзади еще телевизор надрывается. И вот вам, пожалуйста, вляпался. Она яичницу поджарить не умеет, а трусы так просто в мусорку выкидывает, чтобы не стирать.

Оксана передернула плечами. Вспомнила свою вылизанную квартирку в малосемейке.

— Нет. Я аккуратная. И готовить люблю, — глубоко вздохнула она.

— Да таких, как наша Кристина, просто в природе больше нет! Такую воспитать — измудриться надо!

Инна Викторовна воодушевилась. Она могла развивать тему Андрюшкиного брака до бесконечности. И ведь квартиру им Лиза свою оставила — живи и радуйся!

— Не представляете, Оксана, во что Кристина превратила квартиру. Я вчера ходила к ним убираться — чуть пылесос не сломала. Он забился ее волосищами и не в силах работать, бедный.

— Кошмар... — отозвалась Оксана. Но Инна Викторовна заметила, что вопрос собеседницу не трогает и она снова потихонечку «тухнет».

— Да лучше бы он с ребенком взял, лишь бы она нормальная была, домовитая.

— С чужим ребенком — не надо, — возразила Оксана, глядя куда-то мимо Инны Викторовны.

— Что вы, Оксаночка! Вы Андрюшку не знаете! Он такой тютя! Он добрый. И чужого любил бы как своего.

— Да не верю я в это! — вдруг вспыхнула Оксана. — Они любят только себя! Все мужики — эгоисты! И в детях любят себя! А если возникает хоть малейшее подозрение, что ребенок не его кровный, — куда она девается, эта любовь!

Оксана вся так всколыхнулась, что у Инны Викторовны не осталось сомнения — это свое, наболевшее. Но не успела она додумать выплывшую из ниоткуда мысль, как запиликал телефон. Он звонил долго, настойчиво, пока Инна Викторовна семенила в своих пушистых тапочках из гостиной в кухню. Она была уверена, что это звонок из-за границы, и приготовилась услышать четкий грудной голос Лизы. И была сбита с толку беспокойным Андрюшкиным баском.

— Mam, включи телик. Областное телевидение.

— Да что случилось? Научное светило прибыло из Москвы?

— Если я не ошибаюсь, с Ларисой что-то. Включай. Я сейчас к тебе еду.

Забыв о госте, чувствуя, как внутри все деревенеет — будто под действием анестезии, Инна Викторовна двинулась к телевизору. Она включила областной канал и сразу узнала экстравагантную училку из Ларисиной школы. По телевидению та выглядела еще смешнее, чем в жизни. Подбородок у нее трясся как холодец. Инна Викторовна долго не могла вникнуть

в суть. Училка что-то говорила, но что именно, было не слышно, за кадром звучал голос корреспондента. Соединить картинку и речь в своем сознании Инне Викторовне не сразу удалось. Она искала глазами племянницу. На заднем плане ученики складывали в автобус рюкзаки и сумки. «Спасатели уже выехали на место происшествия...»

Фраза докатилась до сознания Инны Викторовны, и она, беспомощно оглянувшись вокруг себя, еле слышно прошептала:

— Лариса...

## ГЛАВА 4

«Соберись, Лариса Николаевна, — строго приказала она себе. — Сосредоточься. Постарайся припомнить все оттенки звука. Почему он тебя привлек? Откуда исходил?»

Звук исходил со стороны узкого прохода. Кажется, так. Нет, кажется или действительно так?

Лариса не давала себе поблажки. Да, звук появился со стороны прохода. Ведь когда она услышала, то моментально повернула голову влево, вперед, а не назад. Так, уже хорошо. Теперь характер звука. На что похоже? Крик? Всплеск? Звук упавшего камня? Могло быть и то, и другое, и третье. Конечно, мог быть крик. Но почему не повторился? Может быть, ребята ранены? Может, они без сознания и это крик сквозь бред?

Лариса поднялась на ноги. Нечего рассуждать. Если есть хоть один шанс из тысячи, что это был чей-то крик, то она должна идти. Ползти. Двигаться.

И она пошла. Идти приходилось боком. Проход сужался, и Лариса не могла не думать о перспективе протискивания сквозь каменную щель. Выбора не было. Лариса двигалась, стараясь не суетиться и не паниковать. Она подбадривала себя, хваля за каждый шаг. Согласно преданию узкий проход должен вывести ее к гроту. Если верить утверждениям Прытковой, хитроумное племя нарочно заузило ходы, чтобы удачнее обороняться от неожиданных гостей. Сюда мог проникнуть только человек особой комплекции, обладавший гибкостью животного. Вряд ли разбойникам удалось протащить сюда награбленное добро. А вот женщина Ларисино склада пройти должна была. Еще усилие, и Лариса вырвалась из тисков узкого прохода. Она очутилась в темноте нового пространства, которое предстояло обследовать. На это не было сил. Она прислонилась к стенке, тяжело дыша и растирая затекшие руки. И тут она услышала вздох. Кожа мгновенно покрылась тысячей колючек, волоски по всему телу встали торчком. Здесь, рядом, кто-то дышал!

Разогретый страхами мозг Ларисы услужливо подкинул ей букет самых ужасных картинок. Чудовища, одно страшнее другого, представились ей ясно, будто она смотрела фильм ужасов. Ей захотелось стать маленькой, невидимой или вконец испариться. Она прекрасно понимала, что если это животное, то оно найдет жертву по запаху. Страх стал живым. Он стоял у нее за спиной, дышал в затылок, тянул к ней из темноты свои мохнатые лапы, и Лариса боялась дышать.

И в этом полубморочном состоянии она услышала нечто. Это был полусшепот-полустон, звуки которого она попыталась сложить в мозгу и как-то обозначить.

— А-а-а-на...

Она не пошевелилась.

— А-а-а-а-вна...

Да, это был— голос. Она лихорадочно шарила рукой по брючине, отыскивая фонарик. Она засунула его в карман. Внутри потихоньку начинала теплиться надежда. Если только у нее не начались слуховые галлюцинации, то она слышит свое имя «Лариса Николаевна». Кто-то из мальчишек зовет ее. Но почему так тихо и робко?

— Дима? Саша?

Ей наконец удалось включить фонарик. Она шарила лучом по стенам, но видела только свисающие отовсюду песчаные наросты.

— Ише... ише...

Что за чертовщина? Она ясно слышала голос. Но никого не видела. Голос просил говорить ее тише. Почему тише? Она могла кого-то разбудить? В голову лезла всякая ерунда. Вспомнилась легенда об одноглазом циклопе, разбудив которого путники обрекали себя на гибель. Лариса нервничала и осознавала это. Собрала в кулак всю волю, она заставила себя встряхнуться. Рука с фонариком тряслась. Шаря во всех направлениях, Лариса пыталась отыскать источник голоса. Но пока ее попытки помогли ей лишь немного привыкнуть к новому пространству. Это был причудливый неровный свод. Она стояла на выступе, который через пару шагов уходил вниз. Что было внизу, Ларисе видно не было. Она решила подойти и посмотреть, что же там, внизу. Но едва она сделала шаг, выступ, на котором она стояла, начал осыпаться. Он уплывал у нее из-под ног. Она прыгнула назад и прижалась к стене.

«Ише...» — снова услышала она. Догадка пронзила мозг.

— Дима? Саша? Вы там, внизу?

— Да... — раздалось снизу, как из колодца.

— Саша, это ты?

Внутри Ларисы всколыхнулась радость. Да, в ней жил ужас, но радость уже подвинула его! Лариса не одна в этом ужасном подземелье, она нашла их!

— Да...

— А Дима? Он с тобой? Вы живы?.. оба? Ты не можешь говорить?

— Мы здесь. Тише, Лариса Николаевна!

Лариса слышала нечеткий голос Петрова, и ее обостренный слух ловил даже те звуки, которые не долетали до верха. Конечно, ребята не могут кричать. Теперь она понимала: они свалились вниз, шагнув вперед не так осторожно, как она. Их могло засыпать породой. Сколько часов они там находятся?

— Саша? Ты меня слышишь? — стараясь говорить как можно спокойнее и решительнее, произнесла Лариса. — Я все поняла. Я сейчас что-нибудь придумаю. Я только тут немножко посмотрю. Обязательно должно быть место, где можно спуститься...

Она лихорадочно соображала. Кажется, такие пещеры возникают там, где в земле трещины. Где проходят грунтовые воды, создавая порой целые подземные реки. Известковые породы

образуют слои вместе с сыпучими... Но ведь до сих пор земля была довольно твердой? Почему же здесь порода посыпалась?

— Сейчас... Я сейчас, — приговаривала она, двигаясь по узкой каменной тропинке вдоль стены, стараясь не наступать на сыпучую песчаную поверхность.

Пока ей везло. Под ногами было твердо. Петров снизу что-то говорил ей, но она не могла разобрать его слов — она слушала лишь свои ноги. А ногам вторило бешено колотившееся сердце. Видел бы ее сейчас Стасик! Он привык созерцать ее домашнюю, в пушистых тапочках и велюровом халате. Он часто подтрунивал над ее «домашностью». Наверное, потому и увлекся деловой женщиной. Ту, другую, Стасик видел подтянутой, ухоженной. Они работают дверь в дверь. Он — нотариус, она — адвокат. Производственный роман Нет, не думать об этом!

— Сейчас, мальчики. Я уже почти пришла, — сказала Лариса и с удивлением обнаружила, что действительно находится у самого края каменистого выступа. Здесь каменная тропинка превращалась в скользкие ступеньки, почти вертикально направленные вниз.

Стараясь не думать о том, как они станут подниматься, Лариса спустилась на пару ступенек и направила фонарь вниз. Теперь она могла рассмотреть днище «склепа». То, что она увидела, не вязалось ни с одним из ее ожиданий. Пол пещеры был засыпан, видимо, только недавно обрушившейся породой. И среди этих песчаных холмов торчали две головы — Саши Петрова и Димки Воскобойникова. Желудок Ларисы стянуло в узел.

«Не ныть!» — решила она и заставила себя не заохать и не закричать. Глаза Воскобойникова были закрыты. Зато Петров таращился на нее вовсю. Их засыпало песком по самые плечи. Лариса заставила свое стянутое маской страха лицо изобразить улыбку.

— Ну вот я и добралась до вас, негодники! — пробормотала она, нащупывая ногой следующую ступеньку. Ступеньки были разной высоты, скользкие, заросшие плесенью. «Только бы не свалиться!» — приказывала она себе, а вслух продолжала: — Ну и задам же я вам, братцы-кролики, как только откопаю! Можете приготовиться, я почти у цели.

Теперь ей хорошо было видно лицо Саши Петрова, его потрескавшиеся губы, перепуганные глаза. Ее тревожили закрытые глаза Воскобойникова. Но она не торопилась спрашивать.

— Вы не говорите громко, Лариса Николаевна, — зашептал Петров, не спуская с нее глаз. — Димка закричал, и вон тот край от крика осыпался.

— Я все поняла, — кивнула Лариса и мысленно похвалила себя за ловкость: она почти совсем спустилась вниз в абсолютной темноте. Ведь на последнем этапе пришлось убрать фонарик, чтобы освободить руки. Вот когда она пожалела, что не имеет снаряжения спелеологов с фонарем на каске!

Только ощутив песок под ногами, она позволила себе облегченно вздохнуть. Она спустилась! Преодолела еще одно препятствие!

Снова на ум пришла странная ассоциация. Она вспомнила горячо любимые в детстве игры с фишками и кубиком. Сама игра представляла собой карту какой-нибудь сказочной страны, а игроки были путешественниками. Кидаешь кубик и делаешь выпавшее количество ходов. И никогда не знаешь, куда попадешь. Тогда, в детстве, это казалось таким увлекательным! Со своими двоюродными сестрой и братом — Лизой и Андреем — Лариса могла часами блуждать по выдуманному лабиринту игры...

Увязая в песке, Лариса добралась до ребят.

— Что с Димой?

— Кажется, он сознание потерял.

Петров хоть и выглядел перепуганным, но держал себя в руках. Молодец. Лариса положила фонарик на песок и принялась откапывать Петрова.

— Саша, сейчас мы откопаем тебя, потерпи. А потом ты мне pomoжешь вытянуть Диму. Ты ничего не сломал? Где болит?

— Я не знаю. У меня все тело как неживое.

— Ничего, сейчас, потерпи...

Лариса стала разгребать песок. Довольно быстро ей удалось освободить Сашины руки. Дальше пошло хуже — сказывалась усталость. Лариса торопилась. Сейчас в онемевшие Санькины руки начнет поступать кровь, а это больно, она знала. Нужно работать скорее, чтобы он не смог ей помешать. Выбиваясь из сил, она отгребала песок. Помогать ей Петров не мог — руки отказывались двигаться. Он только пытался ими шевелить, закусив губу от боли. Только когда она добралась до коленок, дело пошло быстрее. Петров пытался выдернуть ноги из песка. Как только ему это удалось, он с помощью учительницы выполз на поверхность и растянулся на песке. Сначала он заскулил от боли, потом заскрипел зубами и принялся кататься по песку.

— Сейчас пройдет, Саша, потерпи, — подала голос полумертвая Лариса. Она лежала, пытаясь выровнять дыхание и дать отдохнуть обессилевшим рукам. Предстояло откапывать Димку. А ей казалось, что на это у нее не хватит сил. Наконец Петров затих. Лариса взяла фонарик и подползла к мальчику. — Саша, ну как ты? Ты что, заснул?

Бледное лицо Петрова, покрытое слоем светлой пыли, не выражало никаких эмоций.

— Саша!

— Да, — совершенно не сонным голосом отозвался Петров.

— Ты можешь двигаться?

— Кажется, да.

Они подползли к Воскобойникову. Его бритая голова с закрытыми глазами клонилась влево. По ней ползали муравьи. Петров и Лариса, не сговариваясь, принялись за работу. Сколько времени прошло, пока они откопали Воскобойникова? Может, час, а может — два. Лариса не переставая ругала себя за то, что послушалась Прыткову и не взяла в поход часы. Та настаивала чтобы предметы цивилизации остались в городе. Доигрались... Краеведческий клуб «Возрождение», руководимый Прытковой, был своеобразной учебной игрой, которой ей удалось увлечь всех старшеклассников. Поскольку до сих пор их игрища проходили удачно, директор особо не вникал в систему правил и условностей «Возрождения». Ну, Прыткова! Лариса подбирала слова, которые скажет коллеге, как только выберется отсюда. Она невольно усмехнулась: дело за малым — выбраться...

Они вытащили Димку на ровную поверхность. Лариса ощупала руки и ноги Воскобойникова. На ощупь все нормально. Сашка Петров приложил ухо к Димкиной груди. Сердце стучит.

Как Лариса и рассчитывала, Воскобойников пришел в себя от боли. Он застонал и открыл глаза.

— Где я? — спросил ошарашенный Димка.

Лариса заплакала. Сколько раз Воскобойников доводил ее на уроке до белого каления! Он любил привлечь к себе внимание любым путем. А теперь, глядя в его изумленную физиономию, Лариса готова была расцеловать этого негодника только за то, что он живой!

Она заставила мальчишек шевелить руками и ногами, лишней раз желая убедиться, — что они ничего себе не сломали. Предстоял нелегкий путь назад. Лариса принялась инструктировать мальчишек относительно обратного пути. Никуда не сворачивать. Путь один — по лабиринту, вперед и вперед. И никаких фокусов. Лариса посветила фонариком в лица учеников. Воскобойников молча кивал, а Петров... Он смотрел мимо Ларисы, куда-то вверх, и к чему-то прислушивался. Лариса молча проследила лучом фонарика его взгляд. Вверху, где оставался вход, откуда они все и пришли, как раз над тем местом, где Лариса впервые догадалась о случившемся, из разлома песчаного свода продолжала сыпаться порода. Свод разъезжался, выбрасывая новые порции песка. Медлить было нельзя.

— Мальчики, быстро наверх. Дорогу знаете. Никто никого не ждет. Ясно?

Мальчишки молча уставились на нее.

— Чего смотрите? Кто первый выберется из пещеры, сообщит спасателям обстановку. Поняли?

— Поняли.

Воскобойников, несмотря на пережитый страх, а может, как раз благодаря ему, довольно резво выкарабкался по скользким каменным ступенькам. Петрову пришлось труднее — он потерял много сил, откапывая товарища Лариса стояла внизу и с тревогой следила за мальчишками. Она освещала им путь фонариком. Ей предстояло подниматься в кромешной тьме.

— Ну что же вы, Лариса Николаевна? Скорее, тут сыплется...

Она и сама видела. Как только Димка нырнул в черноту прохода, прямо у него за спиной с шумом обрушилась глыба породы. Песок повалил словно из гигантских песочных часов. Словно какой-то великан проковырял дырку в песочнице.

— Саша, скорее!

Петров, прижимаясь спиной к стене, с трудом пробирался к выходу. Луч фонаря плясал в руке Ларисы.

— А вы?

— Скорее! Нырять в проход! Иди не оглядываясь!

Только когда мальчишки скрылись в коридоре пещеры, Лариса позволила себе начать путь. Она положила фонарик в карман — теперь он был бесполезен. У Воскобойникова есть фонарь. Как ей хотелось верить, что мальчишки благополучно минуют узкий коридор! Ибо это самый трудный участок пути.

Лариса взбиралась по скользкой каменной лестнице и слышала, как вверху все усиливается

звук обвала. Она торопилась — карабкалась, цеплялась ногтями за мягкий влажный мох, уговаривала камни помочь ей, преодолевала ступень за ступенью. Но пыль, забивающая глаза, песок, который скрипел на зубах, известь, которую приходилось то и дело сплевывать, и нарастающий грохот отнимали у нее надежду. Начался настоящий обвал. И если вход все еще не засыпало, то пока она доберется, его засыплет наверняка. Замурует намертво.

«Это наказание! — сквозь слезы и песок заявила себе Лариса. — Ты не хотела жить из-за Стасика? Разве можно не хотеть жить? Только не в ту минуту, когда ты стоишь лицом к лицу со смертью». Она хочет жить! Со Стасиком, без Стасика — все равно! Она хочет видеть небо, траву, людей! Она хочет видеть учеников, она хочет видеть Прыткову! Она не позволит этой прожорливой пещере торжествовать победу. Она не даст поглотить себя!

Лариса вцепилась в каменный выступ и попыталась подняться выше. Встать. Но нога, попав на что-то скользкое, поехала. Лариса не удержалась и полетела вниз, больно ударяясь о камни. За ней летели куски породы. Песчаный свод рушился, безнадежно упрятав проход, в котором исчезли ребята. Лариса отползла в сторону. Она преследовала одну цель — спастись от обвала. Не быть погребенной заживо в толстом слое песка и породы. Она забилась в какую-то щель, закрыла голову руками, а губы шептали слышанные где-то слова не то песни, не то молитвы: «Ангел мой, будь со мной, иди вперед, а я за тобой...»

## ГЛАВА 5

...Перед тем как открыть глаза, Лариса увидела короткий остропахнувший сон. Запах сырой земли, разрытое поле, синий грузовик и Ларисины одноклассники с ведрами. Она поняла, что видит себя на уборке урожая в подшефном колхозе. Грузовик вдруг поехал, Лариса хотела крикнуть, что у нее ведро полное, чтобы подождали! Но грузовик уезжал, а Лариса не могла поднять ведро — оно было слишком тяжелым. От обиды и бессилия она проснулась и уставилась в темноту. И тут же со стремительностью мячика на резинке к ней стала возвращаться беспощадная действительность. Она одна, глубоко под землей, в этом чудовищном лабиринте. Проход засыпало, того свода, где она нашла мальчишек, больше нет. Он осыпался, а она успела забиться в какую-то щель и, вероятно, от ужаса и потрясений потеряла сознание. Сколько пролежала она в таком состоянии? Час? А может, сутки? А может, больше? Пыль успела осесть. Лариса облизала запекшиеся губы. Очень хочется пить. Так хочется, что даже чувство голода притупилось. Где-то она читала, что без еды человек может выдержать довольно долго. Больше месяца. Но не без воды.

Лариса попыталась пошевелить рукой. Затем — ногой Кажется, все цело.

Лариса села и принялась ощупывать пространство рядом с собой. Голая каменная стена. Лариса стала перемещаться вдоль стены, сама не зная зачем. Она продвигалась, пока рука не попала в пустоту. Пространство в стене. Щель. Лариса остановилась напротив этой щели, вытянула руки, насколько это было возможно. Кажется — новый тоннель! Страстно желая поверить, Лариса вглядывалась в темноту. Где-то там, далеко, сочился мутный неясный свет. Или ей это казалось?

Лариса вполне допускала, что у нее могут начаться галлюцинации. Она как следует потрясла головой и зажмурилась. Затем осторожно открыла поочередно оба глаза. Свет слабым матовым пятном дрожал в конце тоннеля. Определить расстояние до этого пятна на глаз не представлялось возможным. Лариса опустила на четвереньки и вползла в тоннель. Она передвигалась по длинной каменной кишке, не упуская из виду матовое пятно впереди. Она чувствовала, что отчаяние отступило лишь на шаг. Оно близко, оно дышит ей в затылок.

Отчаяние и безумие ползут за ней следом, и только колоссальным усилием воли ей удастся контролировать свое сознание. Вскоре ладони были изранены о бесконечный ракушечник и камни. Колени болели. И когда Лариса была готова подумать, что проход становится все уже, грозя стиснуть ее — и от одной только мысли она чувствовала, что теряет возможность дышать, задыхается, — именно тогда она очутилась вдруг в просторном каменном кармане, где немедленно вытянулась во весь рост, раскинув руки и ноги. Все тело гудело и ныло. Ладони горели, пальцы затекли. Ларисин мозг отметил, что дальше продвигаться будет легче — тоннель расширялся. Она сможет выпрямиться в полный рост. Лариса пошевелила пальцами и немедленно нащупала под собой гладкий камешек. Лариса лежала, закрыв глаза, и перекачивала в руке камешек, отмечая его гладкость, плоскость формы. Она попыталась представить мысленно траву, солнечный свет, деревья.

О, если бы она могла стать невесомой, взлететь, пройти сквозь толщу породы и очутиться там, наверху! Вдохнуть свежего воздуха, услышать шелест листвы!

Лариса сосредоточилась на этой мысли. Она вся сконцентрировалась, и желание ее стало столь пронзительным, что на миг ей показалось, будто она и в самом деле парит в воздухе. Лариса резко села и открыла глаза. Темнота была не абсолютной. Она сразу заметила, что различает очертания стен, выступы. Темнота стала разжиженной, рельефной. Среди темной породы выделялось светлое пятно в углу. Оно немедленно завладело ее вниманием. Она поднялась, приблизилась... и — с криком отпрянула! В углу каменного кармана сидел человеческий скелет!

Лариса подпрыгнула как ужаленная и метнулась в тоннель, в ту сторону, где маячил свет. Проход был достаточно широким — она бежала, а за ней разбуженным диким эхом летело ее «а-а-а!».

Подгоняемая новым ужасом, Лариса пробкой вылетела в серый свет сумрачного грота. Где-то невдалеке равномерно журчала вода. Лариса огляделась. Отовсюду сочился нечеткий мерцающий свет. Вода лилась прямо по вертикальной стене, падая куда-то вниз, за каменный выступ. От стены Ларису отделяла гряда камней. Движимая жаждой, Лариса подошла к каменной баррикаде и заглянула за нее. Это был каменистый берег подземной реки. Прямо у ног Ларисы берег обрывался, и там, далеко внизу, сумрачным блеском отливала черная вода. Лариса судорожно сглотнула несуществующую слюну. Язык во рту горел, стал большим. В горле щипало. Пить! Любой ценой достать воды! Хотя бы глоток воды!

Лариса поползла меж камней, пытаясь подобраться к воде. Нигде она не видела выступов, по которым можно было подобраться к воде. Влага блестела внизу, журчала по противоположной стене, дразня, издеваясь: «Вот я, достань меня!» В ярости и бессилии Лариса ударила кулаками по каменной плите грота. Что-то острое вонзилось в ладонь. Лариса разжала пальцы и уставилась на предмет, лежащий в ладони. Оказывается, все это время она держала в руке тот самый камешек, что случайно нащупала, когда увидела скелет. Камешек напоминал по форме березовый листок. Круглый с одного конца и острый с другого, он имел в своем острие дырочку. Увидев эту дырочку, Лариса догадалась, что камень изготовлен руками человека и скорее всего служил кому-то украшением. Она перевернула камень другой стороной. Здесь отчетливо выступал знак. Знак был высечен острым предметом и представлял собой трилистник, увенчанный сверху маленьким подобием чалмы. Точно такой же рисунок Лариса видела на черепках, найденных Прытковой!

Значит ли это, что легенда о странном племени — не сказка? И племя обитало в этих краях, а от врагов пряталось в лабиринтах пещеры? Тогда должен существовать выход!

Мысли Ларисы метались, голова кружилась. Она вдруг явственно вспомнила, при каких обстоятельствах нашла амулет с изображением цветка. Камешек мог принадлежать скелету! То есть тому, кто волей обстоятельств оказался заточен в каменном кармане. Если это человек из племени, то почему не нашел дорогу? Он, точнее, она должна знать все ходы и выходы! Почему же...

Лариса обессиленно опустила на каменный пол. Выхода нет. Если уж человек из племени не сумел выбраться отсюда, то у нее это и подавно не получится. Она обречена. Лариса почувствовала, как ее покидают силы, как все мысли и заботы куда-то уходят, как приходит тяжелый, будто анестезия, сон.

Она увидела свое тело сверху. Тело было грязным, перемазанным глиной. Оно лежало на каменном полу, никчемное здесь, бесполезное. Лариса вспомнила свое недавнее стремление пролететь сквозь толщу породы и... перевернулась в воздухе. Новое состояние забавляло. Лариса стремительно удалялась от своего грязного, безвольно раскинутого тела. Без особых затруднений она вылетела из каменного склепа. Солнце, зелень и щебет птиц были именно такими, какими она ожидала их увидеть и услышать. Лариса поднялась над лесом на высоту полета жаворонка. Она увидела реку, окруженную щеткой леса, каменистые гребни и холмы, кучки людей, божьими коровками суесящихся у холма. Что-то в этой кучке привлекло ее, и она приблизилась. Здесь была Прыткова. Учительница суеялась больше других, жестикулировала. От нее во все стороны летели искры. Здесь были все ученики Ларисы. Они тоже суеялись и выглядели озабоченными. Невдалеке стояло несколько машин, среди которых Лариса узнала «скорую помощь». Люди в белом тащили носилки. На носилках лежал Димка Воскобойников. Выглядел он как обычно: таращил глаза и корчил рожи девочкам. У Димки сбоку, на ремешке, болталась металлическая фляжка. Лариса приклеилась взглядом к этой фляжке и некоторое время следовала точно за ней. Потом она увидела Олю Земчихину, которая тоже заинтересовалась фляжкой. Оля что-то сказала санитарам, те кивнули, и... фляжка оказалась в руках у девочки. Теперь Лариса пристально наблюдала за Олей. Та отбежала в сторону, и Лариса проследовала туда же, не сводя глаз со щербатого бока фляжки. Оля Отвинтила крышку, и Лариса заволновалась. «Оставь глоточек!» — попросила она девочку и даже руку протянула к фляжке. От нетерпения Лариса внутренне дрожала.

Но Земчихина побултыхала воду в фляжке и... вылила ее в траву! Даже не взглянув в Ларисину сторону, Земчихина повернулась и вприпрыжку побежала к ребятам. А Лариса взвилась от возмущения и собственной беспомощности. Она летела за девочкой, ругаясь и грозя. Она пыталась достучаться до Земчихиной до тех пор, пока не услышала обрывок разговора. Говорили какие-то незнакомые мужчины и Прыткова. Лариса догадалась, что речь о ней. И что собравшиеся строят предположения о том, какая участь постигла ее, Ларису.

Мужчина в синем форменном комбинезоне настаивал на следующей версии: учительницу скорее всего завалило песком именно в тех сводах, где засыпало учеников. И если ученикам удалось спастись, то надежды на спасение учительницы не остается. Проход завален породой. Лариса попыталась вклиниться в разговор, но ее не заметили. Мужчина в костюме и с галстуком предложил взорвать проход. Лариса затряслась от возмущения и почувствовала, что все ее существо концентрируется в маленькую емкую точку. Она попыталась закричать. Она дергала за рукав того, кто в костюме, и билась о грудь того, кто в комбинезоне. Нельзя взрывать! Если взорвать, в пещере начнется настоящая катастрофа, а ведь она, Лариса Захарова, лежит на каменном полу в одном из закоулков лабиринта! Возле подземной реки! Она не погибла, она выбралась, проползла, добралась...

...Ее никто не слышал. Они как сговорились не замечать ее! Лариса всю свою злость сосредоточила на Прытковой. «Толстая корова! — стала она ругать коллегу. — Неужели ты

думаешь, что я так просто сдалась? Да ты же сама мне плешь проела, доказывая, что здесь целые лабиринты под землей! Что же ты молчишь теперь? Дурында!»

Прыткова что-то квакнула насчет древнего племени, но мужики взглянули на нее как на ненормальную. Ларису вдруг охватила страшная тоска. До нее докатилось смутное осознание ненормальности происходящего. Выходит, она раздвоилась? И половина ее находится здесь, на поверхности, а половина лежит там, в холодном подземелье? Уж не умерла ли она?

И тут Лариса услышала голос: «Лари-са...» Кто-то звал ее по имени незнакомо, протяжно. Лариса огляделась. Суета вокруг не имела ничего общего с идущим откуда-то издали голосом. Она решила, что должна немедленно выяснить, откуда идет голос. А попутно подумала об оставленной под землей Ларисе и моментально очутилась в сумрачном гроте. Сразу увидела себя, безмолвным комком лежащей на полу. Руки, перепачканные глиной, лицо в грязи. И футболка задралась, обнажив пупок. А джинсы разорваны на обеих коленках, как у подростков. Ларисе стало стыдно за себя, ту, которая валяется раскинув руки. Захотелось поправить, одернуть футболку, убрать волосы с лица, как-то привести себя в порядок. Но и этого она сделать не могла. А голос звал откуда-то из глубин подземелья. Он то приближался, то отдалялся. Прямо перед собой Лариса увидела проход в стене. Голос раздавался оттуда, и там же в глубине мерцало свечение. Как зеленый огонек светлячка в ночи. Лариса подумала про ангелов, про то, что читала когда-то в книжке одного английского умника о жизни после жизни. И с интересом стала ждать, кто же появится из проема в стене, светясь одеждами. Ее отец? Дядька по маминой линии, умерший пять лет назад от рака? Дед Савелий?

Но появившийся не оправдал ее ожиданий. В проходе, освещенный брызгами света фонаря, обозначился четкий мужской силуэт. Мужчина чертыхнулся, задев ногой скользкий увесистый камень. Лариса никогда прежде не слышала и не читала, что ангелы умеют чертыхаться. Она заметалась вокруг своего тела, стремясь прикрыть его поприличнее. Мужчина положил фонарик на камень и огляделся. Он увидел тело на полу и присвистнул. Свист в этой ситуации показался Ларисе неуместным. И даже оскорбительным. Так обычно свистел Димка Воскобойников, узрев у себя в дневнике очередную двойку. Вспомнив Воскобойникова, Лариса догадалась, что мужчина испугался. Он увидел то, что искал, и теперь боялся подойти. Он испугался, что Лариса мертвая. «Ну подойди же! — толкала его та, что болталась между небом и землей. — Дай же ей воды, или она действительно отбросит копыта от жажды!»

Мужчина теперь совсем не напоминал Ларисе ангела. Клетчатая рубашка с рукавами, закатанными до локтей, была мокрой под мышками. Черные джинсы облеплены глиной и известью. Пришелец источал острый мужской запах, который резко выделялся на фоне запахов сырой земли и плесени.

Мужчина наклонился над безжизненным телом и стал производить над ним общепринятые манипуляции. Он искал пульс, слушал сердце, тормозил тело и звал ее по имени. Лариса металась у него за спиной, пытаясь дать дельный совет и как-то помочь. Мужчина попробовал было сделать искусственное дыхание, но, видимо, оказался не силен в этом. Он попытался равномерно давить ладонью Ларисе на грудь. Так делают массаж сердца. Лариса видела сверху, как мужчина тормозит ее, бьет по щекам, пытается устроить ей под головой возвышение из песка. То вдруг передумывает и устраивает то же самое в ногах. Спаситель вел себя как дилетант. Но почему-то Ларису не покидало чувство, что она знает его.

Через полчаса бесполезных усилий мужчина отступил от безжизненного тела и уселся на берегу водоема. Он отвернулся к черной воде водоема. Все. Он сейчас уйдет. Он решит, что сделал все, что мог. Учительницу не спасти.

Он заберет фонарь, исчезнет в черном бездонном проеме, и тогда уже точно за бесприютной душой явятся настоящие ангелы. Ну и пусть. Она устала. Что она видела в этой жизни? Была ли счастлива? Об этом ли мечтала в юности?

Лариса с сожалением смотрела на свое замотанное тело и силилась вспомнить, о чем мечтала в юности. Да как о чем? Она хотела писать диссертацию! Ее интересовали поселения времен неолита. Конечно! Но тогда они познакомились со Стасом и поженились. Ему нужно было делать карьеру, а ей — обеспечивать ему условия. Они оба много работали. Она работала в две смены. Ей дали столько часов, что те с трудом умещались в тарифной сетке. Тут уж не до диссертации. Да, и еще она мечтала об экспедиции, о раскопках и исторических находках. Но все время занималась не тем, о чем мечтала. Бесполезная, никчемная жизнь. Там, наверху, видать, решили, что с нее хватит. Диссертацию не написала, ребенка не родила. Мужа удержать не сумела. Пора на перевоспитание, на небеса. А уж в следующей жизни, «когда я стану кошкой»...

Потянуло дымком. Это мужчина у воды курил, зло дергая плечом, когда нужно было стряхнуть в воду столбик серого пепла. Сейчас докурит, возьмет фонарь и...

— Черта с два! — ответил кому-то мужчина и решительно поднялся. Он вернулся к безвольной куче, именуемой когда-то Ларисой Николаевной, и стащил с нее майку. Лариса безучастно наблюдала за действиями непрошеного спасителя. Он бесцеремонно расстегнул молнию на джинсах женщины и, чертыхаясь и матерясь, стащил их и бросил рядом. Лариса метнулась к своему телу, словно могла прикрыть его наготу. Ничто не могло помочь Ларисе Николаевне. Она валялась голая и безучастная и не слышала увещаний своего бестелесного двойника. И не реагировала на действия спасителя. А тот не унимался. Он начал массировать пальцы ее ног. Он тер их каждый, все до одного. Затем перешел к ступням, щиколоткам и выше. Он разминал безучастное тело, приговаривая что-то себе под нос. Лариса со стороны видела, что труд этот вовсе не легкий: рубашка на спине мужчины промокла от пота. Он сбросил рубашку раздраженным движением плеч и продолжил работу. Лариса металась вокруг со все возрастающим волнением. Мужчина тер ее руки и вновь возвращался к ногам. Он взмок. Даже волосы мокро прилипли ко лбу.

Вскоре на теле Ларисы не осталось ни сантиметра, где бы ни прошли его руки. Лариса, та, что была невесомой, казалось, не могла ощущать прикосновений незнакомца. Но она была готова поклясться, что ощущает! Каждая клеточка ее тела горела под его руками. Руки были незнакомые, чужие, но негрубые. Они властно и вместе с тем бережно касались Ларисиной кожи. Он делал все, чтобы спасти ее, а она никак не могла слиться с телом воедино! Лариса видела на лбу мужчины бисеринки пота. И глаза его блестели влажно и сосредоточенно. Наконец он догадался — отвинтил колпачок фляжки. Капли влаги упали на Ларисины губы. Мужчина стоял на коленях и напряженно вглядывался в лицо Ларисы. Когда изо рта лежащей женщины раздалось первое подобие стоны, спина спасателя замерла. Ресницы женщины дрогнули, но глаза не открылись. Губы прошептали что-то, он не разобрал что. Он наклонил голову к самому ее лицу.

— Поцелуй меня... — услышал он.

Бестелесная часть Ларисы тоже услышала это и изумилась собственному бесстыдству. А мужчина не удивился. Видимо, усомнившись, правильно ли он понял ее просьбу, наклонился еще ниже и осторожно поцеловал ее в запекшиеся губы.

— Еще...

Лариса — невесомая — с изумлением наблюдала за странной формой возвращения к жизни. Мужчина целовал уже ее шею, грудь. Наблюдать эти манипуляции с собственным телом было странно и беспокоило. Она уже догадалась, чем это скорее всего кончится. И не ошиблась. Мужчина оторвался от Ларисы только для того, чтобы освободиться от собственных джинсов. Лариса не могла больше безучастно наблюдать. Она метнулась к своему телу, стала тормозить его. Она попыталась пошевелить рукой, ногой и вдруг неожиданно крупно вздрогнула всеми частями. Но этот ее вздрог был немедленно подавлен неслабым телом спасителя.

## ГЛАВА 6

Оксана вынырнула из постели и завернулась в бежевый пеньюар.

— Ты куда?

— В душ.

Оксана мило улыбнулась Игорю и улизнула. Она нырнула в прохладу тесной ванной и зачем-то набросила крючок на дверь. Она сделала это машинально, не осознавая причин. И только когда включила душ и подставила себя под теплые струи, заметила этот крючок и задумалась. Она что, стала бояться собственного мужа? Раньше она никогда не запиралась в ванной. Ласки Игоря ей приятны. И бывало, она нарочно оставляла дверь открытой, чтобы он зашел и...

Выходит, нельзя утверждать, что все как прежде. А ведь полчаса назад они страстно уверяли друг друга, что у них нет тайн. И то, что случилось, — досадное недоразумение. И в минуты последней близости Оксана всей душой верила, что так и есть. Не было этих ужасных сцен, ссор, бессонных ночей и головной боли по утрам. А была только их счастливая жизнь, их любовь, минуты нежности. Вспоминалось все самое хорошее. Каким, например, приятным было ожидание ребенка! Оксане нравилось быть беременной. Она не стеснялась своего живота, как некоторые женщины. Она любила, когда в автобусе ей уступали место, когда знакомые интересовались самочувствием. И быть молодой мамой было приятно. Наглаживать вещи ребенка, покупать детское питание... А наряжать Юльку и отправляться с ней на прогулку? Это просто верх блаженства! Но и став мамой, Оксана не отняла своего внимания у мужа в пользу дочери. Ее нельзя в этом упрекнуть. И в постели она не была ленивой и никогда не ссылалась на головную боль или усталость, когда Игорь был расположен к близости. И вот на тебе — она закрылась! И если он сейчас заметит это, то все начнется сначала — вопросы, намеки, упреки, Оксана поспешила покинуть ванную и голову вытирала уже на кухне.

Игорь курил в постели, глядя прямо перед собой. Там, на стене, висела большая свадебная фотография. Оксана тоже не раз подолгу любовалась ею. Но сейчас невольно вползла мысль: «О чем он думает?» Но озвучивать свои мысли она не стала. Она вообще последнее время избегала разговоров по душам. Она не хотела копаться в душе у мужа. Она жаждала докопаться до истины, а истина таилась в другом месте.

— Посиди со мной, — попросил Игорь.

— Котик, ты же знаешь, мне нужно в больницу.

— Хочешь, я пойду с тобой?

Игорь выбрался из постели и пришел к ней на кухню. Оксана электрощипцами завивала челку.

— Зачем? — скосила она глаза на мужа.

— Навестить Ларису.

— Котик, я тебе уже говорила: Лариса никого не узнает. И врач не разрешает много народу. Только самые близкие.

— А ты — самая близкая?

Оксана вынула из локона щипцы. Старательно отобрала новую прядь.

— Не самая, но близкая. У нее еще имеется тетя, двоюродный брат...

— Муж.

Оксана скривилась от того, что обожглась, но, увидев свою скривленную физиономию в зеркале, поняла, что Игорь мог отнести это выражение на счет мужа Ларисы. И пусть. Муж у той оказался форменной сволочью. Оксана вчера собственными глазами видела, как он подвозил эту мымру из адвокатуры. Людей не стесняется!

Оксана мысленно вlepила Ларисинуму Стасику пару оплеух, но вслух согласилась:

— И муж, конечно.

Нет. Сначала — муж, а уж потом — тетя, брат и подруга Ксюша, — поправил Игорь, снизу глядя Оксане в глаза. Оксана увидела его взгляд в зеркале. Игорь положил голову на кухонный стол и стал смотреть, как она завивается. Оксане под его взглядом стало неудобно. Она во всем ожидала подвоха.

«Сначала муж, а уж потом...» Что он этим хочет сказать? Что у Ларисы с мужем настолько доверительные отношения, что Лариса могла рассказать ему тайну Оксаны? Вот так вот взять да и поделиться с любимым мужем чужим секретом. А тот потом по пьяной лавочке Игорю и выдал. Твоя, мол, моей нашептала... Не на это ли обстоятельство намек?

Оксана посмотрела мужу прямо в глаза. Глаза были чистые и немного грустные. И выражали любовь. Но Оксана уже знала, что они могут быть и другими. А подобное преданное выражение глаз — всего лишь тень вины. И он действительно виноват! Еще как виноват. Но виноват ли Стасик? Как могли пересечься дороги нотариуса Стасика и рядового инженера Игоря? Кроме как на общих вечеринках, они не пересекались никогда.

— Кстати, ты давно видел Стаса?

— Не помню. А что?

Лариса выдернула шнур из розетки. Завиваться расхотелось. Уложит волосы в пучок. Тон нужно держать как можно небрежнее, с безразличинкой. Какое ей дело до Стаса?

— Да говорят, у него роман с коллегой по работе. Не слышал?

— Сплетнями не интересуюсь. Игорь потянулся за сигаретами.

— Ничего себе — сплетни! Вчера у меня на глазах он — утром! — привез ее в контору и...

— А ты что там делала? Утром?

Оксана поняла, что прокололась. Только не показать внешне! Она открыла кран холодной воды

и намочила обожженное место.

— Ходила за детсад платить. Сберкасса-то напротив. Оксана похвалила себя за находчивость. Что бы она стала делать, если бы Игорь узнал, что она ходила в юридическую консультацию? Как бы стала выкручиваться?

— Это их дело, — бросил Игорь то ли насчет Стаса и этой крысы из адвокатуры, то ли насчет Стаса и Ларисы. «Их дело». Игорь никогда не станет влезать в чужое дело. А вот в их дело влезли, да еще как! Натоптали, нагадили так, что не разгребешь. И возможно, все тот же Стасик. Никогда он Оксане не нравился. Боров холеный. Глазки несытые. Себе на уме. Как-то Лариса пригласила подруг на девичник, все собрались. Лариса достала торт из холодильника, который сама испекла накануне. Фирменный ее тортик, «Цветочная поляна» называется. Ну так вот, на поляне не было ни одного цветка! Стасик, как оказалось, «так любит крем, что не удержался, слизал». Дикость. Оксана второго такого Стасика не встречала. Наверняка это он...

Впрочем, натолкнувшись на внимательный взгляд мужа, Оксана одернула себя. Что она прицепилась к Стасику? Всегда ведь нормально к нему относилась на самом деле.

— Ты передумала завиваться?

Черт! Что он до нее докапывается? Думала, передумала!

— Некогда уже, прием до пяти, опоздаю!

Оксана даже не стала краситься, натянула на себя что подвернулось, чмокнула Игоря в щеку и убежала.

У входа в больницу она столкнулась со Стасиком. Он был весь в себе, не сразу поздоровался.

— Ну, как она?

Оксане сразу стало стыдно, что полчаса назад она обозвала Ларисиною мужа боровом. Он выглядел таким озабоченным!

— Не знаю даже, что и сказать, — развел руками Стасик, но тут же добавил: — Думаю, ей уже лучше.

— Она тебя узнала? — У Оксаны в душе трепыхнулась надежда. Уж больно тяжело ей давались посещения Ларисы.

— Ну, не то чтобы... — Стасик как-то смешно собрал губы в трубочку. — Но, думаю, сдвиги есть.

— «Сдвиги, сдвиги»! — передразнила Оксана. — О чем вы разговаривали?

— Ну, собственно, говорил я, а Лариса меня внимательно слушала. И мне кажется..

Оксана нечаянно задела взглядом окно на втором этаже. Она узнала Инну Викторовну. Та стояла и смотрела на них со Стасиком. Хмуро смотрела, брови сведя к переносице. Энергичная, вечно занятая Инна Викторовна стоит у окна без дела?

Оксана поспешила распрощаться со Стасиком и взбежала на второй этаж.

— Что-то случилось? — забыв поздороваться, выпалила Оксана.

Инна Викторовна едва взглянула на Оксану. Ноздри Ларисиной тетки затрепетали, глаза стали узкими, рысьими. С таким выражением лица она провожала взглядом машину нотариуса Захарова.

— Ты бы только видела, Оксана! — Железная маска дрогнула, исказилась и потекла. Инна Викторовна беспомощно шмыгнула носом. — Какой лицемер! Лжец! Изворотливый шут! Он пользуется Ларочкиной болезнью, он... сволочь!

Инна Викторовна неопределенно махнула рукой — то ли призывая Оксану за собой, то ли вслед Стасику. И быстро пошла прочь от окна, в свой кабинет. Оксана поняла, что должна пойти следом.

Хозяйка клиники влетела в кабинет и кинулась к шкафчикам. Оттуда вылетела какая-то склянка и, прежде чем разбиться, наделала шума. Вбежала секретарша в коротенькой форме цвета морской волны. Молча собрала осколки.

— Лена, где у нас стаканы?

Лена без слов накрыла на стол и удалилась. Инна Викторовна плеснула виски в широкий стакан. Протянула Оксане.

— Инна Викторовна, вы что, не знали, что Стасик Ларисе изменяет?

— Знала! Знала и молчала, будь он трижды неладен! Ларочку жалела. А кто не изменяет? Все они козлы... — Инна Викторовна глотнула виски и бросила в рот ломтик лимона. Сморщилась, добавила: — Козлы, мелкие пакостники и трусы!

«И сплетники!» — мысленно добавила Оксана, но промолчала.

— Ты знаешь, что он сделал? — прищурилась Инна Викторовна. — Нет, ты даже представить такое не можешь!

А Оксана именно это и хотела сказать. Могу, мол, себе представить. Пришлось сказать другое:

— Лариса его узнала? Вспомнила?

Инна Викторовна внимательно взглянула на собеседницу:

— Вроде как — нет. Не пойму я до конца, что с ней. Она смотрит на него, а мне все по видео видно. И слышно. Он-то, гад, не в курсе, что у нас в таких палатах камеры наблюдения. Так вот, смотрит Ларка на него, а взгляд у нее такой растерянный, беспомощный...

Снова на глаза Ларисиной тетки навернулись слезы. И у Оксаны в глазах зацепало и жалко стало Лариску, ну прямо до слез! Такое пережить, с того света, можно сказать, вернуться, и — на тебе! Все забыть! Мужа родного не вспомнить!

— А может, и лучше для нее, не помнить ничего? Ни его измен, ни своих слез? — вслух подумала Оксана. Она примеряла ситуацию на себя. Как она вдруг забыла бы Игоря, смотрела бы на него как на чужого? Легче бы ей было? Не чувствовать этой изматывающей смеси любви и страха...

— А он ей и говорит, — не обращая внимания на замечание Оксаны, продолжала Инна Викторовна. — Ты, говорит, Ларис, не смущайся, что некоторых вещей не помнишь. Это у тебя,

мол, последствия шока, пройдет. Я тебе, мол, помогу. И с моей помощью ты быстро восстановишь всю картину в памяти.

— И что? — Оксана распахнула глаза.

Инна Викторовна была так потрясена и расстроена, что одной порции виски ей показалось мало. Она плеснула себе и гостье.

— Лариса так вежливо ему говорит: конечно, конечно... А он ей начинает сладеньким голоском напевать: «Жили мы, честно сказать, Ларис, между собой неважно. У тебя — свои интересы, у меня — свои. Детей у нас нет и теперь уж не будет».

— А Ларочка — что?

— Что — Ларочка? Глазами хлопает и слушает. А выражение глаз такое мучительное, как у школьника, который задачу никак не решит.

— Бедняжка...

— Ты слушай дальше! — Ноздри у Инны Викторовны подрагивали. — Должен, говорит, тебе признаться, что фактически у нас с тобой все было решено. И как раз, мол, перед этим злополучным походом мы с тобой пришли к выводу, что оставаться вместе дальше бессмысленно, и фактически мы разошлись.

— Так и сказал?! — Глаза Оксаны чуть не выпрыгнули из орбит.

— Вот представь себе! Моя лапушка племянница смотрит на него, как кроткая овечка, а я чуть монитор не разбила. Ну, думаю, нет! Я это кино до конца досмотрю. А потом я тебе, зятек дорогой, такое шоу устрою...

— И что же дальше?

Для Оксаны в этот миг собственные переживания отодвинулись на задний план. Ларке хуже. Еще неизвестно, что с ней дальше будет. Ее вытащили из этой долбаной пещеры полуживую, насилиу откачали, и оказалось, что она напрочь забыла всю свою жизнь до пещеры. Даже словарный запас восстанавливается с трудом. И в такой трудный момент ее бросил самый близкий человек — муж!

— И начал расписывать, как они решили квартиру поделить, что, мол, он останется в квартире, а ей ее долю выплатят. Ведь она учительница, зарабатывает мало и не сможет ему его долю выплатить.

— Сволочь!

— Не то слово! Место, мол, ей в семейном общежитии он выхлопочет, и мебель она, какую захочет, может взять. Ты, мол, Ларис, может, уже забыла, но именно так решено.

Оксана зубами заскрипела от возмущения. Почему, встретив Стасика на крыльце, она не плюнула в его холеную физиономию?

— И что Лариса на это ответила? Надеюсь, она ему фигу показала?

Инна Викторовна громко высморкалась в салфетку.

— Фигу ему показала я. Уже после. А Лариса... Что — Лариса? Ты же видишь, в каком она состоянии. Мне кажется, у нее было одно желание — чтобы он поскорее ушел. Только кивала — соглашалась. Сказала, что будет ему очень благодарна, если он сам уладит все формальности. Что-то в этом роде. Представляешь?

— Во гад! — искренне поразилась Оксана.

— Ну, ему это так просто с рук не сойдет, — с мнимым спокойствием возвестила Инна Викторовна. — Он так просто от больной жены не избавится. Я с ним судиться буду! Я его по судам затаскаю, юрист хренов! Это дело подсудное, и он у меня попляшет!

— Ой! — подскочила Оксана. — Я, Инна Викторовна, хочу с Ларочкой повидаться до уколов. А то ей как укол сделают, она тут же засыпает. Получается, что я зря ехала.

\* \* \*

Лариса лежала с открытыми глазами и смотрела на штатив с прозрачными трубками системы. Она пыталась вспомнить, как называется смесь трубок и пузырьков, но у нее ничего не получалось. Знаки и звуки то съезжались вместе, то разбегались. Слово рассыпалось, не успев сложиться вместе. Когда Лариса вконец устала от усилий, дверь приоткрылась и в палату боком вошла девушка.

— Привет!

Лариса продублировала губами приветствие. Девушка улыбнулась. Лариса попыталась сделать то же в ответ. Она узнала пришедшую — они виделись вчера и позавчера.

— Ты меня помнишь?

— Да. Ты — Оксана. Моя подруга Оксана, — повторила Лариса, как заученный урок. Это и был урок, выученный в последние дни. Впрочем, Лариса охотно верила, что Оксана — ее подруга. Девушка была приятна ей. От нее шло тепло.

— Тебе еще не разрешают вставать?

— Нет. Это все из-за песка. У меня был песок в глазах, и... — Ларисе явно не хватало слов. Она понимала сама и жаждала объяснить подруге, что врачи излишне опекают ее. Но на пути попадались сложные слова, такие как «глазной хрусталик», «сетчатка», «мозжечок». Она путалась и умолкала.

— Не переживай, — остановила ее Оксана. — Если ты не возражаешь, я покажу тебе фотографии.

Лариса с интересом наблюдала за подругой. Та достала из сумочки пачку фотографий, подседа поближе.

— Смотри. Вот здесь мы все вместе на дне рождения Игоря.

— Игоря...

— Да. Игорь — мой муж. Вот он.

Лариса внимательно и даже придирчиво рассматривала фотографии. Она подносила их поближе, пристально разглядывала.

— А это Ивановы. Они всегда с нами все праздники гуляют. Это Катя, это Сергей. Не припоминаешь? Ну, Катька, шумная такая! Выпьет — начинает анекдоты травить или частушки похабные. Твой Стасик ее не любил. Не любит.

Лариса взглянула на Оксану и вернулась к снимкам. Оксана прикусила язык. Что она несет? Как о покойнике.

— А это... чей ребенок?

Лариса держала в руке Юлькину фотографию.

— Это дочка моя. Наша с Игорем. Юля. Ей пять лет, и она тебя очень любит. Вы с ней, как соберетесь, всегда эту песню... Ну как там? «На лугу, на лугу, на лугу пасутся ко...» Помнишь?

Лариса посмотрела куда-то мимо Оксаны.

— Оксан, а почему у нас с мужем детей нет? Из-за меня? Со мной что-то не так?

Оксана собрала фотографии.

— Почему сразу — из-за тебя? Ничего не из-за тебя. — Оксана решительно тряхнула завитой челкой. — Разве это определишь точно, из-за чего нет детей? Мы тоже с мужем долго лечились у разных врачей, и все говорили совершенно разное. Кто что.

— А как же получилась Юля?

Лариса смотрела на Оксану чистыми глазами. Оксана замешкалась. Вот сейчас перед ней находится ее близкая подруга Лариса, которая про нее все-все знала. Всю подноготную. И все же теперь Оксана могла сочинить себе новую историю. Лариса проглотит любую, она начисто все забыла. И от этого факта Оксане стало неудобно, тоскливо до слез. Жалко себя и Лариску. Такое чувство, будто у тебя подругу отняли. Она вроде бы есть, а вроде бы и нет. Не может быть, чтобы нельзя было ничего сделать!

— Ты плачешь? — Лариса дотронулась пальцами до Оксаниной руки.

Оксана всхлипнула:

— Мы так боялись за тебя там, у этих пещер... Мальчишки были такие перепуганные, все твердили про обвал... Так было страшно! А потом тебя принес этот мужчина. Он появился совсем с другой стороны. Никто не додумался искать тебя там. Ты была вся мокрая, и он тоже. Он сказал, что вы приплыли по реке. Так странно... Я ничего не понимаю. Никто ничего не понимает. Мы только все хотим, чтобы ты быстрее стала прежней...

Оксана всхлипывала и вытирала слезы. Лариса лежала с закрытыми глазами.

— Ты плачешь о другом. У тебя неприятности?

Вопрос обескуражил Оксану. О чем она? Оксана же все объяснила. Но Лариса словно нутром почувствовала, что Оксану заботит что-то еще, свое. Это была давняя черта Ларисы — видеть сквозь путаницу слов. И все же теперь это оказалось неожиданностью для Оксаны. И та засобиралась, соврала, что торопится в детсад за Юлькой. Хотя Юлька обещала забрать свекровь.

Оксана рассеянно чмокнула подругу в щеку и убежала, не зайдя попрощаться с Инной

## ГЛАВА 7

Девушка бежала сквозь заросли. Деревья цепляли ее за одежду, ветки хлестали лицо и тело, сучья больно кололи ноги. Беглянка останавливалась, задыхаясь, несколько секунд стояла, прислонясь к дереву. Переводила дыхание, а потом снова бежала, то и дело оглядываясь. Она была молода. Сильное стройное тело прикрывали два куска кожи, украшенные мехом красной лисы. Длинные ноги были сплошь покрыты царапинами. Волосы, теряя вплетенные в них цветы, хлестали беглянку по спине. До нее то и дело доносились крики и улюлюканье преследователей. Казалось — они приближаются. Между тем лес редел и уже виднелись выступы священной горы. Девушка решила обойти гору слева, прыгнула уже в ту сторону, но вовремя вспомнила о вырытых в тех местах ловушках для зверей. Она метнулась в противоположную сторону, но увидела маячившие тут и там рваные огни факелов. Ее окружили. Еще немного, и кольцо сомкнется, и тогда — все. Ей не будет пощады. Племя не терпит отступников. Никому и никогда не удавалось безнаказанно нарушить закон.

Силы оставляли ее. Она металась в колючих зарослях как дикая кошка, окруженная стаей шакалов. Кольцо сжималось.

...Она стояла посреди круга в пляшущем пламени факелов и упрямо и дерзко смотрела в глаза Прародительницы. Ей ничего другого не оставалось. Она не чувствовала за собой вины.

— Говори, Рогоз! — приказала Белая Марь, и из-за спины женщины выступил небольшого роста человечек с копьём в руке. Он потоптался у линии круга, пока кто-то не подтолкнул его сзади. Не решался выйти к костру. Но когда вышел и повернулся к людям, осмелел несколько и заговорил торопливо и громко, то и дело тыча пятерней в сторону обвиняемой:

— Я видел... Я все видел вот этими глазами! Она бегала на пустошь, будто бы за травой, и туда приходил чужак! Я сам видел!

— А что делал на пустоши ты, Рогоз? — ехидно спросили из толпы.

— Я охотился за косулей вот с этим копьём! А она якшалась с чужаком среди бела дня, вместо того чтобы собирать лечебные корни для племени!

— Когда это было? Ты помнишь, Рогоз? — уточнила Белая Марь, гордо стреляя глазами в Прародительницу. Та сидела не шелохнувшись.

— Помню! Я помню, повелительница очага! Это было ровно две луны назад, когда сочен и густ был молодой травостой!

Беглянка взирала на свидетеля, не скрывая презрения. Маленький тщедушный завистник! Он подглядывал за ней, глазами трогая ее тело! Он следовал за ней по пятам, таская за собой копьё лишь для отвода глаз! Он хотел ее — молодую и сильную женщину, тогда как ему приходится довольствоваться крохами внимания полузасохшей старухи, Белой Мари. Кто он такой, этот Рогоз? Младший муж повелительницы очага, почти раб! Половинщик, как называют таких в племени. Он неровня ей, Чине, внучке Прародительницы! Девушке, находящейся на особом положении в племени Желтого Цветка! Чина обожгла взглядом Рогоза, и тот как-то сразу съежился и стал еще меньше ростом. Затем она отвернулась и больше не удостоила его взглядом.

— Это не преступление! — выступила вперед молодая, рослая женщина.

Чина с надеждой взглянула на нее. Венок синих цветов на голове, русые длинные волосы. Миряна. Вот уж не думала, что Миряна встанет на ее сторону. Чине всегда казалось, что девушка ей завидует.

— Женщина племени свободна и может выбрать себе любого мужчину!

Белая Марь ядовито усмехнулась на эти слова. Она не сдержалась:

— То-то я смотрю, ты только и делаешь, что выбираешь себе нового мужчину! Тогда как твоя прямая обязанность — украшать посуду для племени!

Если ты говоришь про своего главного мужа, Белая Марь, про Колгана, то он не годится больше для продолжения рода. А о твоём втором муже, Рогозе, и речи нет, — не смолчала в ответ Миряна.

Прародительница подняла руку, и спорщицы умолкли. Чина утратила страх. Погоня закончилась. Теперь от нее ничего не зависит. Теперь все зависит от этих людей, среди которых она росла, вместе с которыми охотилась, шила одежду, собирала травы. Еще две луны назад она твердо знала, что будет завтра. Она могла с уверенностью рассказать, как будет жить. Она возьмет себе в мужа самого красивого и выносливого мужчину из племени, родит двух дочерей, и когда старшая достигнет возраста цветения, Чина займет место Прародительницы на совете. По праву прямого родства. Так бы все и было, если бы...

В круг костра вошла Кислица и заговорила вкрадчиво, негромко:

— Конечно, Миряна права. Женщина племени должна думать о продолжении рода и вольна привести себе любого здорового мужчину, который изъявит желание жить с ней. Или же захватить чужака силой, как сделала в свое время Белая Марь, приведя из племени Сокола своего Колгана...

Белая Марь удовлетворенно кивнула. Колган подтащил к костру и бросил в огонь сухую корягу. Сноп искр взметнулся вверх.

— Но... — Кислица обвела соплеменников кротким взглядом, — ...но уйти из племени, чтобы жить у чужаков? Чтобы рожать детей в месте, где нет людей твоего рода, где племенем правит мужчина, а женщина лишь молча исполняет его волю... Это... Это преступление!

Это преступление! Чина преступила закон! Она отступница! — подхватили несколько голосов тихий вывод Кислицы. Та с невинно-скорбным лицом вернулась на место.

Племя зашумело, пламя факелов еще больше задрожало в густой синеве ночи. Прародительница и внучка молча скрестили взгляды. Между ними шел молчаливый диалог. Чина первая нарушила его и перевела взгляд на толпу. К костру торопилась Живучка. За ней тянулась вереница детей, самый младший из которых тащил за хвост дохлую крысу. Живучка громко окликнула мужа. Синюха выскочил и, что-то бормоча себе под нос, уволок с совета детей. Долго слышался истошный вопль младшего — Живучка бросила в костер его игрушку. Запахло паленой шерстью.

— Племя не может терпеть такое предательство! — визгливо запричитала Живучка. — Две луны Чина бегала к чужаку и не сманила его в наше племя! А ведь он высок и красив, и для нашего рода было бы полезно породниться с таким.

— Живучка глаз на чужака положила! — хихикнули сзади.

— Ну и что здесь такого? — визгливо откликнулась Живучка. — Как будто вы не видите, что мужчины в племени переродились! Нам нужны новая кровь, сильные самцы! Кто у нас остался? Сныть, который способен разве что изжарить дикую козу, да Сурок, от которого рождаются низкорослые, больные дети! Да, нам нужны самцы. Чина знает это. Но вместо того, чтобы привести в племя своего чужака, она задумала убежать с ним! А ведь она — носительница рода, будущая мать-Прародительница. Она опозорила весь род!

— Позор! Предательство! — подхватили несколько десятков голосов. Еще минута, и над поляной поднялся ор. заглушивший гудение костра и шум водопада.

Наконец мать-Прародительница вторично подняла руку. Лицо ее было застывшей суровой маской. Племя стихло. Раздался голос Прародительницы:

— Нужны доказательства того, что Чина нарушила закон. Пока я слышу одну сорочью трескотню.

Белая Марь перестала потрясать кулаками и вернулась на свое место. Нужно было продолжать совет.

— Прародительница требует доказательств! — стараясь копировать тон прародительницы, повторила Белая Марь. — Кто хочет свидетельствовать?

— Зеленка! Зеленка пусть скажет! Она видела! Она сама вчера пересказывала Заразихе разговор Чины с чужаком! Говори, Зеленка!

В круг вытолкнули тщедушную белобровую девчонку. Та щурилась от огня и боязливо озиралась. Увидев перед собой пламя горящих глаз соплеменников и требовательный взгляд Прародительницы, Зеленка завертела головой и попятилась.

— Я ничего такого не слышала, — оправдывалась она. — Я только видела чужака у водопада. Они с Чиной обнимались. Но вода так шумела, что я почти совсем ничего не слышала. Я...

— Пошла вон, — еле слышно приказала Белая Марь, но Зеленка услышала и не замедлила смыться.

В круг вышла Заразиха. Ее никто не вызывал, но она не могла больше стоять в стороне и дожидаться. Ее распирало от желания говорить.

— Зеленка несмышленная и боится чужих глаз. Она еще не достигла возраста цветения желтого цветка. Я скажу за нее!

— Говори.

— Зеленка бегала за водой и наткнулась на эту парочку. Не буду останавливаться на том, что ей пришлось увидеть... Хотя девушке, не достигшей поры цветения, не следует...

— Дальше!

— Чужак говорил, что уже построил жилище рядом с шатром вожака и что следующей ночью готов прийти за ней и увести ее в свое племя. Он сын вождя и водит мужчин на охоту. А женщины в его племени лишь готовят еду и шьют одежду из шкур. На совете они не смеют

открыть рта, а все за них решают мужчины.

— Это тоже он говорил ей?

Заразиха замялась, наткнувшись на насмешливый взгляд Чины.

— Это все знают. Сурук рассказывал. Он жил в таком племени, пока не попал к нам.

— Это к делу не относится, — вмешалась Белая Марь — говори только то, что слышала своими ушами. Вернее, ушами своей внучки, Зелены.

— Ну так вот. Он сказал, что заберет ее. А она пообещала, что там, за долиной, она родит ему трех сыновей. Трех красавцев сыновей, похожих на него!

Племя ухнуло возмущением. Пламя факелов дружно качнулось в одну сторону, затем — в другую. Задние ряды воинственно затрясли копьями, а передние шагнули ближе к костру, теснее сомкнув кольцо вокруг Чины. Она стояла и смотрела на соплеменников. И ей казалось, что среди этой разъяренной массы она не найдет ни одного сочувствующего лица. Но она ошиблась. В переднем ряду возникло легкое шевеление. Кто-то протискивался вперед. И прежде чем Чина увидела человека, она заметила белые клочья седой бороды. Пикульник! Тепло коснулось сердца девушки.

Старик протиснулся сквозь плотный ряд, с трудом пробил себе дорогу. Едва заметно улыбнулся Чине, поклонился Прародительнице и прижал ладони к груди, повернувшись к сородичам.

— Послушаем Пикульника! — призвала к порядку Белая Марь. Возгласы угасли для того только, чтобы в любой момент вспыхнуть с новой силой.

— Сородичи! — сощуриив маленькие глазки, начал Пикульник. — Я родился и вырос в этих лесах. Вместе с вами добывал еду и охранял жилище от дикого зверя. Вместе мы отражали нападки врага. Так ли я говорю? — Дед Пикульник обратил свой хитрый глаз на сородичей.

— Так, так, говори, Пикульник!

Старик удовлетворенно кивнул и погладил свою непослушную бороду. Отдельные пряди из нее устремлялись куда хотели.

— И никто из вас не сможет меня упрекнуть в том, что Пикульник подрывает материнские устои племени Желтого Цветка. Я всегда вместе с вами поклонялся Прародительнице и чтил женщину. Так ли я говорю?

— Никто тебя не упрекает, дед! Говори. Пикульник кивнул неторопливо. Помолчал.

— Вот здесь нападают на Чину, хотя ни одно свидетельство против нее я не могу назвать подлинным. Перед нами лишь слухи, обросшие домыслами, как перекасти-поле обростает пухом одуванчика.

Дед осмелел. Он говорил, посмеиваясь в свою седую бороду. Из-за нехватки зубов речь получалась слегка шепелявой.

— Может, у чужака и были скверные мысли увести девку в свое племя. Да и как не появиться таким мыслям? Вы посмотрите на нее. Кто сравнится с ней по красоте, силе и сноровке? Каких

детей принесет она своей родне? Но что думала она? Почему никто не спросит, чего хотела она? Ведь она здесь. За две долгих луны Чина так и не собралась уйти с чужаком. Почему? Спросите себя, сородичи! А может, у нее имелся свой план? Может, не помешай мы ей, и завтра в племени появился бы сильный мужчина? Пусть сначала пленник, а впоследствии — старший муж будущей Прародительницы?

Хитрый Пикульник закончил и отошел в тень. Все молча уставились на Чину. Она с грустью смотрела в сторон; Пикульника. Он хотел ей помочь. Он помогал ей, сколько она себя помнит. Хоть в их племени род ведется по матери и мужчинам не принято делить детей на своих и чужих, подчеркивая родство, Чина с детства знала о своем родстве с Пикульником. Знала по тому парному теплу, сродни теплу молока, которое исходило от него всегда. Очень жаль, что придется разочаровать его.

— Пусть говорит Чина! — крикнул кто-то из женщин.

— Говори, Чина! Говори! — подхватили десятки голосов. Стоявшая в заднем ряду ширококостная Темь потрясла над головой копьем:

— Если тебе нужна помощь, чтобы повязать чужака, ты нам только шепни! Он у нас и пикнуть не успеет!

Чина встряхнула волосами, и к ее ногам упали остатки венка.

— Спасибо. Мне не нужна помощь. Я действительно люблю чужака. В этом моя вина.

Люди вокруг костра притихли. Слышно было, как трещат в костре сучья и скулит за оврагом лисица.

( — — Я полюбила его, и он не похож на здешних мужчин. Он ловок и смел. Он горд и не смог бы терпеть плена. Он привык верховодить и быть главным, и поэтому я восхищаюсь им!

Чине было трудно произнести только первые слова. Все остальное она говорила легко и голову держала высоко и гордо. Ей жаль было Пикульника, жаль мать-Прародительницу, но она не умела и не желала врать и изворачиваться.

— И я действительно хочу уйти с ним и жить в его племени. Там мужчины не плетут косиц и не шьют одежду. Они охотятся и воюют. Он станет вожаком после отца, а сыновья унаследуют его власть.

— Не будет этого!

— Отступница!

— К позорному столбу ее! В круг выскочила Живучка:

— Вы все смотрите на нее и лебезите перед ней, потому что она — внучка Прародительницы! Любую другую давно бросили бы в ловушку для диких зверей!

Белая Марь сделала знак, и Живучка ретировалась. Чина видела, как в круг пытается снова протиснуться Пикульник, но его отталкивают, и— он повторяет свои безуспешные попытки снова и снова. Белая Марь беспокойно оглянулась на мать-Прародительницу. Дело принимало нежелательный оборот. Если с ее внучкой случится что-то из ряда вон выходящее, Прародительница никогда ей этого не простит. Именно она, Белая Марь, ведет совет и обязана

направить стихию в безопасное русло.

— Пусть скажет Черный Жук, — примирительно заявила Белая Марь. — Сегодня еще никто из молодых мужчин не высказал своего мнения.

К костру сейчас же вышел долговязый черноволосый парень. Чина смотрела на него с некоторым раздражением. Затянувшееся действие ее утомило. И так все ясно. Зачем еще слушать Жука? К чему Белая Марь притащила сюда своего племянника? Все племя знает, что он бегаёт за Чиной и надеется стать ее мужем. Она давным-давно дала ему понять, что не возьмет его даже в половинчики Они когда-то вместе ловили лягушек, и Чина утирала его вечно мокрый нос.

Жук петухом прошелся вокруг костра и покровительственно взглянул на Чину.

— Я думаю, не стоит бросать Чину в яму на съедение медведям. Не так много в племени здоровых и красивы женщин.

Белая Марь удовлетворенно кивнула на мудрые слова племянника. И искоса взглянула на мать-Прародительницу. Старуха не шелохнулась и не издала ни звука.

— Да, Чина виновата, и она признает это. Конечно она заслуживает наказания. Кто не ошибается?

Сородичи молчали, исподлобья поглядывая на Жука В племени он не был самым метким стрелком. Занимался тем, что помогал своей тетке заготавливать сучья для костра. Сегодня он держал свою первую речь. Странно было слышать, как ловко и умно Жук складывает слова.

— Чину нужно наказать, но так, чтобы не нанести урон ее телесной красоте и здоровью. А потом выбрать ей на совете подходящего мужа.

Ха! — Чина рассмеялась в голос. Вот куда клонит хитрый Жук! Он прочит ей себя в мужья! В обход ее согласия! В наказание! Ну до чего же хитер Жук! Всегда стремился устроиться посытнее, не работая! Чина хохотала так, что пламя костра и людские фигуры запрыгали перед ней в неистовой пляске. Она хохотала в гневное лицо Белой Мари. Она не слышала, что кричит, тыча кривым пальцем ей в лицо, Заразиха.

Она хохотала, пока ее не схватили за руки и не потащили прочь от костра. Она так и не узнала в эту ночь, чем закончился совет.

\* \* \*

...Лариса открыла глаза. На нее смотрел мужчина. Он склонил свое лицо близко к ее лицу, и она почувствовала его запах и увидела его серые, с черными крапинками, глаза. Она тотчас вспомнила пещеру. Вспомнила, как, очнувшись на холодном каменном полу, увидела над собой эти глаза. Это лицо с двухдневной щетиной на скулах. И вспомнила свое ощущение, будто лицо ей знакомо. Но в то же время она осознавала, что человека этого она не знает. Они молча рассматривали друг друга, пока наконец Лариса не проговорила изумленно:

— Петров?!

Мужчина, не менее изумленно, кивнул. Они продолжали вглядываться друг в друга.

— Петров, — согласился мужчина и сел возле Ларисы. Та в странном замешательстве

наблюдала за ним. В первую секунду ей в голову пришло, что она проспала лет десять и перед ней — Сашка Петров, повзрослевший в пещере! Потом она допустила мысль, что они все умерли — и она, и Петров, и теперь они находятся там, у ворот на тот свет, и Петров почему-то взрослый, хотя не стоит удивляться. Говорят, они там, на том свете, могут выбрать себе любой возраст и остаться в нем. Видимо, Сашке Петрову захотелось пребывать в возрасте взрослого мужчины. А она? Она еще не выбрала себе возраст?

Лариса попыталась подняться и увидела, что она голая. Краска стыда хлынула ей в голову. Петров подал ей одежду. Попытался помочь ей. Но она так посмотрела на него, что он тотчас отвернулся.

— Тебя невозможно было привести в чувство. Пришлось прибегнуть к экстренным мерам.

Лариса торопливо напяливала на себя потрепанные шмотки. Почему он называет ее на ты? Или на том свете так принято?

— Я хочу пить. — От пыли она говорила с трудом. Петров принес фляжку, сел рядом и стал ее поить. Тогда она почувствовала его запах. На всякий случай потрогала его руку и удостоверилась, что они оба живые. Она ничей, не понимала.

— Ты Петров? — на всякий случай недоверчиво пере спросила она.

— Петров, Петров, — проворчал ее спаситель, убирая фляжку. — Будь трижды неладен этот дурацкий обычай таскать детей по историческим местам! Не хотел сына пускать и оказался прав! Что понесло вас, скажите, пожалуй ста, в эти пещеры?

Только теперь до Ларисы начало доходить. Перед ней был Петров-старший! Тот самый единственный родитель, согласившийся сопровождать класс! — Но как вы меня нашли?

— Интуиция, — съязвил Петров. — А если честно, то наблуждался я по этим лабиринтам досыта и на тебя вы шел совсем случайно, уже не надеялся. Собственно, од ной ногой ты уже была на том свете. С возвращением!

И Петров символически приподнял фляжку и отхлебнул из нее...

Все это Лариса вспоминала, наблюдая, как Петров, деловито установив на табуретке свой портфель, достает оттуда коробки с соком, апельсины и пряники.

— Вы меня спасли, — без всякого выражения констатировала Лариса.

— Мы уже давно на ты, — напомнил Петров.

— Почему?

— Люди, попавшие в экстремальную ситуацию, не очень-то церемонятся.

— Да?

Лариса приподнялась, и Петров ловко подоткнул ей подушку. Она почему-то покраснела. Вообще его присутствие вызывало в ней неловкость. Ей почему-то стало стыдно и хотелось, чтобы он ушел. Но Петров, похоже, и не собирался уходить. Он по-хозяйски поправил занавеску на окне, переставил телевизор. Что-то насвистывая себе под нос, очистил апельсин.

— Мне сказали, что в пещере я долгое время пробыла без сознания. Как вам удалось привести

меня в чувство?

Петров пристально посмотрел на нее и как-то странно хмыкнул:

— Тайский массаж. В Тибете выучился.

— Вы были в Тибете?

Петров не смотрел ей в глаза, и это дало прекрасную возможность получше рассмотреть его. Сегодня он был гладко выбрит и благоухал чистотой. На нем была свежая светлая рубашка с короткими рукавами.

— Там... жарко? — Лариса покосилась на окно.

— Да. Солнышко припекает. Поправляйтесь, и пойдём с вами на природу. Комары уже не так зверствуют, а места я знаю... не хуже ваших пещер.

Лариса молчала. Она не любит столь бесцеремонных людей. Конечно, она благодарна ему и все такое, но это не значит, что он обязан опекать ее до конца дней своих. Или он так шутит, насчет похода? Некоторые мужчины думают, что у них очень тонкий юмор и удачные шутки. Все эти мысли и замечания пеной вскипели у Ларисы в голове, но она беспомощно осознала, что у нее не хватает слов, что все слова она забыла и ей приходится с огромными трудностями собирать то небольшое, что удастся выудить из памяти. С родными разговаривать легче — они сами рассказывают ей, что да как. А этого она видит второй раз в жизни и должна как-то общаться.

— Странно. Я почти ничего не помню, — вздохнула Лариса. — Как нам удалось выбраться? Как мы шли...

— А мы не шли. Мы плыли.

— Плыли?!

Лариса недоверчиво посмотрела в лицо своего спасителя. Он может плести ей что угодно, и она вынуждена верить, пока собственная память не пожелает проснуться.

— Я столкнул тебя в воду, потому что ты не хотела прыгать. Ну и мы поплыли. Там подземная река. Ты помнишь? Я решил, что она должна же где-то иметь выход. Нас вынесло к водопаду, и там... Короче, тебя занесло на камни и стукнуло о них. Когда я до тебя добрался, ты снова была без сознания... Я приходил к тебе, но меня не сразу пустили. Ты спала...

— Ты уже приходил?

Петров молча кивнул. Ларисе стало стыдно. Она-то ничего не помнит, но он... Он все помнит, и для него это — целая жизнь. Как он искал ее в пещере, как потом решил насчет реки и не ошибся и как потом вытаскивал ее. Конечно, он успел связать себя с ней, как в бою, поэтому так запросто и «тыкает». А вот Ларисе придется все строить заново. Все свои отношения, все связи. Боже, как все будет?

От жалости к себе и от бессилия на глаза навернулись слезы. Между тем Петров снял с шеи какой-то шнурок и протянул Ларисе. На шнурке болтался камешек с дыркой. Лариса сразу его узнала. Это воспоминание пронзило ее горячим. То ли предчувствие, то ли отголосок былого — быстро-быстро заколыхались в душе.

— Откуда это у вас?

— Это было у тебя в руке, когда я... Когда мы... Короче, я сунул себе в карман, и он сохранился. Что это? Магический знак?

— Не думаю.

Лариса всмотрелась в изображение, выцарапанное на камне. Сердцевина в виде чалмы и ровный трилистник.

— Думаю, что это цветок. Талисман племени.

— Племени? Какой цветок?

— Желтый, — улыбнулась Лариса.

## ГЛАВА 8

— Это последствия шока! — орала в трубку Инна Викторовна. — Так бывает, это лечится. И еще она сильно ударилась! Ударилась, говорю. Нет, нет, все под контролем. У нас были такие случаи. Ну я же ее не брошу, Лиза! Конечно, после клиники ей лучше пожить у меня. Не с этим же уродом Стасиком?! Может быть, его любовница будет за Ларочкой ухаживать?! Лиза! Ты слышишь меня? Ты-то как? Подробнее! Говори подробнее! Как к тебе относится свекровь? Как ты с ней изъясняешься? Лиза! Ты что-то недоговариваешь, я чувствую по голосу. Да? Уже? И я тебя целую! Хорошо, передам! И Андрюшка тебя! Мы очень скучаем без тебя, Лизонька!

Инна Викторовна с некоторой досадой и недоумением слушала длинные гудки в трубке. Так бывало всякий раз после разговора с дочерью. Обида на кого-то и злость овладевали ею, и она начинала метаться по дому, не находя себе места. Боже! Да она сама все сотворила! Своими собственными руками! Она дала добро на совместный с иностранцами проект. В клинику приехали специалисты из разных стран, в том числе африканцы. Ну а как без этого? Наука не стоит на месте, клиника должна осваивать новые технологии. Иностранцы проводили эксперимент, Лиза только-только вернулась со стажировки по лазерной аппаратуре. Возилась со своим лазером. Когда у них скрутилось с Умару?

Их было пятеро. Темнокожих. Для Инны Викторовны они долго были все на одно лицо. Были еще германцы, два американца. Нет, Лиза запала именно на шоколадного Умару. Логика Инны Викторовны здесь не видела никакой и потому злилась, ругалась с дочерью, била посуду, топала ногами, но не добила ничего. Вернее, добила того, что Лиза и Умару расписались, купили однокомнатную квартиру, а после стали всерьез собираться в Африку. Инна Викторовна долго пыталась осмыслить сей факт. Она повесила в Лизиной опустевшей комнате карту мира и подолгу тупо смотрела на пестро разрисованную Африку, пытаясь представить, как там у них. И ведь не добьешься же ничего вразумительного от Лизки! Она не из разговорчивых. Да. Нет, Все в порядке.

Тогда Инна Викторовна требовала к телефону зятя и разговаривала с ним как коллега с коллегой. И немножко как прокурор с обвиняемым. Пусть чувствует, как он перед ней виноват. Такое придумывать станешь — не измудришься. Такое только жизнь выдумать может. Ее Лизу, которая по причине белокожести даже загорать не могла — обгорала сразу и облезала хлопьями; ее молчунью Лизу, тихоню и домоседку, — к неграм в Африку! Тьфу! Срам, да и только. Сестрица старшая, Ульяна, так и сказала: «Срам!»

Дожила... Всю жизнь мечтала!

Инна Викторовна носилась по пустым комнатам, наконец вернулась в гостиную и набрала телефон клиники.

Первым делом она поинтересовалась состоянием племянницы. Хотя она и видела ее три часа назад, в таких случаях, как у Ларисы, все меняется очень быстро. Врач, который наблюдал Ларису, понимал начальницу с полуслова. Не останавливаясь на температуре и прочих мелочах, начал с главного: от встречи с коллегами отказалась. Боится? Не помнит никого. Мотивировала тем, что устала ; от встречи с предыдущим посетителем. Да, от этого устанешь, неудивительно. Но ведь ему не откажешь — спаситель. Так... Попросила книгу? Уже кое-что. Нет, нет. Пусть читает. А что за книга? История первобытного общества?

Инна Викторовна присвистнула.

— Нет, нет, это я так, — пояснила в трубку. — Если просит, нужно достать. Она же историк. Любая пища для ее памяти сейчас необходима. Ну а как там наша пациентка из 38-й? Да, Верховцева.

Инна Викторовна выслушала подробный отчет о состоянии Верховцевой. Все врачи знали, что Инна Викторовна живет клиникой. Клиника — ее дом, ее детище, и здесь нет для нее ничего малозначимого. Поэтому с подчиненными она могла разговаривать часами.

Женщина из 38-й была тяжелой. Положение усугублялось тем, что попала она в клинику не сразу, а после длительного пребывания в городской больнице, где лечили дешевыми медикаментами и в плохих условиях.

— У Верховцевой муж сидит в коридоре.

— Давно сидит?

— Часа два.

— А что говорит?

— Ничего не говорит. Можно, говорит, я тут в коридорчике у вас посижу? Мы разрешили. Одному, видно, дома тошно.

— Пришлите за мной Валеру. Я сейчас подъеду.

Инна Викторовна обрадовалась, что нашелся повод вернуться в клинику. Одному дома тошно, это доктор Кузин точно подметил. Она побеседует с Верховцевым, зайдет к Ларисе. А на обратном пути заедет к Андрюшке и заставит эту метелку Кристину приготовить ужин. А иначе Андрюшка наверняка ляжет спать голодный. Крисья не любит готовить. Она вообще ничего делать не любит. Ни постирать, ни погладить, ни убраться. Ни-че-го! И как он умудрился откопать такую? Или же они все сейчас такие?

Инна Викторовна вернулась в клинику и, не заходя к себе в кабинет, прошла в бокс и издалека заметила сидящего на скамеечке Верховцева. У него в руках был журнал, но он не читал, а смотрел прямо перед собой в стену. Его некогда прямая спина бывшего военного была согнута, голова безвольно опущена, что очень не шло его поджарой фигуре со следами былой выправки. Увидев Инну Викторовну, Верховцев поднялся и виновато улыбнулся Вернее — попытался улыбнуться. На что Инна Викторовна сдержанно кивнула и не стала говорить ничего

притворно-успокаивающего.

— Сейчас я посмотрю вашу жену, и мы выйдем с вами в сад. Там сегодня так хорошо. Я, знаете ли, тоже все больше в помещении.

И, не дав ему ничего произнести в ответ, вошла в палату № 38.

В состоянии больной не появилось ничего нового. Она лежала под капельницей. Спала. Инна Викторовна поговорила с медсестрой, вышла. Верховцев покорно проследовал за ней. Они вышли в сад, в тепло нагретого вечера. Дружно и немного торжественно цвели нарциссы, рассеивая вокруг ненавязчивый аромат.

— Вам тоже не сидится дома, — заметил Верховцев. Инна Викторовна пожала плечами:

— Такая у меня работа.

Она не стала объяснять, что это ее частная клиника, что она слишком многим пожертвовала, чтобы вырастить ее из ничего. И уж теперь такого пустяка, как личного времени, для клиники не жалко.

— Когда-то я тоже слишком много времени отдавал службе. Служба с утра до ночи. И в выходные. Жена обижалась, что мало бываю дома. Таскал ее по гарнизонам, по казенным квартирам.

— В каких войсках служили?

— В разных. Я — служащий политотдела.

— Руководящая роль партии, — бросила Инна Викторовна.

Верховцев снова виновато кивнул. Это было совсем не то, чего ожидала Инна Викторовна. Она была уверена, что Верховцев кинется защищать свою должность, свою партию. Примется разглагольствовать о необходимости по. литотделов в частях. И о том, что стало с армией сейчас — без них, прежних кадров. Она хотела, чтобы он отвлекся, клюнул на ее приманку. Но он не клюнул. Ему, видимо, было все равно. Все его существо было теперь сосредоточено на одной болевой точке. И точка эта находилась в боксе на третьем этаже, в палате № 38. Она одна болела и мучила сейчас.

— И в ракетных войсках служили. И ведь жили на самой точке. Там такие дозы...

— Вы себя вините, а это ни к чему, — мягко возразила Инна Викторовна. — Вы-то что могли сделать? Женщина сама выбирает свою судьбу. Видимо, для нее было лучше, чтобы рядом с вами.

— Да. Вы знаете, Люся так и говорила: лишь бы вместе. Она любила за ягодами ходить в лес. А там леса были кругом. И вот остановилась однажды и говорит: «Володя, ты слышишь?» Стою и не пойму, о чем она. Ничего такого не слышу. А она говорит: «Птицы не поют». А птиц там и не было. Птицы, они, знаете, чувствуют, что для них вредно. Они давно из тех мест улетели. И вот теперь я думаю: почему Люся, а не я? За что ей?

Инна Викторовна не знала, что ответить. Собираясь на разговор с Верховцевым, она намеревалась сказать ему все как есть. Чтобы не питал напрасных иллюзий. Чтобы готовился. То, что врач обязан сказать близким безнадежного больного. Но теперь видела, что он сам все

понимает и просто нуждается в том, чтобы кто-то слушал его. А слушать скорее всего некому. То, что она приготовила для разговора с мужем Верховиевой, никуда не годилось.

— Вы знаете, сейчас вашей жене дают одно лекарство... Хорошее лекарство. Она почувствует себя лучше.

— Да? — Верховцев с надеждой посмотрел на Инну Викторовну.

— Да. И вы сможете с ней разговаривать.

— И гулять?

— Возможно. Но помните: ей нужна ваша поддержка. Вам ни в коем случае нельзя раскисать.

— Да, да, я понимаю. Скажите, — Верховцев дотронулся до руки Инны Викторовны, — а сколько у меня есть времени?

— Точно сказать не могу, — призналась Инна Викторовна. — Может, несколько месяцев, а может — чудеса все-таки случаются — и больше.

Инна Викторовна поднялась и направилась в сторону больницы. Верховцев тенью двинулся за ней.

— Но вам нужно подумать о себе, — продолжала Инна Викторовна. — Вам нужно хорошо питаться, хорошо спать.

— Со сном у меня проблемы, — признался Верховцев.

— Я выпишу вам успокоительный сбор. Но обещайте, что будете точно следовать моим рекомендациям.

Верховцев снова виновато улыбнулся. Инна Викторовна не была уверена, что жена Верховцева протянет больше месяца, но сказать ему правду не смогла. Она поймала себя на мысли, что видела много женщин, которые хлопотали вокруг тяжелобольных мужей, видела скорбь безутешных вдов и их прибитость хором. И ее это не то чтобы совсем не трогало, а не слишком удивляло, что ли... А вот преданность Верховцева, его бесприютность, его беспомощность — задели ее. Разбередили душу.

А вот если бы она, Инна, не дай Бог, тяжело заболела? Кто из ее трех бывших мужей стал бы вот так, по-собачьи преданно, просиживать часами в коридоре, чтобы только знать, что она — рядом, через стенку? Больная, в бреду, никакая. Но — рядом. Кто? Дед Пихто. Нет, никто. Все ее три мужа только требовали внимания к себе, капризничали, предъявляли претензии. Что за жизнь! Ну хоть бы в чем повезло! Нет же — сыплется на голову одно за другим!

Инна Викторовна посидела у своей племянницы. Занимались восстановлением памяти. Это приятное занятие для Инны. Она вдоволь насплетничалась о своей невестке Кристине и нажаловалась на зятя-африканца. Должна же племянница вернуться в русло их семейных дел. Лариса с интересом слушала и смотрела фотографии.

И в самый разгар их беседы в палату просочилась секретарша Инны Викторовны, Леночка. Насколько ей позволяла невыразительная мимика лица, она попыталась что-то там такое изобразить. Инна Викторовна вышла из палаты вслед за Леночкой.

— У вас там посетители в приемной. По-моему, у них что-то серьезное стряслось.

В приемной сидела Оксана с девочкой лет пяти-шести. Оксана отвернулась к окну, а девочка с интересом разглядывала рыбок в аквариуме.

— Думаю, ты — Юля, — догадалась Инна, присев возле ребенка.

Оксана обернулась. Видок у нее был похлеще, чем в день их знакомства. Юлька теперь с интересом рассматривала незнакомую тетеньку.

— Поедешь ко мне в гости вместе с мамой? Юлька кивнула.

Оксана была благодарна Ларисиной тетке, что та не задает вопросов при Юльке. Она молчала всю дорогу до дома Инны Викторовны, молчала, пока та кормила Юльку ужином и укладывала спать. Но когда осталась одна в комнате Лизы, нервы не выдержали — начала тихонько подвывать, кусая губы. Сползла на пол возле двери и редела, раскачиваясь из стороны в сторону. Старалась издавать как можно меньше звуков. В таком состоянии ее и застала Инна Викторовна, вернувшись от Юли. Девочка между делом сообщила, что папа с мамой подрались. Инна Викторовна вошла в Лизину комнату, полная решимости. Вид рыдающей Оксаны эту решимость укрепил, и Инна Викторовна перешла в наступление.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе? — сухо поинтересовалась она.

— Мне... ник-ник-то... не может помочь! — заикаясь, возразила Оксана.

— У меня на третьем этаже лежит раковая больная, — жестко отчеканила Инна, — вот ей действительно никто не может помочь. А ты — молодая, здоровая женщина. И тебе помочь можно. Что случилось? Он тебя побил?

— Хуже, — просипела Оксана из своего угла. — Он меня изнасиловал. При Юльке.

Оксана не знала, как рассказать о том, что произошло. Она никак не могла привыкнуть к резким перепадам в настроении Игоря, которые то и дело овладевали им в последнее время. Вот и сегодня ничто не предвещало грозы. Он ушел на работу в прекрасном настроении, в обед забегал поесть крошки, а вечером... Оксана убрала ужин в холодильник, а он все не шел. Она выкупала и уложила дочь, а потом включила телевизор. Она вздрогнула, когда повернулся ключ в замке, и поняла, что боится. Игорь с порога стал придирается к ней. Он отказался ужинать, от него разило водкой. Оксана сразу почувствовала в нем уже знакомую агрессивность. Он загородил собой экран, а затем выключил телевизор.

— Ну что, верная жена, не желаете ли приступить к исполнению супружеских обязанностей?

Оксана, как могла, старалась выглядеть невозмутимой.

— Ты выпил, Игорь. И не забывай, что ребенок спит.

— Ребенок? — Игорь шутовски вскинул брови. — Какой ребенок? У нас есть ребенок? Ах да, это ведь у вас есть ребенок! У вас, а не у меня! Зато у меня есть жена, которая обязана...

Игорь дернул Оксану на себя, пуговицы с халата посыпались на пол. Оксана попыталась оттолкнуть мужа, увернуться, но он вцепился в нее, и они вместе упали на пол. Игорь озверел. Он зубами сдирал с нее халат, и, хотя Оксана царапалась и кусалась, агрессивность делала его сильнее, чем он есть на самом деле. И когда он справился с ней, задышал зло и по-звериному

неровно, Оксана увидела Юльку, сонно хлопающую ресницами. Юльку разбудила возня. Она уселась в кроватке, в недоумении наблюдая за родителями.

После безобразной сцены Игорь сразу сник. Затих на полу и даже не повернул головы, когда Оксана поднялась, стала одевать хныкающую Юльку, когда собирала какие-то вещи в сумку. Оксана не знала, куда идти. К свекрови нельзя — начнутся неизбежные вопросы, на которые ей нечего ответить. Не оставалось ничего, кроме как попроситься на постой к Инне Викторовне.

— Вы остаетесь у меня, это решено, — выслушав путанный рассказ Оксаны, заявила Инна. — Места много, всем хватит. Живите сколько понадобится. И я постараюсь тебе помочь, Оксана. Но чтобы помочь, я должна знать правду.

Оксана сквозь слезы посмотрела на Инну.

— Какую... правду?

— Юля действительно дочь Игоря?

Оксана застыла на секунду, а затем качнула головой: нет.

\* \* \*

Чина услышала легкие шаги и насторожилась. Задний полог заколыхался. Одна из шкур отодвинулась, и в синем свете луны появилась чья-то физиономия.

— Кто здесь?

— Это я, Зелена...

Теперь Чина и сама узнала девочку. Та отодвинула шкуры и на четвереньках вползла в хижину.

— Как ты прошла?

— Сейчас очередь Синюхи охранять тебя. А ты же знаешь, у него ломит ноги, и поэтому он не ходит кругом, как полагается, а лишь сидит у костра и греет свои кости. Когда я подбиралась сюда, Синюха клевал носом. Я принесла тебе ежевики.

Девочка достала из-за пазухи свернутый котомкой лопух. Чина развернула его. На мягком листе красовалась россыпь крупных черных ягод.

— Спасибо.

— Чина, ты сердишься на меня?

Зеленка опустила глаза в пол, устланный душистой травой.

Чина пожала плечами:

— Нет, не сержусь. Ты ведь не знаешь, что такое любовь.

— А что такое любовь, Чина?

Когда-нибудь ты познаешь ее сладость. Это бывает так: при одной мысли об этом мужчине

кровь быстрее бежит по всему телу. Ты без труда угадываешь те минуты, когда он думает о тебе, — так горят щеки. Ты узнаешь его шаги еще до того, как они раздались, — по характеру хруста ветки и шорохам травы. А когда он рядом, тебе не нужен никто, только он один. Его голос — лучшая песня. Это так сладко — повиноваться ему...

— Повиноваться?

— Да! Да! Ощущать его силу, идти за ним, быть нужной...

— Но ведь еще совсем немного, и тебе самой станет повиноваться все племя! Неужто тебе не хочется стать матерью-Прародительницей? — недоверчиво переспросила Зеленка.

— Хочется. Но если придется выбирать между властью и любовью, я выберу любовь. Ты ведь сама видела его, Зелена!

— Да...

Зеленка зажмурилась. А когда распахнула глаза, то заговорила торопливо, подстегивая саму себя:

— Вчера ночью, когда тебя увели, совет продолжался. И было решено выследить Чужака и поймать.

— Они схватили его?! — Чина метнулась к девочке, ежевика рассыпалась, растерялась в траве.

— Он пришел к водопаду в час бледной луны. Наши сидели в засаде. Черный Жук и другие накинули на него сеть.

— Они поймали его как птицу! — Чина вскочила, заметалась по хижине.

— Сядь, Чина, Синюха проснется!

— Что они собираются делать?

Чина едва сдерживала дрожь. Она схватила Зеленку за плечи и стала жадно вглядываться ей в лицо.

— Ты знаешь их план?

— А иначе зачем бы я пришла сюда? — важно спросила Зеленка.

— Ну говори же!

— Они решили спрятать его в пещерах. Они объявили ему, что освободят его сразу, как ты согласишься стать женой того, кого назначит тебе в мужа племя.

— О-о... — Чина зло сжала кулаки.

— Черный Жук надеется, что ты сразу согласишься. Потом тебе и Прародительнице скажут, что Чужак ушел, а на самом деле его хотят убить. Я сама слышала! Жук шептался с Рогозом...

Чина опустила на колени, вдавливая сочные ягоды в траву. Кожа выпачкалась соком. Волосы спрятали лицо девушки, и Зеленка не могла видеть — плачет Чина или нет. Некоторое время сидели молча.

Зеленка догадывалась по напряженной позе Чины, что та думку думает. Было слышно, как трещат сучья в костре да мыши пищат в сушняке.

Наконец Чина подняла голову. Зеленка отшатнулась, увидев выражение глаз девушки.

Чина заговорила, не давая Зеленке опомниться и вставить хоть слово.

— Побежишь к Заразихе, найдешь у нее сон-траву. Сделай так, чтобы она не увидела. Сможешь?

— П-постараюсь... — стуча зубами от страха, пообещала девочка.

— Подлей настойку в питье страже.

— Чужака охраняют Рогоз и Сныть.

— Хорошо. Сделаешь так, как я прошу?

— Я все сделаю для тебя, Чина.

— Забирай все мои браслеты, все подвески. Все забирай!

— Нет. Нельзя. Догадаются... Я боюсь за тебя, Чина! Даже если Рогоз и Сныть уснут, вы не успеете выбраться из пещеры. Скоро рассвет!

— Не бойся. Я что-нибудь придумаю. Беги же скорей, Зеленушка!

Девочка мышкой скользнула за полог — и вовремя. Со стороны костра раздался шорох. Чина увидела мужскую фигуру, выросшую на пороге.

— Жук?!

Она не верила своим глазам. Он посмел прийти к ней ночью! Он переступил порог ее жилища! Что он думает о себе?

— Я не звала тебя, Жук. Уйди.

Жука не остановила сухость Чины. Он сделал еще шаг, чтобы показать, что не боится её.

— Ты нарушил закон. Ты переступил порог будущего Прародительницы племени, — напомнила Чина. — Думаю, это не всем понравится.

— Прародительницы? — усмехнулся Жук. — Ты сказала — Прародительницы? А не ты ли вчера ночью отреклась от своих привилегий? Ты сказала, что бросишь племя и пойдешь за Чужаком, куда он скажет, ты...

— Я прекрасно помню, Жук, что сказала на совете Это мое дело. И ты здесь ни при чем.

— Я знаю, Чина, ты уже пожалела о том, что сказала на совете. Да гордость мешает признаться. Хочешь, я помогу тебе?

Чина взглянула на него, не скрывая презрения.

— Ты? Ты хочешь мне помочь? Чем же?

Жук переминался с ноги на ногу. Его и без того сутулая фигура казалась еще более искривленной. Ему приходилось пригибать голову, поскольку жилище было построено для женщин и его долговязой фигуре не хватало места.

— Если мы с тобой вместе выйдем из хижины на рассвете и люди у костра увидят это, то ты спасена. Все забудут, что ты вчера сказала у костра. Меня объявят твоим мужем, и тогда...

— Ты займешь место у моих ног на совете! Я правильно говорю, Жук?

Лицо Жука передернулось. Его черные глаза маслено блеснули в темноте.

— Ты думаешь — меня прельщает твое положение? Ты ошибаешься! Мне нужна ты, и ты это знаешь.

Жук шагнул к ней, и теперь Чина остро ощутила его запах — запах пота, костра и вяленых шкур. Она выставила руку впереди себя.

— Этого не будет. Я никогда не выйду утром с тобой из одной хижины. Я тебе это уже говорила.

— Подумай, Чина! — Жук схватил протянутую руку. — Ведь если бы я хотел стать главным мужем верховной женщины, то дождался бы, кого поставит совет вместо тебя. Но я пришел к тебе!

Черные глаза Жука плавилась от вожделения. Чина чувствовала дрожь в его руках. Голос его срывался от страсти. Она попыталась оттолкнуть его. Но вместо того чтобы повиноваться, Жук придвинулся еще ближе. Его пальцы впились ей в предплечья.

— Отойди, Жук! — прошипела она, царапая ему грудь.

Но Жук обезумел от страсти. Он обхватил ее и попытался повалить на устланный травой земляной пол. Чина вывернулась и в момент оказалась в другом углу хижины. Жук не удержал равновесие и упал. И, как был; на коленях, пополз к ней, блестя в ночи сливовыми глазами. Чина двинулась вдоль стены. Жук вскочил на ноги и бросился к ней. Он схватил ее и впились мокрыми губами в ее рот. Его руки шарили по ее телу. Чина толкнула Жука. Они упали и покатались в отчаянной борьбе. Никогда прежде долговязый Жук не мог одолеть ее в состязаниях. Она плавала лучше, была более проворна в ловле птиц, а уж в охоте Жук и не пытался с ней состязаться. Но сейчас, вымотанная переживаниями последних дней, она оказалась не готова к борьбе. Жуком двигала страсть. А Чина знала, какую силу придает страсть.

Наконец ей удалось оторвать от своих губ его ненасытные губы — она двумя руками держала его подбородок. За порогом хижины треснул сучок. С трудом переводя дыхание, Чина заговорила:

— Сейчас я закричу, и меня услышит Пикульник. Он не спит по ночам. Я пока еще внучка Прародительницы и не проклята племенем! Если я заявлю, что ты хотел взять меня силой, тебя убьют, не дожидаясь следующей луны. А твое мертвое тело привяжут к позорному столбу на потеху воронам!

Жук ослабил хватку. Чина вывернулась и откатилась к стене. Она собрала себя в кулак, чтобы не выпалить Жуку в глаза, что она все знает. Не выплюнуть ему в лицо все свое презрение. Он никогда бы не осмелился помериться силой с Чужаком один на один. Он собрал стаю шакалов,

чтобы поймать одного! О, как она ненавидела Черного Жука в эту минуту! Но с детства ее учили оставаться хладнокровной, что бы ни случилось. Она должна быть хитрой и сильной, чтобы победить.

— Ты знаешь законы не хуже меня, Жук. Так и будет, помяни мое слово!

Она ощущала спиной прореху в натянутых шкурах. Туда выскользнула Зеленка. Этим же отверстием воспользуется и Чина. Нужно только, чтобы Жук ушел.

— Не думай, что ты хитрей меня, — не отпуская ее глазами, проговорил Жук. — Я сам стану караулить тебя до рассвета. У тебя будет время подумать.

Чина промолчала. Притворно зевнула, показывая, как надоел ей этот разговор. Жук поднялся.

— Но на рассвете я вернусь, — предупредил он, отодвинув полог. — И приду не один, а с людьми из совета.

«Ну конечно, с тобой притащится Белая Марь. Утирать твои сопли», — подумала Чина, но не сказала ничего.

Жук вышел, но Чина слышала снаружи его сопение. В приоткрытую щель заглянула луна. Она висела низко, цепляясь синим боком за лапу сосны. Сидящий у костра мирно спал, уронив голову на руки, крепко сжимающие копье. Черный Жук подошел к спящему и сел рядом. Он всерьез намеревался караулить хижину пленницы до рассвета. Чина не могла больше ждать. Она собрала в кучу все найденные в хижине шкуры. Устроила подобие своего спящего тела. Вытащила из-под сухой травы свой старый детский лук. Нашлось несколько стрел. Устроившись у дыры, она долго примерялась и выжидала. Наконец пущенная ею стрела неслышно прорезала синь леса, и тут же раздался треск сучьев вдалеке и лес встревожил крик разбуженной птицы. Чина видела в щель, как вскочил Жук, разбудил Синюху. Вдвоем с Синюхой они рванули к лесу. Затем Синюха вернулся и долго стоял у костра и смотрел в ту сторону, куда побежал Жук. Потом отправился вокруг хижины. Впрочем, Чина была уже далеко. Никем не замеченная, она змеей скользнула в траву и уползла в густую звездную ночь.

## ГЛАВА 9

Оксана приехала в этот город сразу после окончания техникума. По распределению им предложили несколько городов, условно называемых «почтовыми ящиками». Оксана выбрала тот, что подальше от дома. Когда она явилась в отдел кадров предприятия, указанного в направлении, ее встретил серьезный взрослый мужчина, который не отмахнулся от нее, как от назойливой мухи, а расспросил подробно о семье, о техникуме, о подругах. Даже какие книжки Оксана читает, спросил. А потом объяснил, что теперь Оксана будет работать на оборонном предприятии и поэтому должна дать подписку о неразглашении секретной информации. Оксана выслушала мужчину, прикидывая на себя возлагаемую ответственность. Честно подумала — сможет ли держать язык за зубами? Решила: труд но будет, но выполнимо в принципе. Глубоко вздохнула и подписала документ. Потом подвинулась поближе, оглянулась на дверь и сказала:

— Рассказывайте.

— Что? — опешил мужчина.

— Вашу секретную информацию.

Потом по заводу долго гулял этот анекдот. На Оксану приходили специально посмотреть. Так она и с Игорем познакомилась — он тоже пришел посмотреть на чудачку, требующую выдачи военной тайны.

Они не очень долго встречались. Поскольку у Оксаны в городе не было родных, она была не прочь создать семью, стать женой и матерью. Стать женой получилось Им сразу дали комнату в общежитии, с соседями по этажу они стали дружить семьями. А вот стать матерью почему-то не удавалось. Многие ее подруги не спешили стать мамами. Они и Оксане советовали пожить для себя, но она не понимала — как это «для себя»? Зачем? Раз поженились, нужна полноценная семья: муж, жена, ребенок. Или два ребенка. Свекровь подливала масла в огонь — требовала внуков.

И Оксана начала обследоваться. Мнения врачей не совпадали. Каждый находил свою причину, каждый предлагал свой метод лечения, и Оксана терпеливо проверяла все эти методы на себе.

Не очень-то все это было приятно. Вспыхнувшая вдруг надежда сменялась приступами безнадеги. Она чувствовала себя уязвленной, неполноценной. Хотя Игорь делал все, чтобы она на этом вопросе не заикливалась.

У нее было то, о чем пишут в женских журналах: утренний кофе в постель, цветы по поводу и без повода. Игорь приходил встречать ее с работы, если их смены не совпадали. Ему ничего не стоило вымыть полы в общем коридоре, когда наступала их очередь.

Оксане и в голову не приходило, что это может кого-то раздражать, вызывать зависть. Она поняла это позже. А в то время ее интересовал лишь один вопрос: почему она не может забеременеть? Вопрос стал болезненным.

И однажды сотрудница рассказала ей о враче, который интересуется вопросами бесплодия и консультирует семейные пары. Врач очень хороший, старой закалки, энтузиаст. Работает не ради денег, а из интереса. Живет и работает в областном центре, смотрит и консультирует сразу обоих — жену и мужа. Знакомая знакомой консультировалась у него, и вот теперь она — мамаша очаровательных двойняшек.

Оксана с Игорем немедленно записались на прием к этому врачу. Врач, крупный дядька с густыми черными бровями и сочно блестящей лысиной, слушал их с неподдельным интересом. Его равнодушие обнадежило Оксану. Игорь терпеливо и последовательно сдавал все анализы, пачку направлений на которые щедро подписал доктор. То заключение, что дал врач, получив результаты анализов и снова осмотрев пациентов, обескуражило обоих. Дело было не в ней, Оксане. Дело было в Игоре. А она, Оксана, здорова! Она может иметь детей хоть сейчас. Хоть сегодня! Кровь бросилась в голову Оксане, и она плохо слышала врача, который разъяснял им причину бесплодия Игоря. Да и не бесплодие оно как таковое, а недоразумение, и причину надо искать в детских годах Игоря. Был у мальчика фимоз, воспаление такое. И болезнь имела последствия. Нужно было до двенадцати лет сделать ему операцию, но вопросу не придали значения. А теперь Игорь вроде бы и может иметь детей, на процент положительного результата невелик. Лысый доктор предложил им искусственное оплодотворение.

Возвращались домой молча. Игорь, понятное дело, приуныл и призадумался. Кому приятно услышать о себе такое? Зато Оксана ликовала. Она здорова! У нее будет ребенок! Искусственным путем или естественным, какая разница?

Врач дал им адрес лаборатории и взял с Оксаны слово сообщить ему о результатах. Как она

воодушевилась! Она сбросила тяжелый груз вины, чувства собственной неполноценности, что носила на себе много месяцев, У нее будто крылья выросли. Она бы занялась решением вопроса немедленно, но ее отправили в командировку. И в командировку Оксана уехала в том же состоянии эйфории, которое вселил в нее доктор. Ей казалось, что весь мир засиял цветными красками. С делами она справлялась шутя.

Улыбка не сходила с ее лица — ей хотелось обнять весь мир и смеяться! Она готова была поклясться, что уже чувствует себя беременной. Оксана где-то читала, что такое бывает у женщин, излишне сосредоточенных на этом вопросе. Неудивительно, что на нее, такую, стали обращать внимание мужчины. И ее сосед по этажу в гостинице, приехавший в командировку так же, как она, проходу ей не давал. Крупный, настоящий русский богатырь, Илья Муромец, ухаживать не умел и знаки внимания оказывал неуклюже-откровенные. Оксана всю неделю хохотала над ним, а в последний вечер, когда он притащился к ней в номер с бутылкой водки и батоном сырокопченой колбасы «Губернаторская», не прогнала его, а оставила травить байки и анекдоты, которыми он почти отравил ее за неделю. А что еще было делать? Соседи по номеру ушли в ресторан с узбеками со второго этажа, Оксана в их компанию не вписалась. Вот и пришлось пить водку и слушать анекдоты. Впрочем, до анекдотов дело не дошло. Хлопнув полстакана «Президентской» и закусив шматком «Губернаторской», Илья Муромец уставился на Оксану откровенно несатыми глазами. Оксане было весело. Ее забавляло, что мужики вдруг стали на нее смотреть так. Она попыталась кокетничать, но это было излишним. Илья Муромец галантностью не обладал, зато напор у него оказался довольно беспардонный.

Долго потом Оксана помнила эту ночь в гостиничном номере, и долго эти воспоминания обдавали горячей волной, заставляя ее краснеть.

Но что было — то было. Она вернулась домой, стараясь не вспоминать о командировке, гостинице и Илье Муромце. Это было нетрудно — работа, дом, заботы. Приближался юбилей свекра — провожали на пенсию. Оксана помогала свекрови приводить в порядок квартиру, выбирать рецепты для праздничных блюд. К тому же нужно было сдавать анализы по новому кругу — теперь для лаборатории, рекомендованной новым врачом.

Анализы Игорь с Оксаной сдавали вместе, а получать результаты поехала Оксана одна, в свой выходной. Вот там-то, в белоснежном кабинете лаборатории, и пришлось озадачиться. Анализы показали, что она, Оксана Киреева, беременна. И в услугах лаборатории не нуждается. Ей бы радоваться, скакать и прыгать — вот оно, долгожданное. А она вышла из прохладных коридоров, как пыльным мешком накрытая. Что-то ей мешало торжествовать и радоваться. Какая-то тень лежала на всем этом, и необходимо было немедленно поделиться с кем-нибудь.

И она отправилась к бровастому врачу с сочной лысиной. Дядька был не дурак, сразу смекнул, что к чему.

— Вы мне, Оксан очка, честно скажите, как на духу. Я в эти сказки о непорочном зачатии давно уже не верю. Было у вас с кем-нибудь?

Оксана честно призналась. Врач все-таки. Доктор ничуть не удивился, мораль читать не стал. Ни одна из его густых бровей не дрогнула тенью осуждения. Он присел на кушетку напротив Оксаны и заглянул ей в глаза.

— Вот что, дорогая моя. Теперь послушай совет человека бывалого. Мужу — ни под каким смертным страхом! — в измене не признаваться! Это его ребенок, и он будет ему рад так же, как и ты. И еще: о том, что произошло, — никому. Никому и никогда. Уяснила?

— Да что же я — враг себе? — удивилась Оксана. Врач пожал плечами и руками развел:

— А вот это, милушка, жизнь покажет, враг ты себе или нет.

Вот такой попался доктор. Все знал про нее и все предвидел. И оказалось — враг она себе. Держать язык за зубами оказалось труднее, чем забеременеть.

Нет, с мужем получилось как раз все очень просто. Игорь обрадовался новости как ребенок. Груз-то какой с души свалился! А что врачи сплошь и рядом ошибаются — это никого уже удивить не может. У них будет ребенок, как у других. Ерунда, что не получалось — ведь получилось же в конце концов!

Всю Оксанину беременность Игорь выхаживал вокруг нее, как заботливый скворец. Огурцов захотела — мчался за огурцами. Семечек ночью? Всю общагу перетрясет, а семечек среди ночи достанет. Кроватьку сам делал. Выпиливал фигурные завитушки, шкуркой затирает все деревянные округлости, лаком покрывал. Кроватька получилась просто чудо.

Когда Юльку из роддома привезли, налюбоваться на дитя не мог. Впрочем, стояли возле кровати вдвоем, с разных сторон, и комментировали:

— Чихнула!

— Морщится!

— Палец! Палец в рот засунула!

— А ручки! Ручки-то сложила!

И носил ее на руках, и песни пел, хоть слуха никакого; и пеленки гладил. Юлька была в радость.

Радость и гордость Игоря усиливала свекровь. Имея единственного сына, свекровь очень хотела внучку. Угодили бабке.

И когда свекровь самоуверенно утверждала, что Юлька вся в них, в Киреевых, Оксана мужественно молчала и своего в дочери не выпячивала.

В Киреевых так в Киреевых. Пусть тешатся. Да она бы и молчала, не занимай столько места в ее жизни подруги. С семьей своей прежней Оксана практически не общалась, у нее и раньше-то не было теплых отношений с матерью, а теперь их разделяли километры. А все-таки необходимость в близких людях в нас очень велика. Тем более Оксана — человек общительный. У нее было много подруг. И первой тайну Оксаны узнала Лариса. Юльке было года три. Оксана могла бы похвалить себя за молчание. Но к ней пришла Лариса после очередного курса лечения и в слезах поведала об очередной неудаче. Лариса месяц лечилась грязями. Она только что не ела эту грязь, все остальное было с грязью. Утро начиналось с грязевых процедур, вечер заканчивался ими же. У нее все белье было испорчено лечебной грязью. А эффект — ноль! Причем была задержка полторы недели. И Лариса носилась с этой задержкой, как курица с яйцом. Но все кончилось очень прозаично. Как всегда. И Стасик, разочарованный, ушел в свою нотариальную контору и потом три дня молчал. Три дня молчал! Этот факт потряс Оксану до самой глубины ее женской сущности! Этот Стасик, этот сытый, лоснящийся пузырь, которому в страшном сне не снилась вереница малоприятных процедур, через которые пришлось пройти его жене, молчал разочарованно и откровенно! Хам.

Оксана, стуча пятками, промаршировала на кухню, открыла холодильник и достала початую бутылку «Гжелки». Из закуски нашла только сыр. Она налила себе и подруге. Потом сказала сникшей, шмыгающей носом Ларисе:

— Найди себе мужика и дай ему!

— Что? — Лариса захлопала мокрыми ресницами.

Оксана покачала головой: иногда эти учителя бывают такими тормозами...

— Чего! Того самого!

Оксана налила еще водки. Лариса не сопротивлялась. Выпила и зажевала колбасным сыром.

— Ты думаешь... это решит мою проблему? — серьезно спросила Лариса.

Оксана знала Ларисино состояние. Она бы в красках могла описать все чувства, что роились у подруги в душе. Комок подкатывал к горлу от сострадания. И все-таки она заставила себя улыбнуться:

— Ну, мою-то решило...

До Ларисы не сразу дошло. Она жевала сыр, задумчиво щипала листик петрушки. И вдруг уставилась на Оксану, и вид у нее стал самый дурацкий. Оксана расхохоталась. Ей было смешно наблюдать потрясение подруги. Она чувствовала себя в чем-то старше Ларисы, мудрее. Хотя на самом деле была младше на несколько лет. И потом — у Ларисы было высшее образование. Хотя в этом вопросе образование не играет никакой роли. Лариса еще не оправилась от потрясения, а Оксана уже вываливала на нее подробности. Хотя подробностей от нее никто не требовал. Но Оксане было приятно, что удалось все-таки отвлечь подругу от грустных мыслей. В конце они даже посмеялись немного. И Оксана дала подруге несколько полезных советов. Правда, уходя, Лариса сказала, что вряд ли когда-нибудь воспользуется советом подруги. Во-первых, потому что не умеет флиртовать с мужчинами, безумно любит Стасика. Во-вторых, даже если ее, Ларису Захарову, и пошлют в командировку по работе, то там, известное дело, будут одни женщины. Так что — шансов никаких.

Поболтали и забыли. Или — не забыли? Могла Лариса в порыве откровенности выболтать горячо любимому мужу чужую тайну? Почему-то Оксана совсем не подумала о муже. Почему? А о чем она вообще думала-то? Ну Ларисе рассказала и успокоилась бы. Но ведь нет! Словно черт дергал Оксану за язык снова и снова.

Ровно два раза после разговора с Ларисой Оксану потянуло на подобные откровения. Тайна угнетала ее, что ли? С соседкой Ниной они любят обсуждать свекровей. Как соберутся вчетвером — они с Ниной и их мужья, — так первую, официальную, часть проводят вместе, поддерживают общий разговор. А после они с Нинкой удаляются курить на балкон и сплетничать про свекровей. У них как соревнование — у кого более лютая. Иногда Оксану даже зло берет — ну никак ей не удастся переплюнуть Нинку в этом вопросе. По всему выходит, что Нинкина свекровь лютее. И Нинка, конечно, изощреннее Оксаны в плане мести. Тогда Оксана возьми да и ляпни свекруха, мол, в Юльке души не чаёт, ищет сходство с собой да со своей родней, с Киреевыми. А Киреевыми там и не пахнет. Она у нее вообще, возможно, не от Игоря. Только это строго между нами.

Вот уж где она Нинку припечатала! Такого фокуса та при всей ее бурной фантазии придумать не смогла!

Только утром следующего дня Оксана проснулась с нехорошим чувством. Что-то царапало ее изнутри. Наверное, о таком вот состоянии говорят: кошки скребут. Правда. Нинка к этому разговору больше не возвращалась. И Оксана мужественно продержалась еще год. А потом все-таки раскололась и убедилась окончательно и бесповоротно: она Оксана Киреева, дура беспросветная. И теперь обо всем этом она должна была рассказать Инне Викторовне, то есть выдать свою тайну в четвертый раз. Впрочем, тайны-то уже не было. А что осталось? И можно ли склеить то, что осталось?

\* \* \*

Андрей перешагнул через халат жены и присел на краешек дивана. Он присел на краешек не потому, что имел обыкновение сидеть вот так, на манер гимназисток, нет. Просто остальное пространство было занято сухим неглаженным бельем, третий день занимавшим полквартиры. Кристина сидела за компьютером в трусиках и маечке и играла в автогонки.

Больше всего Андрея бесило не белье, не раскиданная по всему дому одежда, не гора грязной посуды, вечно громоздящаяся в раковине. Нет. Больше всего его убивало вот такое использование компьютера. К компьютеру Андрей привык относиться как мыслящему собеседнику, он мог часами работать за компьютером. Но — играть?

— Я хочу есть, — напомнил Андрей.

Кристина кивнула, не отрываясь от монитора, взвизгнула (ей удалось спасти гонщика от столкновения) и сказала:

— Там остались две сосиски, свари себе.

Андрей молча проглотил ее — предложение, встал и направился в кухню. И вовремя — над плитой скакали Кристинины термобигуди. Он метнулся к плите, выключил газ. Бигуди, с кипящим в них воском, еще некоторое время пытались покинуть раскаленный ковшик. Вода давно выкипела, одна бигудина треснула, кафель был заляпан воском. Андрей почувствовал, как внутри его тоже-что-то закипает, и попытался изменить точку зрения на проблему. Найти в ней что-нибудь смешное. Ну действительно — разве не смешно: молодой ученый, аспирант, приходит домой поужинать, а на кухне скачут бигуди! Как ни крутил Андрей точку зрения, веселее не становилось. И есть хотелось все больше. Он открыл холодильник и пошарил в нем. Кроме обещанных двух сосисок, там действительно ничего стоящего не оказалось. Он сварил их, подумал вытряхнул из бутылки остатки кетчупа. Подумал еще, от крыл банку консервированной кукурузы и разместил желтую горку рядом с сосисками.

Андрей держал тарелку в руках, когда в комнате взвизгнула Кристина. Она заорала самым истошным голосом Он, выставив вперед тарелку, помчался на крик.

— Андрюшка! Лиза звонит из Африки! Скорей! Андрей завернул из коридора в комнату. Собственно, руки его уже были в комнате, а сам он все еще оставался в коридоре, потому что запнулся обо что-то и заскользил на линолеуме.

— У нас все хорошо! — весело докладывала Кристина, стоя посреди кромешного бардака в одних прозрачных трусиках и маечке-тельняшке. — Только жарко очень. Ой! — Кристина забросила брови под челку. — Что я про жару-то? У тебя там вообще — Африка!

Андрей запутался ногами в расставленных ловушках Кристиных босоножек и упал-таки, подбросив сосиски, вымазанные кетчупом, прямо на гору свежего белья.

— Андрюшка! — заорала Кристина, видя, как сосиски скатываются с горы белья, оставляя за собой следы кетчупа.

Андрей выхватил у нее из рук трубку и прижался к ней щекой.

— Лиза? Ты плачешь?

Ему показалось, что там, в трубке, раздался явный всхлип. Явный-явный.

— Ты скучаешь, — догадался он и добавил: — И мы все тут по тебе соскучились. Как ты себя чувствуешь?

Лиза была беременна, и Андрей много раз слышал, что у беременных такое изменчивое настроение, что им надо угождать и все такое. Лиза звонила часто, но в таком состоянии он слышал ее впервые. Вообще Лизка не была плаксой или нытиком. Поэтому Андрей сразу насторожился:

— Вы с Умару поссорились?

— Да, — всхлипнула Лиза.

Андрей почувствовал, что дело серьезное. Из-за пустячной ссоры Лизка не станет лить слезы в жилетку брату, находящемуся на другой половине земного шара. Не такая у него сестра. Лизка — не Кристина.

Кристина стояла возле горы белья, которую его мать перестирала еще в субботу, и доедала сосиску.

— Лиза, ты же знаешь, я никому ничего не скажу. Мне ты можешь доверять. Он изменяет тебе? Он не дает тебе денег? Или ты все придумала про большой двухэтажный дом, а на самом деле вы живете в хижине, в племени чернокожих дикарей?

Андрей пробовал шутить, но краем сознания боялся попасть в точку. Мать, например, давно успела взрастить в душе манию всяких ужасов, подстерегающих дочь в Африке. Недавно ее угораздило наткнуться на статью о русской девушке, вышедшей за африканца и теперь живущей в типичной африканской деревне, без воды и нормальной кровати. После этой статьи мать подпрыгивала целую неделю. Поэтому Лизка со своей проблемой звонит не матери, а брату! Что-то серьезное...

— Или... что-нибудь... с ребенком? — От пришедшей внезапно мысли затылку стало горячо. Как он не подумал! Там же другой климат!

— Н-нет, — выдавила Лиза и заговорила быстро, словно боялась, что в комнату зайдут и помешают ей: — Ты понимаешь, Андрей, я не говорила вам. Это так ужасно... Я никак не могу к этому привыкнуть. Я не одна у Умару! У него уже, оказывается, есть жена. Старшая жена, представляешь? Он ничего не говорил мне. А когда мы приехали, то... Я сначала думала, что это какая-нибудь двоюродная сестра или еще там кто-нибудь. У них в доме живут все родственники, я долго не могла запомнить, как кого зовут. Мы жили со всей его родней. А потом, когда на нашей половине закончили ремонт, мы туда переехали, и... и она — с нами! Я только тогда поняла, в какое положение попала, Андрюша! Я уже была беременна. Она, все время на меня так смотрит...

У Андрея сжалось сердце. Пересохло во рту. Господи, ну почему это случилось с его сестрой?!

Так банально и пошло, что хоть кричи. Что он может сказать ей?

— Лиза! Лиза, ты говорила с ним? То есть, я хочу сказать, он там что себе думает?

— Понимаешь, Андрюша... Тут все по-другому... У них свои правила. Он вообще не понимает, в чем проблема. Он считает, что я капризничаю и что меня избаловала мать.

— Тебя — избаловала... — Внутри у Андрея словно запрыгали термобигуди. Ну, попадись ему этот Умару! Это Лизку-то избаловали? Да ему бы Кристинку, она бы их табор быстро разогнала! — Почему она живет с вами? Неужели ничего нельзя сделать? Он же говорил, что разведен?!

— Ну да. У нее детей нет, и он говорит, что я принесу ему первенца и буду главной женой. А если я рожу много, то он больше не женится...

— Много? Много — это сколько? — Андрей тщетно пытался представить Лизкину многодетную африканскую семью. На том конце провода что-то невнятно пробормотали. — Лиза! Ты там не поддавайся! У тебя есть семья, у тебя есть дом, ты об этом помни! Если тебе там плохо, прилетай домой! Наплюй на эту Африку, мы вырастим твоего ребенка сами!

Все свое кипение, весь свой пыл Андрей постарался вложить в эти слова. Если бы он мог приехать в эту Африку и оградить сестру от страданий! Если бы мог!

— Спасибо, Андрюшка, — остановила его сестра. — Ты только, пожалуйста, маме не говори ничего, а? Поцелуй от меня Кристину... Мне правда полегче стало, как с тобой поговорила...

И в разговор вклинились противные длинные гудки.

Андрей попытался представить сестру. Как она сидит в своей спальне в большом белом доме, в окна видны верхушки финиковых пальм, а посреди двора бьет фонтан.

\* \* \*

...Лиза сидела на белом шелковом покрывале. Оливковый телефон смотрел на нее сочувственно, но — беспомощно. Что он мог?

Сквозь решетку жалюзи и паутину москитной сетки она видела полосы пальмовых листьев и длинную рыбину автомобиля Умару. Все казалось сном, от которого нельзя проснуться. Разговор с братом окончательно обессилил ее. Она прилегла на покрывало, щекой ища прохладу. Но даже шелковые простыни не давали ей этого ощущения. Ребенок всюду шевелился, он всегда чувствовал, когда она нервничает. Она закрыла глаза. Ну что ж, ей и правда полегче. Часть груза она переложила на брата, теперь он знает и будет переживать за нее. Пусть. У Умару здесь столько родни, свои отношения, нарушить которые — ни Боже мой! И они горой друг за друга. А она — одна, совсем одна в чужой стране. Ни родни, ни подруг... Ну что ж, у нее есть брат, который теперь все знает...

Лиза почувствовала, что ребенок поверил в ее расслабленность и тоже размяк, затих. Они задремали.

Она даже не поняла, успела она заснуть или нет, только из полудремы ее выдернул звук. Почти неуловимый звук, подобие шороха. Но Лиза тотчас вынырнула из дрожащей мари полусна и поплыла назад, в явь. Она не открыла глаз, а только сделала шторку из ресниц и за полупрозрачной, рифленого стекла стеной увидела силуэт. Не нужно было обладать богатой

фантазией, чтобы догадаться, кто это. Осторожная грация пантеры, прямая спина гордая постанова головы.

Первая жена Умару стала Лизиним кошмаром и вполне могла присниться, но Лиза твердо знала, что это не сон. Под ногами грациозной Адамы скрипнула циновка. Лиза видела, как Адама протянула руку. Неужели она подвинет дверь и войдет к Лизе в спальню! Только этого не хватало! Эта женщина чувствовала себя хозяйкой и расхаживала по всему дому, командуя прислугой благо та плохо понимала Лизин английский. Но войти Лизе в спальню!

Лиза не пошевелилась. В ней боролись страх и любопытство. Что станет делать Адама в ее спальне? Дверь бесшумно отъехала. Черная пантера помаячила в проеме двери и двинулась вдоль прозрачной стены, стараясь не шуметь. Нужно отдать ей должное, она была бес шумна, как кошка, ей и стараться было не нужно. Она и родилась с этой дикой грацией и манерами ласковой хищницы.

Адама обошла кровать, и Лиза сразу почувствовала дуновение прохлады. Не открывая глаз, поняла: Адамка включила кондиционер. Какая забота! И это после их утренней стычки! Лиза не собиралась с ней разговаривать и поэтому лежала, наблюдая за соперницей из-под полуприкрытых ресниц.

На стуле возле кровати лежал кремовый пеньюар, который Лиза надевала по утрам, провожая Умару на работу. Пеньюар Лизе очень нравился. И нравился, видимо, не только ей. Адама остановилась и, секунду помедлив, потрогала пальцами оборку. Лиза почему-то была уверена, что Адама сделает какую-нибудь пакость. Например, выльет на пеньюар пузырек зеленки или отрежет завязки. Но Адама сделала другое — она взяла пеньюар и выскользнула с ним из комнаты. Лиза чуть не вскрикнула ей вслед. Но — сдержалась. В широкий дверной проем ей хорошо было видно, что происходит в соседней комнате. Адама накинула на себя Лизин пеньюар и стала смотреться в зеркало. Зеркала в комнате висели повсюду, поэтому Лизе были видны ее отражения. Смуглая кожа Адамы казалась еще чернее, оттеняемая кремовым. Лиза должна была признать, что негритянка красива. Своей, местной, африканской, красотой. На Лизу она смотрит как на заморскую экзотическую птицу и не прочь примерить чужое оперение.

Адама запахнула на себе пеньюар, прошла, повернулась, производя руками свои характерные движения, и прицелкнула языком. Лиза собралась было «проснуться», прервать спектакль, но услышала раздававшийся на лестнице голос Умару. Он поднимался.

Адама замерла в позе обманчивого кошачьего равнодушия, и Лиза замерла, а точнее сказать — съежилась. Она и сама не смогла бы объяснить своего состояния. Она как бы попала в чужую игру и не могла поймать момент, чтобы выйти из нее.

Умару поднялся и увидел Адаму в Лизиним пеньюаре. Он что-то коротко сказал своей первой жене, а может, спросил. Та ответила негромко, махнула рукавом пеньюара в сторону спальни. Лиза испугалась. Она испугалась, что увидит какую-нибудь интимную ласку между ними. Вдруг он решит, что Лиза спит, и подойдет и обнимет Адаму? Лиза точно знала о себе: она этого не переживет. Она не сможет это проглотить. Как проглатывает молчаливая Адама с глазами-маслинами и грациозной шеей.

Умару что-то сказал Адаме и направился в сторону спальни. Пеньюар полетел ему вслед. Адама стремительно спускалась по лестнице.

Лиза сидела на кровати, ее колотила дрожь.

— Я не могу, не могу так! Не могу так больше! — повторяла она, чувствуя приближение слез.

Умару подсел, обнял ее большими руками и стал качать из стороны в сторону, как в ритуальном танце — равномерно и монотонно.

— Зачем она пришла на мою половину? Зачем?!

— Она включила тебе кондиционер. Видела, что ты страдаешь от жары, а спросить стесняешься. Она пришла с добрыми намерениями.

— Но зачем, зачем она берет мои вещи?

— Лиза! Не будь такой... жадной. Адама видит, что ты — другая. И ты ей интересна. Она хочет подружиться с тобой.

— Она? Подружиться со мной? Да ты что?! Может быть, когда ребенок родится, она отнимет его и сама будет нянчить?

Умару пожал плечами. Он не видел в этом ничего особенного. Лиза была на грани отчаяния.

— Лиза, у Адамы нет детей. У нее дважды рождались мертвые дети, и она совсем отчаялась. Будь с ней помягче. Она хорошо к тебе относится!

— Я только это и слышу! — Лицо Лизы покрылось бисеринками пота. — Я не могу так жить! Я вышла за тебя замуж не для того, чтобы делить тебя с кем-то! Я не собиралась в гарем! Я не готова к этому! Если бы я знала, что у тебя гарем, я ни за что бы не поехала сюда!

— Где ты видишь гарем? — рассмеялся Умару. — Я недостаточно богат, чтобы содержать нескольких жен. Вот видишь, предстоят новые расходы. Теперь придется Адаме покупать пеньюар, чтобы она не трогала твой.

— Ты смеешься? — возмутилась Лиза. — Тебе весело? Так знай же: или я, или она! Если она останется здесь, я уеду домой!

Умару озадаченно смотрел на Лизу. А Лиза отвернулась, но ей все равно мерещились глаза Адамы — иссиня-черные, как маслины.

## ГЛАВА 10

— Ларочка, это я...

В комнату проник круглолицый мужчина с животиком будды. Лицо его лоснилось, будто он только что наелся блинов.

— Я принес кое-какие бумажки, нужно их подписать... Ты ведь не забыла, дорогая, о чем мы беседовали прошлый раз? Или я...

— Я помню.

Лариса вышла из-за письменного стола.

— Адвокат приготовил документы о разводе? Я должна их подписать.

— А тебе читать не вредно? Над чем ты работаешь? — Стасик скосил глаза на бумаги, разложенные у Ларисы на столе.

Лариса бросила сверху журнал.

— Я здорова. Читать мне не вредно, писать тоже. Лариса взяла протянутые ей бумаги, стала просматривать.

Стасик подошел к столу и убрал журнал. Он, как бы от скуки, стал просматривать листки, исписанные убористым почерком его жены. Лариса подняла на него глаза. Ей было неприятно, что этот человек трогает и читает то, что она никому не показывала.

— Ты пишешь диссертацию? — Брови Стасика подпрыгнули.

— Разве тебе это интересно? — Лариса пожала плечами. — Занимаюсь чем хочу.

Она вовсе не стремилась, чтобы ее слова показались вызывающими. Но именно так они прозвучали. Стасик положил бумаги на место и накрыл их журналом. Он наблюдал, как Лариса один за другим подписывает документы. Он не ожидал, что все будет так просто. Он уже отлично знал: у Ларисы шок и большие проблемы с памятью — здесь помню, здесь не помню. И он приготовился к вопросам. И ответы тщательно продумал и даже отрепетировал. Но такого равнодушия, такого пофигизма он от своей жены не ожидал. И — растерялся.

Главное — выражение лица у нее было... совершенно чужое! Ну как будто и не Лариса это. Не та Лариса, что хватала его за штаны и умоляла: «Не бросай меня!» И выражение глаз ведь у нее прежде было совершенно собачье! У них во дворе однажды собаку машиной сбило, и вот тогда у собаки было такое выражение глаз, как совсем недавно у Ларисы. А эта, сегодняшняя, Лариса была абсолютно чужая и незнакомая. Эта незнакомость ставила Стасика в тупик. А может, она что задумала? Контрплан? Или... она совсем умом тронулась?

К концу своего визита к жене Станислав Антонович Захаров пришел к выводу, что у жены не все в порядке с головой. И даже больше, чем предполагает ее тетка, эта врачиха-купчиха.

— У тебя — все? — поинтересовалась Лариса, отдавая мужу бумаги. Он видел — ей не терпится, чтобы он ушел.

Лариса действительно хотела скорее сесть за письменный стол. Ей нужно было записать свой последний сон. Она записывала сны. Они были как продолжение один другого. Записывать сны просил врач. Выполняя его задание, Лариса так увлеклась, что заметила — это занятие захватывает ее все больше. А сны, что проносятся в сознании человека летучей паутиной, у нее развертываются обзорной панорамой, подробной историей.

И ее тяготил этот визит, она не могла вспомнить своих прошлых чувств к этому человеку. А в настоящем она не воспринимала его. Лариса не могла понять, как она могла любить эти дрожащие щеки, эти бегающие глаза и уши, прижатые к голове вплотную?! Поэтому она с облегчением вздохнула, когда он ушел. Она плотно закрыла дверь и стала писать: «Рогоз спал, привалившись к скале. Сныть лежал рядом, обнимая дубинку.

Чина скользнула к проходу в пещере, и секунду спустя ее поглотила тьма...»

Станислав благополучно миновал лестницу и уже пересек холл, когда входная дверь распахнулась и на пороге возникла Ларисина тетка. «Принесла нелегкая», — чертыхнулся Стасик. И внутренне съежился, хотя виду не подал.

— Как здоровьице, Инна Викторовна? — Захаров попытался скользнуть мимо бывшей родственницы, но та весьма конкретно преградила ему дорогу.

— Стоять!

Не ожидая подобной стремительности, Стасик отступил и вытянулся в струнку. Секунда — и Инна выхватила у него из рук пакет с документами.

— Инна Викторовна, вы бы полегче!

— А ты присаживайся, зятек. В ногах правды нет. Инна Викторовна, не глядя на гостя, двинулась в глубь гостиной.

Стасику ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. И почему он не догадался захватить с собой дипломат? Его выдали эти прозрачные файлы.

Инна уже восседала в мягком глубоком кресле, нацепив очки, и неторопливо пробежала глазами документы.

— Вы бы не напрягались напрасно, Инна Викторовна, — наконец опомнился Станислав Антонович. — Мы с Ларисой — взрослые люди. Мы и без вашего вмешательства, так сказать...

— Ух ты змеюка, Стасик! — выдохнула Инна Викторовна, оторвавшись от бумаг. — Ох ты ж и мокрица канцелярская...

— Ну-ну! Не надо этих ваших выражений. У нас с Ларисой обоюдное согласие.

Инна Викторовна медленно заливалась краской. Ей впервые в жизни было стыдно не за себя, а за другого человека.

— Воспользовался, значит, Ларочкиным состоянием, таракан ты мокроусый! Обвел Ларису, как младенца беспомощного, и сматываешься? А что ж не через окно?

— Надо было! Если б знал, что на вас напорюсь, то...

— Напорешься! Ты на меня еще напорешься, бородавка! Я тебя выведу на чистую воду! Ты думаешь, один такой умный? Мы все тут с высшим образованием!

Инна Викторовна тряхнула бумагами перед самым носом у Захарова. Он схватился за листы, но Инна Викторовна выдернула их. Поскольку пальцы у Стасика от волнения стали скользкими, бумаг он удержать не смог.

— Инна Викторовна! Это документы! Это вы у себя в клинике на подчиненных орите, а я вам вообще никто!

— Вот именно! Никто! А я думаю: кто он мне, этот мокрогуб? Неужели родственник? Да избавь меня Боже, от такой родни! Значит, квартиру, нажитую совместно с женой, ты оттяпал себе. Раз.

— Это, знаете ли, все по договоренности. Я Ларису — не на улицу, я...

— Ага. Не на улицу. Мало того, что ты у нее под носом шашни водил, так ты ее еще и в общагу выселяешь! Она и так пострадала! Да как ты, урод ты моральный, по земле-то ходишь после этого?

— Всегда знал, что вы, Инна Викторовна, грубая и бесцеремонная женщина. Вы меня не удивили!

— А вот ты, Стасик, меня удивил. Я знала, что ты от Ларки гуляешь. Знала, но молчала. Ну, думаю, мужик погуляет и успокоится. Но теперь вижу — зря молчала. И еще вижу — не мужик ты, Стасик, а так...

— И вещи я все Ларисе оставляю, — гнул Стасик, подбираясь к бумагам. — И стенку, и телевизор. Пусть берет.

— А гараж и машина — это вам с вашей шушерой нужнее. Я правильно поняла?

— Да что вы, в самом деле? Лариса и водить-то не умеет. И потом, я всегда больше зарабатывал. Она в школе разве могла бы на машину заработать? Смешно даже.

— А мне не смешно. Я вот смотрю на тебя и думаю, а ведь она еще и родить от тебя хотела...

— Вот именно, — встрепенулся Стасик, — детей нам Бог не дал, так видно — не судьба. Я еще молодой, может быть, у меня дети будут. Нужно же им где-то жить?

— И у Ларисы будут! — подскочила Инна Викторовна. — Ты что это, мухомор конторский, на ней крест ставишь? Ты, что ли, диагноз моей племяннице поставил? Ты сам-то проверялся? Дети у него будут! Вот когда будут, тогда и разговор веди. Ларочка сейчас нездорова. И я — ее ближайшая родня. Нет у Ларки родителей, но у нее есть я! И я тебе обещаю, Стасик, ты об меня споткнешься. Не выйдет у тебя ничего!

— Ну, это мы посмотрим.

— И смотреть нечего! Я — баба прямая. Без церемоний. И скажу тебе как есть: замужем я была трижды, дай Бог моим мужьям здоровья и процветания. И ни одному еще не удалось меня обчистить, как ты сейчас Ларочку пытаешься. И племянницу я в обиду не дам. Ты будешь иметь дело со мной.

Отдайте бумаги! — Брови Стасика съехались у переносицы. Он уже понял, что «споткнулся». Наступил тот момент, когда благодушие и терпимость уступили в нем место ярости. Он не спускал глаз с сумасшедшей тетки, которая занесла руку в характерном жесте. Секунда — и бумаги, которые он собирал и которые, переступив через себя, носил жене на подпись, будут разорваны этой сумасшедшей теткой!

— Стойте! — Голос на лестнице заставил их вздрогнуть и на какие-то мгновения замешкаться. — Тетя, отдайте Станиславу документы. Я не хочу больше к этому возвращаться.

Лариса спускалась по лестнице — бесстрастная, спокойная. Спина прямая.

Инна Викторовна поразилась тому, что видела. И то, что она отвлеклась на Ларису, сыграло на руку Стасику. Он схватил свои бумаги и, ни на кого не глядя, метнулся к выходу. Инна Викторовна, опомнившись, ринулась за ним:

— Тетя, не ходите за ним, — остановила Лариса. — Я все равно подпишу все бумаги во второй раз, если вы испортите эти. Я так решила.

— Ларочка... — Инна Викторовна не могла опомниться от пережитой сцены. — Ты, моя радость, сейчас не можешь ничего решать! Какое там «решила»? Ты все еще нездорова. Мы не

можем дать ему воспользоваться твоим состоянием! Вот выздоровеешь окончательно, тогда и будешь решать. А сейчас он должен считаться... с твоим состоянием...

Инна Викторовна начала объяснять племяннице простые вещи, словно та прибыла с далекой планеты и не знала земных порядков. Что при разводе нужно считаться с нуждами обеих сторон, что она, как сторона пострадавшая, может на что-то претендовать. И прочая, прочая...

Но вскоре Инна Викторовна заметила, что ее доводы проходят мимо Ларисы, что она погружена в какие-то свои мысли. Что ее так занимает?

Нелегко, наверное, жить с дырявой памятью. Штопай ее, штопай, а она трещит по швам. А тут еще этот развод. Инна Викторовна попыталась поставить себя на место Ларисы. Конечно, по своему она права. Не по силам ей сейчас все эти суды... Но Стасик-то каков паразит!

Инна Викторовна поспешила сменить тему:

— Ларочка, звонила опять твоя коллега... Прыткова, кажется? Сказала, что преподаватель краеведения. Рвется навестить тебя. Я сказала, что ты еще пока...

— Пусть приходит. Я хочу с ней поговорить.

— Ну вот и славно. А то я думаю: пускать — не пускать?

— А этот... Петров... не звонил?

— При мне — нет, — насторожилась Инна Викторовна. — Ларочка, а тебе не тяжело его видеть? Он должен вызывать у тебя не слишком приятные воспоминания. Ты знаешь, врач сказал, что лучше исключить все, что напоминает эту катастрофу.

— Да? И что же тогда мне останется? — Лариса как-то особенно посмотрела на родственницу. — Это единственное, в чем я уверена. Это моя точка отсчета!

— Хорошо, хорошо, Ларочка! Я обязательно тебя позову, как только он позвонит.

Инна с тревогой наблюдала за племянницей. Ну что творится! Как начало валиться на человека сразу все — не остановишь! Ну почему это все случилось именно с ее детьми? Лизка угодила в Африку, Андрюшка вляпался в эту Кристину, а Лариса потеряла сразу все, включая собственную память. Ну нет! На то она и врач, чтобы помочь девочке. Она сделает все, что в ее силах.

Дверь с шумом распахнулась, и в холл влетела маленькая Юлька с истошным счастливым визгом. За ней гигантскими шагами скакал Андрей. Они орущим клубком пронеслись мимо и скрылись в гостиной. Вслед за ними вошла Оксана — раскрасневшаяся, веселая. Инна Викторовна и Лариса уставились на нее. Оксана держала зонтик, с него капало. От дождя волосы Оксаны распушились, глаза, словно умытые дождем, весело заблестели.

— А вы почему телевизор не смотрите? Наши с греками играют!

И она побежала следом за дочерью и Андреем.

Инна Викторовна еще некоторое время стояла, тупо глядя вслед Оксане. А когда опомнилась, первый порыв был пойти в гостиную вслед за детьми и найти подтверждение или опровержение внезапно посетившей ее мысли. Но ее отвлекли новые посетители. На пороге

выросла компания школьников в сопровождении экстравагантно одетой женщины. Женщина, круглая как колобок, небольшого роста, была в широкополой шляпе от солнца, красно-зеленых бриджах до колен и нелепом цветном балахоне. Наряд делал ее похожей на гриб и на соломенное чучело из «Волшебника Изумрудного города». Тем не менее дама была очень довольна собой. Компания из ярко одетых детей и экзотической учительницы напомнила Инне Викторовне балаган. У нее зарябило в глазах. Она проводила посетителей к Ларисе и отправилась ставить чай. Она возилась на кухне, делая привычные вещи: нагревала фарфоровый чайник, сыпала туда чай из разных коробочек, добавляла траву для аромата... А в голову непослушной пронырливой ящерицей лезла назойливая мысль...

Наконец чай был заварен, и Инна Викторовна с подносом отправилась в гостиную. Но ее прихода никто не заметил. Все трое были прикованы к телевизору и охали и ахали в едином порыве. Оксана сидела на диване, ближе всех к экрану, и смотрела футбол с видом заправской фанатки. Она подпрыгивала, стучала ногами, а в особо волнующие моменты хваталась за Андрюшкину руку. Тот сидел рядом в кресле. Кресло было нарочно выдвинуто из дальнего угла. На мягком подлокотнике подпрыгивала Юлька. Тоже «болела».

— Он его толкнул, я видела! Я видела, Андрюш, его сейчас удалят! — вопила она, тыча пальцем в телевизор.

— Сейчас повтор будет, увидим.

Инна Викторовна с нарастающим беспокойством наблюдала эту идиллию. Это родство душ, возникшее на почве спортивных интересов. Принесенного чая никто не заметил, но Инна Викторовна твердо решила дожидаться рекламной паузы. Как только в игру профессионалов вклинилась долгожданная реклама, она всем сунула по чашке и без промедления поинтересовалась:

— Куда ходили?

— В зоопарк! — отчеканила Юлька. — Андрюша так смешно макаку передразнивает. Андрюш, покажи!

Андрей немедленно соскочил с кресла и на манер орангутанга погнался за Юлькой. Та с визгом принялась носиться по комнате.

Оксана убежала за сахарницей.

— Андрюша, а где Кристина? Она с вами не ездила?

— Кристина в парикмахерской! — прорычал Андрюшка, поймав наконец Юльку и продолжая изображать дикого зверя.

Ах да! Сегодня же пятница... — вспомнила Инна Викторовна. По пятницам Кристина с неукоснительной точностью отправлялась в косметический салон и на целый день бывала оторвана от мира. И несмотря на ее непоследовательность во всем другом, тут она была негибаема.

— Кристина молодец. — Оксана вошла с сахарницей. — Находит время следить за собой...

«Да уж, — проворчала про себя Инна Викторовна. — Лучше бы она находила время следить за мужем. И за квартирой!»

Но вслух ничего не сказала. Тем более что продолжили трансляцию, и, как только Инна Викторовна собралась отхлебнуть чаю, все трое истошно заорали:

— Го-ол!

И стали потрясать кулаками и хватать друг друга за плечи.

«Совсем как с Лизой» — подумала вдруг Инна Викторовна. Как всегда при мысли о Лизе, на глаза навернулись слезы, и Инна Викторовна с чашкой вышла из гостиной. На кухне она немного воспряла духом. Конечно же! Андрюшке тоже не хватает сестры, их бешеных скачек по дому, их общих интересов. Вот поэтому он и тянется к Оксане с Юлькой. Оксана — баба простая, общительная. А Юлька... Юлька — ребенок.

Инна Викторовна повеселела, решила отнести чаю наверх, гостям Ларисы. Добавила в сухарницу печенья, конфет. Когда поднималась по лестнице, услышала смех из комнаты племянницы. Нет, это не смех. Это была форменная ржачка. Парни гоготали так, что стекла дрожали. Девчонки смеялись с повизгиванием, но и взрослые смеялись взахлеб. Инна Викторовна постояла у двери с подносом, пытаюсь услышать, над чем смеются. Оказалось — вспоминают школьные проделки. Лариса смеется! Хороший знак.

Она приоткрыла дверь:

— Как тут у вас весело... — и вплыла с подносом. Ржачка тактично поперхнулась и сошла на нет.

— Познакомьтесь, тетя, это мои ученики. — Лариса весело кивнула в сторону ребят.

Инна Викторовна взглянула на гостей. У каждого из них была прикреплена на одежде бирка с именем. Инна прочитала: «Лена Земчихина», «Юля Земчихина», «Саша Петров», «Дима Воскобойников».

— Петров? — прищурилась Инна Викторовна. Даже без очков она разглядела разительное сходство. — Так это твой отец вовремя подрос?

Петров кивнул, продолжая над чем-то тихо посмеиваться, переглядываться со своим другом.

— Ну и наделали дел, — расставляя чай, подытожила Инна Викторовна. — Головы бы вам поотрывать, а я вот вас чаем угощаю.

— Им родители уже поотрывали, — утешила девочка со смешной косичкой.

Девочка вертела головой, и косичка, спускавшаяся из узла на макушке, покачивалась туда-сюда.

— Мне сначала мать мозги вправила, — сообщил длинный мальчик. — А потом батя из рейса вернулся и добавил.

— А у Петрова до сих пор уши горят, — добавила косичка.

— Ничего не горят, — огрызнулся Петров.

— Папа надрал? — догадалась Инна Викторовна. — А мама добавила?

Повисло молчание. Инна Викторовна поняла, что ляпнула не то.

— У меня нет мамы. — Петров поднял на нее чистые глаза. Он больше не смеялся.

Инна Викторовна поспешно стала потчевать гостей чаем, а потом вышла из ставшей вдруг тесной комнаты и остановилась посреди лестницы. Ничего не получается! Она так старается для них для всех — для Оксаны, Андрюшки, для Ларочки! А они все равно далеки от нее, у них своя жизнь, свои интересы. Она одинока, стара и никому не нужна!

Инна Викторовна медленно спускалась по лестнице, чувствуя, что в любую минуту готова заплакать без причины. Как, должно быть, глупо она выглядит.

Инна Викторовна подошла к зеркалу в холле. Постояла. Да нет же, выглядит она ничего. Грудь торчком, фигура упругая, стрижка аккуратная, недавно подновляла. Морщины? Не больше, чем должно быть в ее возрасте.

И все-таки эти приступы хандры, эта обида на кого-то и слезы... Неужели — климакс? Боже, как не хочется стареть! Чувствовать, что жизнь вдруг принялась нестись с бешеной скоростью. А ты уже так нестись не можешь. И хочется заботы и внимания...

Из гостиной доносились дружные спортивные возгласы. Инна Викторовна заглянула в кухню. Там была Кристина. Невестка стояла перед открытым холодильником и глубокомысленно изучала его содержимое.

— Кристина? Я не слышала, как ты пришла.

— В этом доме есть что-нибудь съедобное? Кристина всегда хотела есть. Инна Викторовна диву давалась: и куда идут все эти бесконечные бутерброды, чипсы, сосиски? Тщедушная, как тринадцатилетний подросток, Кристина бывала прожорлива, как солдат.

— Подожди, погрею борщ. Салат будешь?

— Угу.

Кристина уже залезла пальцами в салат и выудила оттуда редиску. Отломил кусок хлеба и стала с хрустом поглощать содержимое салатницы.

— Ты не беременна? — поинтересовалась Инна, глядя, как гостя уплетает зелень. За двоих.

— Да вы что?! — подавилась Кристина и закашлялась. — Да типун вам на язык! А почему вы спросили? Со мной что-то не так?

— Я просто подумала, — Инна Викторовна размешивала борщ, — не пора ли вам с Андрюшкой обзавестись ребенком? Я сегодня посмотрела, как он с Юлькой прыгает...

— Вот и пусть прыгает, если не напрыгался. А я прыгать не собираюсь. Мне и так хорошо. Вы мне погорячее налейте.

Инна Викторовна поставила перед снохой тарелку борща и села напротив.

— А зачем же ты замуж выходила?

— Ну уж никак не за этим, — хохотнула Кристина.

— А тогда зачем?

Инне Викторовне и в самом деле было интересно. Домом Кристина заниматься не хотела. Готовить не любила и не умела. За мужем не смотрела. Теперь вот выяснилось — и детей она не желает.

— Ну... не знаю. Ну уж никак не из-за детей. Вон ваша Лиза привязала себя ребенком к этому Умару, а теперь, конечно, кается.

— Лиза — кается? — Инна Викторовна задала вопрос тихо, насторожилась.

Кристина вовсю орудовала ложкой.

— А как ей не каяться, если у него там вторая жена обнаружилась? То есть первая...

— Ну, мы с Лизой знали, что Умару в разводе, с кем не бывает?

Инна Викторовна говорила осторожно, словно ступала по тонкому льду. Она подкрадывалась к Кристине, словно охотник к зверю, Кристина дула в ложку и с аппетитом хрустела хрящиком.

— Да обманул он ее, козел! Она с ними в одном доме живет, там так принято. Живут все в одном большом доме: родители Умару, его сестры, братья, тетки, дядьки, первая жена, теперь — и вторая...

Кристина замолчала потому, что стало тихо. И еще она увидела остановившийся на ней взгляд свекрови.

— А что, вам разве Андрюшка ничего...

У Инны Викторовны все поплыло перед глазами. И Кристина, и кухня, и испуганные Андрюшкины глаза в дверном проеме. Все запрыгало перед ней в невероятной пляске, а потом стало размываться, как в телеэкране с помехами. А в ушах нарастал гул.

## ГЛАВА 11

Она миновала тьму самого первого, низкого, свода и пошла на свет, мерцающий впереди. Там, в переходе, горели факелы. Она тихо кралась, стараясь не издавать ни звука. Однако предательские тени плясали по стенам, и Чина то и дело оглядывалась, пугаясь.

— Чужак! — позвала Чина, посылая голос в глубины пещеры. Он прокатился эхом и вернулся к ней стократно усиленным шепотом: «Чшшшу-жша-ак...»

Пещера злобно передразнивала девушку, но та была не из пугливых.

Чина постояла, пережидая злобное перешептывание эха, и, когда наступила тишина, стала ловить звуки. Где-то струилась вода. Летучая мышь разрезала крыльями воздух. Ящерица уронила камешек, вильнув хвостом. И вот наконец среди привычных звуков Чина различила особый. Она двинулась навстречу темноте. Змейкой заскользила по узкому проходу, пока новый факел не обозначил высокий свод.

— Чужак!

Она увидела его сразу, как вошла в полосу пляшущего рыжего света. Факел коптил, свет то вспыхивал, то тлел. Парень сидел в неосвещенном углу свода и во все глаза смотрел на нее. Она кинулась к нему и, опустившись на колени, поспешила развязать кожаную перетяжку,

закрывавшую рот. Чужак шумно выдохнул и стал жадно хватать воздух ртом. А Чина, не теряя времени, принялась перетирать острием ракушки кожаные ремни, стягивавшие руки.

Освободившись, Чужак схватил Чину за руки, намереваясь задать тысячу вопросов, но она приложила палец к губам. Они замерли, прислушиваясь. Только треск горящих в ночи факелов доносился до слуха Чужака.

— Мы должны успеть покинуть пещеру до того, как Сныть и Рогоз проснутся. Скорее!

Чужак двинулся за девушкой. Он был настолько высок, что в проходе ему пришлось согнуться в три погибели, чтобы не задевать свисавшие тут и там наросты. Чина — сильная и грациозная, под стать своему спутнику — пробиралась вперед. В ее движениях присутствовала отчаянная решимость. Но едва они миновали узкий проход и очутились в пляшущем свете факелов низкого свода, до них донесся шум со стороны входа. Чина и Чужак, не оговариваясь, прильнули к стене. Если бы Чина могла видеть, что творится за сводами пещеры, то в первую очередь она увидела бы огни факелов, двигающиеся неровным стадом светляков от селения. Затем она разглядела бы балахон Белой Мари, молью летящий впереди всех. И еще — сжатые губы Черного Жука. И его черные глаза, устремленные к пещере. Она не могла этого видеть, но догадаться — могла. И она поняла, что случилось.

Обнаружили ее исчезновение. И Жук повел всех к пещере, чтобы поймать беглецов. И чтобы Чина принародно сделала свой выбор. Или погибла.

Чина отступила на шаг и прижалась лопатками к груди Чужака.

— Беги, — сказал он ей в волосы. — Я отвлеку их. Там, за рекой, лежит наша земля. Ты найдешь моего отца и скажешь...

— Нет! — Чина резко повернулась к нему. — Нет.

Он взял ее за руки. Его глаза смотрели прямо в ее глаза. Как звезды смотрят ночью в реку, чтобы увидеть там себя.

— Я знаю, что ты не привыкла подчиняться, Чина. От тебя пахнет ветром, ты и сама как ветер. Но со мной тебе придется смирить свой нрав. Я мужчина. Будет так, как решу я. Я приму бой. А ты должна жить. Я так хочу.

Чина молча опустила на колени и обняла ноги Чужака. Она молчала некоторое время. А потом вскинула голову и заговорила быстро и горячо:

— Так и будет, любимый! Так и будет всегда... потом. Но сегодня, сейчас, позволь мне сделать по-моему! Я знаю, что говорю, поверь! Эти пещеры знакомы мне с детства. Здесь мы играли с Пикульником, и Прародительница приводила меня сюда не раз. Разреши, я попробую...

И, не дожидаясь ответа, она поднялась и повлекла его за собой. Они проделали тот же путь и оказались в той самой нише, где Чина нашла своего возлюбленного связанным.

— Мы в западне, Чина, — напомнил Чужак. — Бесплезно убегать. Придется драться.

— Отсюда должен быть выход, — задумчиво отозвалась Чина, погруженная в свои мысли. — И мы найдем его!

Они бежали по извилистым лабиринтам пещеры, слыша шум погони вдалеке. Он приближался.

Беглецы не останавливались ни на миг. Они миновали несколько длинных узких переходов, попадали в ниши с водой, стекающей по стенам, обходили глубокие щели-колодцы.

Шум погони, казалось, затих. Чина знаком остановила спутника. Они стояли посреди овального помещения с каменным пьедесталом посередине. Вокруг этого выступа блестела вода. Сверху лился приглушенный серебристый свет. Чужак поднял голову. Высоко в проеме между камнями зияла дыра. Прямо над дырой висела спелая прозрачная луна. Увы, добраться до отверстия не представлялось возможным. А ведь вот оно, небо. Кажется, протяни руку и... Но луна сурово и равнодушно взирала на беглецов. Чужак почувствовал, как ладонь Чины в его руке стала влажной.

— Что это? — кивнул он на каменный выступ.

— Здесь святилище нашего племени. Как войти сюда, знают лишь посвященные.

Чужак оглянулся. Он чувствовал, что преследователи вот-вот появятся в конце длинного коридора, зловеще мерцая факелами. Чина шагнула на выступ. Она всего раз видела, как это делает Прародительница. Девушка вознесла руки к небу, зашептала что-то, обращаясь к луне. И в ту же секунду Чужак услышал, что ожидал — крики из длинной кишки темного коридора. Он подошел к Чине и обнял ее за плечи. Она стояла к нему спиной, сосредоточенно глядя на камень, испещренный рисунками. Наконец она протянула руки к камню. Примерилась и положила ладони на его поверхность.

Шум из глубины усиливался. Уже видны были рваные отблески факелов.

И — о чудо! — камень стал медленно, со скрипом, поворачиваться, образуя щель в стене. Не медля, Чина юркнула в проем и потянула за собой Чужака. Едва они покинули выступ, толпа с факелами вырвалась и затопила собой Свод луны — так называли в племени Желтого Цветка это овальное помещение. Но было уже поздно. Преследователи увидели лишь, как каменная дверь со скрипом вернулась на место. Черный Жук метнулся к ней и стал колотить кулаками безмолвный камень. Потом он обернулся к сородичам и поочередно посмотрел каждому в глаза. Племя молчало. Никто не знал тайну двери святилища. Ее знала только мать-Прародительница. Но она в погоне не участвовала.

— Можно считать, что они погибли, — прервала молчание Белая Марь. — Никто не знает иного выхода из святилища. Оттуда еще никто не выходил живым.

\* \* \*

— Неужели ты ничего-ничего не помнишь? Оксана недоверчиво смотрела подруге в лицо. Лариса практически не изменилась внешне. Все те же волосы, строго забранные в пучок, тот же понимающий взгляд, родинка на правой щеке. Когда они вот так вот сидели друг напротив друга и разговаривали, Оксана терялась.

Иногда ей казалось, что Лариса притворяется из каких-то там своих соображений.

Сегодня они остались вдвоем в комнате Лизы. Весь дом спал. Точнее, спали Инна Викторовна и Юлька. А подруги пытались поговорить по душам. Оксане было необходимо с кем-то разговаривать. С той минуты как она ушла от Игоря, она не находила покоя. Но Ларисе приходилось все рассказывать по новой. А рассказывая свою историю с позиции сегодняшнего дня, Оксана находила... Она находила себя полной дурой.

— Кому, кроме меня, ты рассказывала эту историю? — поинтересовалась Лариса.

— Нинке рассказала. И Светке. Ты их помнишь?

— А зачем?

— Что — зачем? Зачем рассказала? А я знаю?

— Нет, я не об этом. А зачем ты теперь выясняешь, ищешь виновного? Что от этого изменится?

Оксана вытаращила глаза:

— Как — что изменится? Я должна знать. Я свою тайну доверила, а мне жизнь сломали.

— Теперь и ты чью-то сломаешь?

— Ну и что? Мне терять нечего! Хоть будет удовлетворение, что не зря все. Мне сломали, и я сломаю.

— А если она уже сломана?

Лариса улыбнулась, Оксана осталась сидеть с открытым ртом.

— Так это ты?!

— Думаю, что нет. Определенно сказать не могу, но думаю, что чужую тайну сохранить сумела бы. Ну а если?.. Ну если это я? Ну что ты станешь делать?

Оксана молчала, озадаченная.

— Нет, Ларис, это не ты. Ты не могла. У тебя проблема с зачатием, как и у меня, и ты бы не стала... Ты бы такой откровенностью себя подставила прежде всего. А вот Нинка...

— Да оставь ты их в покое, Оксан. Этим дело не исправишь. Тут нужно подумать, как наладить отношения с Игорем. Ведь вы любите друг друга. И у вас ребенок...

— Как наладить? Они были налажены. Иногда кажется — ну все отлично, ну лучше же просто и быть не может! А вдруг просыпается в нем зверь, и я его боюсь.

Дверь распахнулась, и они увидели Инну Викторовну. От нее пахло лекарством. Коричневые круги под глазами говорили сами за себя.

— Девочки, вы звонка не слышали? Мне показалось, был звонок...

Оксана и Лариса дружно покачали головами. С того случая, когда Инна Викторовна узнала о Лизинем положении второй жены, у женщины не было покоя. Она сама на себя стала непохожа.

— А вы чего не спите? — Инна Викторовна опустила в кресло. Здесь она частенько просиживала вечерами, болтая с Лизой.

— Да вот, — сказала Оксана. Девушки переглянулись. — Лариса советует мне все честно рассказать мужу.

— Благородно, — усмехнулась Инна Викторовна. — Но неумно. Чего ты этим добьешься? Если он от одного предположения в ярость приходит, то что с ним станет, когда он точно будет

знать, что его надули самым циничным образом?

— Но что же ей делать, тетя? — возразила Лариса. — Ведь не может все так продолжаться? Они должны к чему-то прийти?

— Ты, Оксана, должна стоять на своем. Все — клевета, зависть. Ты ему верна и всегда была верна. Его обманули. Юлька — его дочь. И только его, никаких вариантов! Стой на своем и будь уверена в себе.

— А если он потребует сдать анализ на отцовство?

— Стой на том, что не хочешь травмировать ребенка. Говори, что недоверие унижает и тебя, и Юльку. Он должен верить тебе на слово. Ты должна быть танком, а не размазней!

Оксана и Лариса снова переглянулись. Инна Викторовна умудрялась воспрянуть духом, только решая чужие проблемы. Если сон до этого и витал где-то поблизости, то теперь улетучился совсем.

— Да, пока не забыла... — Инна Викторовна остановила свой взгляд на Ларисе. — Я сегодня разговаривала с твоим врачом, детка. Меня заинтересовал его эксперимент со снами. Я просмотрела твои записи. Неужели ты все это увидела во сне?

Лариса пожала плечами.

— Дело в том, что сны обычно отрывочны, а в твоих — система. Они выстраиваются в историю с продолжением. Я думаю, здесь больше твоя фантазия. А? Признайся, ты сочиняешь красивую историю для доктора Иванова, а сны, возможно, видишь другие? Или не запоминаешь? А? — Инна Викторовна смотрела на Ларису так, словно при желании могла проникнуть внутрь. Лариса улыбалась. — Пойми, Ларочка, на самом деле это очень важно. Ты должна постараться.

— Тетя, вы разговариваете со мной так, будто я пятилетний ребенок. Я все понимаю. И это самый странный сон из всех, которые я помню. А может, это и не сон.

— Я где-то читала, — вмешалась в разговор Оксана, — что есть места, где то, что было, записывается в пространстве, как на пленке. И при определенных обстоятельствах можно увидеть то, что было тысячи лет назад.

— Ты хочешь сказать, что Лариса видела настоящую историю и...

— А почему бы нет? — Оксана упрямо тряхнула волосами. Она была рада, что ушли от темы их с Игорем взаимоотношений. — История племени записана в пещере, сохранилась в этом таинственном пространстве, где все осталось нетронутым... И Лариса нечаянно «подглядела» кусочек.

— Глупости, — оборвала Оксану Инна Викторовна. — Начиталась модных сказок. Я врач и хочу вернуть племянницу к нормальной жизни. И вижу, как она превращается в затворницу. В синий чулок. Того и гляди обложится книгами и засядет писать научный трактат. Только и слышу: тотемы, петроглифы... Кстати, что это у тебя?

Лариса сняла с шеи камень на шнурке и протянула тетке. Та взяла его и стала рассматривать. Оксана тоже повертела камень в руках.

— Трезубец какой-то. Лариска, сними и выкинь. Может, это магический знак?

— Да нет же! Это цветок! Скорее всего цветок. Его изображение попадает на обломках утвари, на стенах.

— Тот самый желтый цветок? — подскочила Оксана. — Я же говорила! Выходит, племя действительно существовало. И это было племя Желтого Цветка!

Совсем свихнулись девки, — подытожила Инна Викторовна. — Во-первых, не факт, что это цветок. На цветок и не похоже. А потом где доказательство, что это было материнское племя? У нас тут разве такие водились? А где тогда славные традиции? Если бы в наших краях когда-то существовал матриархат, у нас бы в генах это осталось! Мы бы этих мужиков... Они бы у нас...

— Я хочу это выяснить, — наконец подала голос Лариса.

Она сказала это тихо, но ее собеседницы обе тотчас обернулись и уставились на нее. Инна Викторовна сразу подметила блеск в глазах Ларисы. Блеск исследователя. Вот этот пункт, о котором толковал доктор Иванов. Та самая точка, на которую надо нажимать в Ларисином лечении.

В Инне Викторовне мгновенно проснулся врач.

— Правильно! — одобрила она и забралась в кресло с ногами. — Я поручу Андрюшке откопать в своем компьютере справочник по лекарственным растениям.

— Я хочу съездить в университет к профессору. Покажу ему черепки, которые Прыткова нашла. И свой талисман.

— Конечно! — подхватила Инна Викторовна, сверкая глазами, и тут же спросила Ларису в лоб: — А своего университетского профессора ты помнишь?

— У меня остались лекции, фотографии. Я все перечитала.

Оксана переводила взгляд с одной на другую. Что это с ними? Ну, Лариска — понятно: в ней проснулся историк. А Инна Викторовна? То она опекает Лариску без меры, всего боится; то — здрасьте! — толкает ее все к тем же пещерам. Ничего не поймешь. Однако, поддержав племянницу хотя бы на словах, тетка добилась странного разворота: Лариса, бродившая до этого как во сне, вдруг ожила, раскраснелась, и в ее глаза будто подбавили блеска, как масла в огонь.

И вот посреди ночи, среди этих душевных разговоров, как гром среди ясного неба раздался телефонный звонок.

Телефон стоял здесь же. на Лизином письменном столе, и беззастенчиво выводил длинную трель.

— Стойте! — остановила Инна Викторовна своих собеседниц, которые обе протянули к аппарату руки. — Это международный. Брать только на третьем звонке!

И действительно, последовало еще два звонка. На третьем Инна Викторовна вцепилась в трубку дрожащей рукой.

— Лиза?! Дочка, как ты? Нет, не спим. Нет, хорошо, что позвонила! Я тоже не привыкну, что у вас другое время. Я вообще никогда не привыкну, что ты так далеко... Как ты, лапушка? Как мой внук? Толкается... Жарко ему там у вас... Ну а ты как? Ага, ага... Да я ничего... Я вся в

работе, как всегда... Девчонки не дают скучать. Лариса?.. Инна Викторовна обернулась к племяннице. — Лариса лучше... Много лучше. Уже занялась научной работой. Лизонька, детка, а твой муж сейчас... где? Дома? Дай-ка мне его, я хочу с ним поздороваться...

Тон Инны Викторовны стал настолько масляным, густым, что и Ларисе, и Оксане стало немножко жаль далекого Умару. Они уже догадались, что предстоял за разговор, и обе, не сговариваясь, поднялись с Лизиной кровати и вышли из комнаты.

— Умару? Здравствуй, зять. Твоими молитвами, дорогой, твоими молитвами. — Тон— Инны Викторовны мгновенно сменился. Из тягучего превратился в стальной. — Ты меня разочаровал, зятек. Я на тебя в обиде. Как за что? Это что за женщина с вами живет? Ага, ага... Это ваши дела. Может, у вас в Африке так и принято. Неудивительно. Но у нас так не принято! Лиза не так воспитана, ты это понял?! Ты увез девочку к черту на кулички... Ничего, этого тебе не понять. Это русский фольклор. И ты же обещал мне, что сделаешь ее счастливой! И вместо этого там моя крошка слезы проливает?

Инна Викторовна пошла красными пятнами. Сама это почувствовала, стала гладить себе шею, пытаясь разогнать проклятые пятна. Еще не хватало нагнать себе давление и грохнуть, как прошлый раз, когда Кристина поведала ей о Лизином звонке. Нет, надо держать себя в руках. Она взяла холодную фарфоровую вазу и приложила ее к щеке И заговорила размеренно и твердо. Как она обычно разговаривала со своими подчиненными.

— Значит, так. Ты там как хочешь, но сделай, пожалуйста, так, дорогой, чтобы этой женщины в вашем доме не было. Да как угодно, этого я не знаю. Иначе я Лизу заберу Ты меня знаешь. Займи денег и купи этой женщине дом. Значит, хижину. Это твои проблемы. Я тебе обещаю: если в ближайшие дни ты этим не займешься, Лизу я заберу. Да плевать мне на ваши законы! — Последнюю фразу Инна Викторовна проорала и бросила трубку. А потом сразу поняла: с Лизой не попрощалась. И от обиды и бессилия заплакала. Но плакать долго и всласть себе не дала. Десятым чувством просекла: Умару испугался. Он всегда ее немного побаивался, и сегодня она его не на шутку напрягла.

Эта мысль немного утешила Инну Викторовну. Она отправилась на кухню, напилась валокордину и уснула в гостиной на диване, забыв выключить свет.

## ГЛАВА 12

Оксана любила свой магазин. Вернее, это, конечно, был не ее магазин, она работала на хозяйина, как и все продавцы. Но работать здесь ей нравилось.

Поначалу, когда пришлось уйти с завода по сокращению, боялась идти в торговлю — товар, деньги, ответственность. А потом втянулась. Она любила общаться с покупателями, советовать. Сама давно мечтала о большой квартире, поэтому разбиралась в деталях интерьера и стройматериалах. Сегодня покупателей было полно, да и неудивительно: лето — сезон отпусков, сезон ремонтов.

Оксана обслуживала пожилую пару. Супруги выбирали линолеум на кухню. Судя по всему, пенсионерам хотелось пообщаться, и они подробно рассказывали, какой линолеум лежит у их соседей и какое покрытие у детей. Оксана терпеливо их выслушала и развернула образцы.

— Вот достаточно недорогой, но утепленный, — объяснила она. — Рисунок легко подбирается на стыках. Можно так повернуть, а можно — так.

— А если зеленый? — засомневалась дама. — У нас на кухне занавески зеленые.

— А гарнитур — белый, — напомнил ей муж.

— Гарнитур — белый, — согласилась дама.

Оксана принялась расписывать достоинства линолеума и осеклась: в магазин вошел Игорь. Оксана сразу его увидела, хотя народу у самого входа толпилось предостаточно. Игорь был не один. Он был вдвоем с женщиной. Женщина возраста Оксаны была недурна собой. Оксане даже показалось, что она где-то видела ее раньше. Да и неудивительно — город-то маленький.

Горячая стрела ревности пронзила Оксану. Она даже не осознала вначале, что чувствует. В груди зажгло. Стало больно дышать.

Женщина держала Игоря под руку! Она показывала ему образцы кафельной плитки. А он улыбался, заглядывал своей спутнице в глаза!

— Девушка, разверните нам другой рулон. На этом — царапина.

Но Оксана оглохла. Она не слышала, что втолковывает ей покупательница, не слышала никаких звуков магазина. Ее муж пришел с другой и выбирал кафель!

Оксана не могла больше стоять на месте. Она всучила рулон пенсионеру и, ни слова не говоря, двинулась к своему прилавку.

— Наташ, обслужи покупателей, — бросила напарнице, не сводя глаз с Игоря. — У меня дело есть.

Оксана была уверена, что он незаметно следит за ней что он нарочно привел сюда любовницу. Поэтому она сначала «скрылась с глаз» — ушла на склад, а потом вынырнула прямо у них за спинами.

— Вам помочь? — громко предложила она. Они оба, разом, обернулись.

— У нас ба-альшой выбор кафеля! — в упор глядя на мужа, доложила Оксана. — Вы сделали правильный выбор, придя к нам в магазин. У нас бесплатная доставка и скидка постоянным покупателям!

Оксана напирала. Спутнице Игоря пришлось отступить к самым образцам.

— Прекрати комедию, — велел Игорь, наблюдая за женой.

— Комедию? Ты, дорогой, сказал — комедию? — Оксана была рада зацепиться за слово. — А мне показалось, комедию устроил ты, а не я. У тебя и партнерша нашлась. Ты мне привел ее на смотрины? Ну что ж, я посмотрю! — Оксана вцепилась глазами в спутницу Игоря. — Ничего особенного! — сделала она заключение. — Ничем не лучше меня! Может, вы, девушка, готовите лучше? Сомневаюсь... Или в постели вы — супер? По виду не скажешь. Меня вам не переплюнуть...

— Тогда почему Игорь от вас ушел? — пискнула женщина, пытаясь получше устроиться меж коробок с кафелем.

— Это я от него ушла! — поправила Оксана. — И он мне мстит! Мне жаль вас, женщина! У вас, наверное, ребенок имеется?

— При чем здесь ребенок? — испугалась спутница Игоря.

— Иди работай! — прошипел Игорь сбоку. Ему было видно, что весь магазин смотрит на них.

А Оксана ничего не замечала. Она стояла спиной ко всему пространству, держа в поле зрения только одну соперницу.

— Ну как же! Ведь вы, наверное, надеетесь, что новый муж будет любить вашего ребенка как родного?

— С ума сошла! — прорычал Игорь. — С работы вылетишь за скандал!

— А разве ты не этого добиваешься? — Оксана повернулась к нему. — Или ты не знал, что я в этом магазине работаю, когда привел ее сюда? Не знал?!

— Не знал, что ты такая дура!

— Ах, я — дура?! Но я к тебе на работу с любовниками не хожу!

— А надо было! — подскочил Игорь. — Надо было на работу привести!

У Оксаны гудела голова и бешено колотилось сердце. Наступал тот момент, когда мозги могли отключить контроль, передав управление эмоциям. Тогда она могла сотворить что угодно. Например, начать колотить образцы кафеля у ног ненавистной соперницы. В магазине полно бьющихся предметов. Оксана ярко представила себе, как это все будет звонко, эффектно биться. Но прежде чем мозг успел отдать команду рукам, она увидела Андрея. Он стоял за стеклом, на улице, и махал ей пластиковой папкой с бумагами. Он старался привлечь ее внимание и, наверное, с этой целью корчил смешные рожи и улыбался до ушей.

Мысли, вихрем кружащиеся в голове, зацепились за Андрея и быстро приняли иное направление. Она немедленно помахала ему в ответ и даже попыталась изобразить на лице подобие улыбки. Пока Игорь и его спутница отслеживали направление Оксаниной мимики, Андрей успел вырасти на пороге. Он держал над головой папку, показывая, что несет Оксане какую-то бумагу. Оксана была рада появлению Андрея, как никогда. Бог его послал ей в эту трудную минуту. Она это знала наверняка. Оксана почти справилась с собой, когда Андрей приблизился и собрался что-то сообщить. Она не дала ему сказать ни слова. Затараторила напористо, собрав по сусекам души крохи артистизма:

— Андрюша... Ты сегодня рано, дорогой, полчаса до закрытия... Что-то случилось? Потом расскажешь. Знакомься, дорогой, это — Игорь, мой бывший муж. Я давно хотела тебя познакомить.

Андрей захлопнул рот. Молча переводил взгляд с Оксаны на Игоря и жмушущую сзади женщину.

— Очень приятно, — вежливо кивнул Андрей, медленно въезжая в ситуацию. И даже руку протянул Игорю, на что тот демонстративно не отреагировал.

— А я вот помогаю кафель выбрать людям. Сейчас ведь модно с орнаментом. Да, Андрюш?

Оксана взяла Андрея под руку и прижалась ухом к плечу. Она удовлетворенно наблюдала: Игорь медленно, но верно покрывался красными пятнами.

— Это что еще за клоун?

Игорь не сумел справиться с враждебностью. Спутница активно дергала его за рукав, пытаясь передвинуть ближе к выходу. Он не спускал глаз с Андрея:

— Ты вообще откуда взялся, ты...

Андрей очень органично изобразил возмущение.

— Веди себя прилично! — возмутилась Оксана. — Это мой друг, я тебе русским языком объяснила! Или ты думаешь, я вечно буду тебя оплакивать? Не дожدهшься!

— Игорь, пойдём, — умоляла женщина. В Игоре словно проснулся зверь. Он вцепился взглядом в соперника. Чем бы это все закончилось, если бы в магазин не прибыл хозяин вместе с партией пластиковых панелей?

Оксану позвали к прилавку, а упиравшегося Игоря утащила его спутница. Магазин закрыли.

Андрей заметил, что Оксану трясет как от температуры. Он взял ее за руки. Они были ледяные.

— Извини, — простучала зубами Оксана. — Я не должна была тебя впрягать. Ничего не придумала лучше...

— Брось об этом. Пойдем, тебе нужно выпить. Я позвоню матери, пусть заедет за Юлькой.

— Неудобно...

— Неудобно зубами стучать в такую жару. Поняла?

Они прошли через парк и вышли к летнему кафе. Андрей заказал коньяк. Оксана послушно выпила и запила минералкой. Чего делать не следовало — она мгновенно опьянела и принялась плакать. Она плакала и вытиралась салфеткой. Размазывала тушь по лицу и объясняла Андрею, как она несчастна. Андрей молчал, подсовывал ей салфетки и подливал коньяк. Затем он вызвал такси и загрузил Оксану в машину. Там она уже не плакала, а сразу уснула, доверчиво уткнувшись в его плечо. Машина подкатила к воротам дома Инны Викторовны. Дальше Андрею пришлось нести Оксану на руках.

Инна Викторовна привезла домой Юльку и кормила ее на кухне виноградом. И когда боковым зрением увидела сына, несущего на руках Оксану, машинально выпрыгнула из кухни и спиной закрыла дверь.

Она предположила самое худшее. И побледнела так, что слилась со стеной.

— Принеси одеяло, — бросил Андрей и пронес девушку в гостиную. Уложил на диван.

Инна Викторовна кружилась рядом, пытаясь понять, в чем дело.

Наконец до нее докатился аромат коньяка, и она «созрела»:

— Да она — пьяная! Где ты ее подобрал?!

— Я ее не подобрал, мам. Мы пили вместе. Вернее, это я ее напоил, каюсь. Не думал, что она так сразу растечется.

— О Господи... — Инна Викторовна в ужасе уставилась на сына. Все ее худшие опасения подтвердились, — Ты... ты спал с ней?

— Мам! — Андрей плюхнулся в кресло. — Что-то ты стала... как-то плоско мыслить. Сразу какие-то банальности в голову лезут. На тебя это не похоже.

— Андрюша, не хитри. Я давно за тобой наблюдаю, сынок. Ты изменился. Ты с Оксаной общаешься больше, чем с Кристиной.

— Не делай из мухи слона. У тебя найдется что-нибудь перекусить?

Инна Викторовна с тревогой вглядывалась в лицо сына. Его глаза озорно блестели той легкой дозой алкоголя, когда человек еще не пьяный, но в нем уже успел поселиться кураж. Что там у него в голове? Им, молодым, так нравится ходить по краю...

— Андрюша, поклянись, что у тебя с ней ничего не было! И не будет.

Андрей смешно наморщил нос.

— Фу, мам, как нехорошо ты говоришь... Тебе не идет быть такой занудой. Ну с чего ты взяла? У Оксаны личная драма. Муж притащился к ней в магазин со своей новой дамой сердца. Довели Оксану до тряски. Тут появляюсь я и...

— Что ты там делал? Зачем пошел к Оксане в магазин? Андрей уселся поудобнее и попытался согнать с лица всякое подобие улыбки.

— Я, между прочим, тратил свое время драгоценное, рылся в Интернете в поисках этого лекарственного растения, которое изображено на черепашках.

— Нарыл?

— Нарыл. И заметь, это было непросто. Ибо черепашку разрисовывали люди древние, времен неолита. А справочники для Интернета создавали люди современные. Вроде меня. Но я все-таки нашел! И поспешил доставить информацию. Ведь родная матушка предупреждала, как это срочно необходимо.

— Но информация нужна была Ларисе! Ларисе, сынок, а не Оксане.

Андрей кивал на материны слова и улыбался:

— Я пришел сюда. Ларисы здесь не оказалось. И я пошел к Оксане, поскольку до тебя не дозвонился. Я шел отдать папку с информацией. Мой ответ тебя удовлетворил?

— Ларисы здесь нет? — опешила Инна Викторовна. — А где же она?

— Ну, ушла куда-нибудь погулять...

— Что ты такое говоришь, Андрей? Куда она пошла одна? Ей одной выходить нельзя, она заблудиться может!

Инна Викторовна вскочила и метнулась к лестнице. Она хотела убедиться, что племянницы нет дома. Андрей последовал было за ней, но из кухни выскочила Юлька и повисла на нем.

Инна Викторовна нашла сына в кухне, уплетающим холодные оладьи.

— Это мама готовила, — хвасталась Юлька. — Мама все умеет готовить: и блины, и блинчики, и оладьи. Я люблю с вареньем.

— А я — со сметаной, — добродушно шурился Андрей.

— Ее нет! — потрясая куцей бумажкой, объявила Инна Викторовна. — Она уехала!

У Инны Викторовны подкашивались ноги. В эту минуту ей казалось, что весь дом сошел с ума, оставив ее одну, здравомыслящую, со всеми проблемами наедине.

Особенно ее выводил из себя абсолютно спокойный видок Андрея. Губы сына были вымазаны сметаной.

— Что ты сидишь? — взвилась Инна Викторовна. — Ты прочитай, что она тут написала!

Андрей послушно принял из рук матери бумажку. На ней твердым Ларисиным почерком сообщалось, что она поехала в университет. По своим делам.

— Лариса — взрослая женщина, — напомнил Андрей, вытирая губы полотенцем.

— Она не в себе! — горячилась Инна Викторовна. — Ей нельзя одной уезжать так далеко! Она может заблудиться. Неужели ты не понимаешь?

Я понимаю, мать, что ты скоро доведешь себя до инсульта! Если не до инфаркта! — неожиданно резко произнес Андрей. И замолчал, потому что заметил за спиной у матери постороннего.

В холле маячил мужчина с цветами и тортом. И Андрей, и Инна Викторовна, и Юлька заинтересованно уставились на него. Инна Викторовна узнала Петрова.

— А Ларисы нет, — сообщил Андрей.

— Мужчина! Вы должны нам помочь, — мгновенно сообразила Инна Викторовна. — Вы ведь к Ларисе пришли? А она укатила в университет. Мало того, что это за сто километров от дома, так она еще и не помнит ничего и никого.

— Она уехала не предупредив? — уточнил Петров.

— Нет, я знала, что она собирается, но... У нас машина, я бы велела отвезти ее до места. Или Андрей бы отвез. А она молчком!

— Я понял, — кивнул Петров. — Я сейчас поеду и найду ее.

И прежде чем кто-либо успел отреагировать, мужчина положил торт, цветы и скрылся за дверью.

\* \* \*

Своего профессора Лариса не застала, а разговор с молодым завкафедрой не придал ей оптимизма. Она вдруг почувствовала себя ученицей, плохо подготовившейся к экзамену. Ее открытия, сделанные в пещере, оказывается, не имели научной ценности, поскольку не были подтверждены доказательствами. А историю о племени Желтого Цветка он назвал выдумкой чистой воды.

— Вам бы, девушка, романы сочинять, — усмехнулся прилизанный преподаватель, покровительственно поглядывая на гостью сквозь стекла очков. — И почему вы решили, что на украшении изображен именно цветок? Фантазии вам, конечно, не занимать, но... Если вы вздумали писать диссертацию, то вам следует не фантазировать, а зарыться в библиотеке и читать, читать...

Лариса едва сдержала себя, чтобы не хлопнуть дверью.

«Читать, читать...» Что он понимает? От бессилия у нее заломило в висках. Увы, она не могла объяснить внятно и доходчиво, что именно испытала она там, в пещере. Как объяснить то ей самой непонятное состояние, когда теряешь границы реальности и чувствуешь, как сквозь тебя проходит время? Как передать то состояние, когда чувствуешь себя участником незнакомых событий? А люди, которых не знала, возникают возле тебя как реальные лица?

Лариса остановилась посреди пустынного вестибюля. Что с ней? Что с ней такое, кто может объяснить?

Может, именно так люди сходят с ума?

Она вылетела на крыльцо университета так поспешно, будто кто-то намеревался схватить ее за руку.

Она вырвалась из молчания вестибюля в полифонию улицы и остановилась. Сердце беспокойно вздрагивало. Лариса попыталась выстроить четкий план дальнейших действий. Нужно вспомнить, на каком автобусе она должна добраться до вокзала. Она огляделась. В мозгу стучали слова завкафедрой — неприятные, окрашенные его презрительным тоном.

В душе включилась и начала нарастать паника. Это случилось не впервые, и Лариса уже знала, что сейчас произойдет: улицы, дома, переулки, вроде бы знакомые, вдруг сместятся, как через призму нагретого воздуха. Все станет как во сне. Будто бы знакомым, виденным тысячу раз, но — чужим.

Лариса открыла сумочку. Только сейчас до нее дошло, что она забыла мобильник. Она беспомощно огляделась вокруг... и увидела выходящего из машины Петрова. Почему-то кровь прилила к щекам. Тысяча эмоций всколыхнулась в душе. Они были неоднозначны и неоправданны. Одной, самой главной эмоцией, которую Лариса сумела распознать, оказался стыд. Словно Петров мог прочесть ее мысли, словно он мог знать о ней что-то такое, чего не знали другие. Лариса испугалась своих ощущений. Она попятилась и, глядя прямо на приближающегося Петрова, спиной открыла дверь университета и скрылась в «предбаннике».

Она торопливым шагом пересекла вестибюль и по лестнице наверх уже бежала, отчетливо слыша хлопок входной двери. Он увидел ее, он решил догнать! Она не могла объяснить, что гонит ее прочь от Петрова, от человека, которому она обязана жизнью. Кажется, он не желает ей ничего плохого...

Она испытывала ощущения сродни тем, что возникают во сне, когда обнаруживаешь себя недетой посреди людной улицы. И во сне, голая, она, бывало, так же убегала, боясь оглянуться.

Подгоняемая непонятной силой, Лариса пролетела через коридор и вбежала в последнюю дверь.

Она очутилась в учебной аудитории. Вдоль стены, перпендикулярно кафедре, выстроились

скелеты. Первым был скелет полубезьяны-получеловека, с огромным широколобым черепом и сутулым позвоночником. Остальные скелеты понемногу распрямляли спины. И черепная коробка облагораживалась по мере удаления от кафедры.

Скелеты почти сразу вернули Ларисе чувство реальности. Здесь, среди пособий по древней истории, Лариса почувствовала себя как дома. Более того, она вспомнила саму аудиторию и себя, сидевшую, как правило, впереди, перед самым носом преподавателя. Она выровняла дыхание, глядя на скелеты.

Дверь скрипнула, в проеме показался Петров. На нем были легкие серые брюки и точно такого же цвета рубашка. Кое-где ткань рубашки промокла от пота — он действительно бежал за ней. Какой же, наверное, идиоткой выглядит она в его глазах!

Лариса не могла придумать себе оправдания. Ей казалось, вся нелепость ее поведения торчит из нее, как лопатки неуклюжего подростка, — ничем не прикрыть.

Петров попытался разрулить ситуацию:

— А я вот... ехал мимо, увидел... Думаю, вы или не вы? Оказалось — вы.

Лариса сглотнула, но сказать ничего не смогла. Она только отметила, что обстановка университета мешает его обычному «тыканью».

— Мне только нужно заехать в деревню, навестить дочку. Вы не возражаете?

— Да, да, конечно, — наконец выдавила из себя Лариса.

— Вы закончили свои дела?

— Закончила. — Лариса с радостью хваталась за предложенные ей «соломинки».

Они вместе вышли из университета и сели в машину. Петров что-то говорил о своих детях, и Лариса в какое-то мгновение засомневалась: а заметил ли он странность ее поведения? А может, он ничего не понял? Ведь могла же она что-то забыть в аудитории и быстро, поспешно вернуться?

\* \* \*

Петров вел машину и болтал как ни в чем не бывало. Он рассказывал о Петрове-младшем. Тот на каникулах работает на восстановлении монастыря. И еще Сашка Петров увлекся историей после того случая в пещерах. Лариса тоже хотела что-нибудь сказать о Сашке, что-нибудь вспомнить из школьной жизни, но... не смогла! Память, как птица, кружилась где-то рядом, хотела проникнуть внутрь, но натыкалась на препятствие.

У Ларисы осталось только восприятие Петрова-младшего, идущее откуда-то тепло при мысли о нем. Может, он хорошо учился по ее предмету? А может, просто обаятельный мальчик?

Лариса почувствовала, что снова готова запаниковать. Она ничего не помнит! Как она будет работать? Ей придется уйти из школы. Но что она станет делать? Нет, так нельзя. Нужно взять себя в руки.

— А ваша дочка? — бодро спросила Лариса. — Она тоже учится в нашей школе?

— Нет, только в сентябре пойдет в первый класс. Да уж и скорей бы. Садик далеко от дома, нам

с сыном приходится ездить за ней через весь город.

— А ваша жена, она...

— Она умерла, — просто ответил Петров.

Лариса не знала, что сказать. К счастью, машина уже въехала на деревенскую улицу. Куры бросились врассыпную, смешно задирая лапы. Зато собака, лениво дремавшая в пыли поперек дороги, поднялась лишь после третьего гудка.

Подкатили к заросшему щетиной низкой травы дворику. На крыльцо выбежала девочка в мальчишечьих шортах и футболке. Сначала на лицо выплеснулась радость. Девочка улынулась, обнажив нехватку двух передних зубов. А потом, заметив рядом с отцом чужую, она отступила к порогу и спряталась за появившуюся бабуку. Бабуля приставила руку козырьком к бровям и уставилась на гостей. Лариса вышла из машины и поздоровалась.

— Анютка, что смотришь как неродная? — пристыдил Петров.

Девочка отцепилась от бабуки и пошла к отцу как-то боком, выставив одно плечо вперед, словно хотела этим оградить себя от посторонних. Посторонней была Лариса. Впрочем, вся неловкость первых минут знакомства быстро ушла. Бабуля усадила гостей ужинать. Выставила на стол горку блинов, деревенскую сметану. Девочка принесла с огорода огурцов и редиски. Стала намывать все это в миске, то и дело кидая любопытные взгляды на Ларису. Бабуля тоже не оставляла гостью без внимания, двигая к той варенье, сметану.

— Лариса Николаевна — Санькина учительница, — счел нужным пояснить Петров. — Встретил Ларису Николаевну в городе, оказалось, нам по дороге.

Бабуля озадаченно взглянула на Петрова. Она словно силилась расшифровать брошенное сыном.

— Ага, — наконец сказала она. — Ну и как мой внучек? Не балует?

— Что вы, — ответила Лариса. — Саша — очень хороший мальчик. Историей интересуется...

Она мельком взглянула на Петрова. У того глаза смеялись. Или это ей показалось?

— Ага, — удовлетворенно кивнула хозяйка. — А вы сами-то замужем?

Бабуля шарила глазами по столу, изображая, что ответ ее не очень-то интересует. Спросила, мол, из вежливости.

Лариса улынулась, наблюдая, как брови Петрова полезли вверх. Девочка с любопытством вслушивалась в разговор.

«Действительно, — подумала Лариса. — Интересно, замужем я все еще или уже нет? Суда еще не было, значит — замужем».

Лариса кивнула. Да, она замужем.

Петров бросил на Ларису странный взгляд. Бабуля тоже посмотрела на нее с недоверием. А потом с упреком — на Петрова. У того блин застрял в горле.

— Mam, я тебе объясняю: Лариса — учительница Саньки нашего...

— А я разве чё сказала? — резонно заметила мать. Петров шумно вздохнул и встал из-за стола. Лариса заметила: между матерью и сыном продолжается молчаливый диалог.

Девочка вылезла из-за стола следом за отцом.

— Пап, я с тобой поеду?

— В другой раз, Анют.

— Еще недельку?

Лариса услышала в голосе девочки едва сдерживаемую дрожь.

— А ты прошлый раз говорил, что...

— Анютка, не рви отца на части! — прикрикнула бабка. И сладким голосом пропела Ларисе: — А идемте я вам покажу огород...

Мать Петрова явно не хотела, чтобы Лариса вникла в проблемы семьи. Она привела Ларису на задний двор, где рядами росли свекла, капуста и далеко тянулись плети тыкв.

— А ты правда учительница или сын скрывает от меня, а? — не глядя на Ларису, спросила женщина. — Может, вы с ним все-таки...

— Правда учительница, — подтвердила Лариса.

— Жаль, — вздохнула женщина.

— Почему — жаль?

— Почему, почему? — отозвалась хозяйка, с упреком взглянув на Ларису. — Детям мать нужна. Трудно ему одному. Хоть и жена у него была... непутная... — бабуля в сердцах махнула рукой, — но и без жены нельзя. Заметался он совсем. Как приехали сюда — будто сглазил кто. И с работой не везет, и так...

Лариса почувствовала, что женщина готова заплакать. Так глубока была ее забота о сыне и внуках.

— Это временно, — попыталась успокоить Лариса. — Все обязательно наладится. И работа для него хорошая найдется. Да и внук у вас совсем взрослый, отцу помогает.

— Что правда, то правда. Каждое лето мальчишка работает. Жаловаться грех. А вы сами-то в город по делу ездили или что купить?

— По делу.

Лариса сняла амулет и протянула его женщине.

— Вот, это украшение древнего человека. Я его... при раскопках нашла. А это, я думаю, цветок. Похоже?

— Похоже, — кивнула женщина. — А у меня травник есть. Хороший травник, с картинками. Все, что в наших краях росло, там имеется.

Минуту спустя женщина уже несла из дома увесистую книгу. Лариса видела, что Петров с дочкой вышли на заднее крыльцо. Они сели рядком и тихо о чем-то толковали.

Лариса стала листать справочник в надежде наткнуться на что-то похожее. Но результат превзошел все ее ожидания. На шестидесятой странице она увидела графическое изображение, как две капли воды похожее на изображение амулета.

Лариса торопливо прочла надпись: «Венерин башмачок». Надо же! На фотографии цветок выглядел ярким, губастым. Его дутая губа в самом деле напоминала башмак и... была желтой. Ларисе захотелось прыгать и кричать, как маленькой. Открытие, сделанное только что, обрадовало ее настолько, что перекрыло дневные неприятности.

— Катерина Ивановна, — обратилась она к матери Петрова.

— Можно тетя Катя, — поправили ее.

— Теть Катя, а вы такой цветок встречали? Женщина достала из —фартука очки.

— Губастый-то? А как же, встречала. На лугу вместе с колокольчиками иной раз и встретишь. Только мало его.

Подошел Петров, заглянул Ларисе через плечо.

— Я нашла его! — с гордостью сообщила она. — Он называется венерин башмачок. Конечно, это позднее название, но это он, я уверена.

— Теперь придется специально приехать и разыскать его среди травы, — серьезно сказал Петров.

— А можно? — обрадовалась Лариса.

— Нужно, — подтвердил Петров.

Пожилая женщина и девочка долго стояли на пригорке, провожая глазами машину, за которой поднимался высокий столб пыли.

Лариса держала на коленках книгу о разнотравье. Петров молчал. Он искоса поглядывал на свою спутницу, которая, как ему казалось, была сейчас далеко отсюда.

## ГЛАВА 13

— Мы погибнем, — сказала Чина и опустилась на каменный пол.

Сколько времени они блуждали в лабиринтах подземелья, всякий раз выходя к одному и тому же месту? Вода стекала по отвесной стене и бурлила в темном каменном колодце.

Чужак опустился рядом с Чиной и провел рукой по ее волосам. Они стояли на коленях, друг напротив друга в тумане матового света, льющегося непонятно откуда. Казалось, свет идет от самой воды, из недр земли, снизу. Сейчас Чина впервые пожалела о том, что была слишком нерадивой ученицей Прародительницы и Пикульника. Они неоднократно пытались объяснить ей устройство лабиринта, но она была невнимательной... Захлопнулась каменная дверь, и они оказались в тюрьме. Кидались то в одну сторону, то в другую, обошли километры коридоров, но неизменно возвращались к одному и тому же месту. Чина устала. Она видела близко глаза

юноши, слышала его дыхание.

— Но прежде чем нас заберет смерть, я хочу, чтобы ты любил меня.

Она знала, что ее ждут самые пронзительные из всех ощущений, которые довелось ей испытать до поры цветения. Раньше она была лишь бутонем, смутно ждущим своей участи. Теперь, сливаясь в объятиях с сильным и красивым Чужаком, она чувствовала собственную безграничную слабость.

Ничто не торопило их. Они стали любить друг друга. Чина ощущала, как кожа ее загорелась от его прикосновений. Как тепло волнами разливается по всему телу. Как все ее нервы накаляются подобно наконечнику копья, опущенному в костер. Она двигалась навстречу любимому, словно ее неистовое движение было борьбой с самой смертью. Наконец взрыв наслаждения потряс их тела. Чина растворилась в равномерном шуме воды и потеряла чувство реальности.

Сколько пролежали они так на холодном полу в объятиях друг друга?

Чине приснилось племя. Она видела седую матушку-Прародительницу и масляные глаза Черного Жука. Соплеменники требовали от Прародительницы открыть секреты каменной двери. Племя жаждало крови. Белая Марь напомнила, что пора принести жертвы богам. Но Прародительница оставалась безмолвной. Многие решили, что старуха впала в безумие. Тогда Белая Марь приказала найти Пикульника...

Чина резко села на холодном полу. Сердце бешено колотилось. Она огляделась — Чужака рядом не было. Чина поднялась. Ее возлюбленный сидел на краю водопада и смотрел вниз, в глубь колодца. Она опустилась с ним рядом и тоже посмотрела туда. Там, глубоко, белой рыбиной плавал осколок света.

— Выход — там, — уверенно произнес Чужак, не отрывая взгляда от светового пятна.

Чина молчала. Она думала о своем сне. Если бы тайное беспокойство не разбудило ее, она наверняка узнала бы, где выход. Пикульник умел разговаривать с ней через сны. Ох, не зря он исчез из лагеря в тот самый момент!

Чужак обернулся и в упор посмотрел на нее:

— Мы должны прыгнуть.

Да, он прав. Другого выхода нет. Если они погибнут, то вместе, в один миг.

— Прыгай!

На какую-то долю секунды Чиной овладел страх. Но она задавила его в себе, подойдя к краю колодца. Она сделала глубокий вдох и... упала в воду. Помедлив немного, ее действия повторил Чужак. И уже мгновение спустя в своде у водопада ничто не напоминало о двух беглецах, только что балансировавших между жизнью и смертью. Где они теперь? По ту или эту сторону черты? Вода в каменном колодце перестала рябить и приняла свое обычное состояние. Где-то в глубине ровно плавало пятно молочного света...

\* \* \*

Инна Викторовна закончила дела, но домой не торопилась. У руководителя такого ранга всегда

найдется достаточно бумажной работы, способной задержать в клинике до ночи. Впрочем, до ночи она задерживаться не собиралась, но последнее время любила прийти домой на час позже Оксаны. Та оказалась домашней хлопотуньей, любительницей стряпать. А Инна Викторовна всегда считала: любишь готовить — флаг тебе в руки. Ей очень нравилось прийти домой к накрытому столу и усестся во главе его, как и положено хозяйке. И чтобы салат, салфетки и все такое...

Инна Викторовна проверила счета, просмотрела квитанции. Положила перед собой пачку больничных листов, требующих ее подписи. В эту минуту в дверь скромно поскребли. У Инны Викторовны что-то внутри дрогнуло. Хотя казалось — с чего бы это? Мало ли кому она могла понадобиться? Но что-то ее дернуло изнутри. Сменив голос с рабочего на домашний, она пропела:

— Войдите...

Не ошиблась. На пороге стоял Верховцев. В руках держал букет белых астр и пакет. Сквозь целлофан просматривались коробка конфет и коньяк.

Она даже примерно знала, что именно он скажет. Немало их, несчастных или счастливых, прошло через ее кабинет. Но сегодня она угадала по характеру стука, что это Верховцев, и почему-то ее заинтересовал его визит. Внутренне Инна Викторовна строго одернула себя: ничего особенного, обычный визит вежливости.

Поднялась навстречу Верховцеву, сдержанно улыбнулась:

— Ну что вы, Владимир... Ну зачем это? Ну хорошо, конфеты я возьму. А коньяк оставьте себе. У меня некому его пить.

— Ваш муж не пьет? — удивился Верховцев. Инна Викторовна ждала этого вопроса.

— К сожалению, в настоящее время я одна, — вздохнула она. Но не стала уточнять, что имела тройной опыт супружеской жизни. А также богатый опыт просто близких отношений. Она не лукавила — сейчас, как никогда, она чувствовала себя одинокой.

— Тогда давайте выпьем вместе, — предложил Верховцев.

— Здесь? — вырвалось у Инны Викторовны. Пить с мужем умирающей пациентки у себя в кабинете Инна Викторовна считала кощунством. Но посидеть в кафе и утешить симпатичного мужчину беседой нашла для себя приемлемым.

Они отправились в небольшое кафе-бар, где Верховцев поблагодарил ее за внимание, оказанное его жене.

Инна Викторовна внутренне съежилась. Она не могла заглянуть в чужую душу и узнать — что там. Но ведь Верховцев — взрослый человек, опытный политработник. Он должен осознавать состояние своей жены. Или он... слеп?

Инна Викторовна осторожно присматривалась к нему.

— Я, конечно, понимаю, что Люся... Что надежды никакой... Но я все равно благодарен вам. Вы — врач от Бога, Инна Викторовна.

— Ну что вы... — Инна Викторовна вздохнула. Слава Богу, не придется ничего объяснять. Сам

все понимает. Сказала: — Мы не боги, иначе мы бы всех подняли на ноги. В некоторых случаях мы бессильны.

— Да. Я понимаю. В нашем случае медицина оказалась бессильна.

Верховцев залпом выпил коньяк. Его беспокойные движения, застывший взгляд, дрожь подбородка — все говорило о том, что он на грани слез. Инна Викторовна знала, что мужчины в таких случаях оказываются слабее женщин. Они часто опускаются, оставшись в одиночестве. Перестают следить за собой, впадают в депрессию, начинают пить. Жаль, однако, если такой видный мужик, как Верховцев, пойдет той же дорогой. И ведь есть почти у каждого в душе такой уголок, такой пунктик, за что можно уцепиться и устоять! Искать этот пунктик нужно не во внешних обстоятельствах. Не в смене обстановки, не в новых знакомствах. Этот уголок, пунктик должен быть в нем, Владимире Верховцеве. И найти его, не дать покатиться по наклонной, было очень интересно Инне Викторовне... не как врачу, нет. На этот раз — как женщине. И она стала осторожно, шаг за шагом, нащупывать этот уголок. Она задавала вопросы на разные темы и выяснила, что к искусствам Верховцев по большому счету равнодушен, рыбалкой не страдает. Лыжи, на которых он любит пробежаться зимой, сейчас, в летнюю жару, не актуальны. Насчет друзей-гостей-шашлыков он не активен, по гостям его водила жена... А вот книги — пожалуй...

— Интересно, — остановила его Инна Викторовна, — дайте-ка попробую угадать. Наверняка вы прочли всего Пикуля, не говоря уже о Дюма...

— Драйзера, Флобера, Ремарка, — ожил Верховцев.

— Не так давно вы наверняка перечитали Гарсиа Маркеса...

— Угадали! — как ребенок, обрадовался Верховцев. — Очень название понравилось. Совсем как обо мне — «Полковнику никто не пишет».

— Философией балуетесь? — хитро улыбнулась Инна Викторовна. Она видела — нашла! Задела! Вот он, пунктик!

— Бывает, — охотно согласился Верховцев. — Как раз сейчас мусолю Монтеня. Даже не верится, что написано в шестнадцатом веке. Как будто сегодня. Ничего не изменилось. Те же вопросы: трусость и мужество, воспитание детей, богатство и бедность, любовь и ненависть...

— Жизнь и смерть, — подытожила Инна Викторовна.

— Да! — горячо поддержал ее Верховцев и тут же остыл: — Надо же... Вы знаете меня так мало, а сумели заглянуть в самое нутро. Вот что значит — врач...

Инна Викторовна поморщилась. Здрасьте, новый год! Она тут перед ним расстилается, а он: «Врач!» Она вздохнула и взяла в руки яблоко. Задумчиво покрутила в руках.

— Знаете, Владимир... На самом деле так редко встретишь человека, с которым можно вести беседу такого плана, как мы с вами. Сразу чувствуешь родственную душу.

— Вот именно! — обрадовался Верховцев.

Инна Викторовна заметила, что полковник пьянеет. Нужно было как-то закругляться, не испортив приятного впечатления от беседы.

— Кстати, у меня дома богатая библиотека, — бросила она как бы вскользь.

— У меня — тоже библиотека! — похвастался Верховцев.

— Есть несколько редких книг японских философов... Вы можете как-нибудь прийти и порыться. Авось откопаете что-нибудь интересненькое...

Инна Викторовна тут же поняла, что сморозила глупость. Но было уже поздно. Верховцев усталился на нее, соображая. Что ж, она настолько поддалась действию коньяка, что вышла за рамки. Фактически пригласила мужика домой!

Он смотрел на нее и переваривал предложение. Инну Викторовну выручил телефон. Он запел в сумке. Она с готовностью углубилась в ее недра, стала рыться, вытянула телефон за ажурный шнурок и приложила к уху.

Звонил Андрюшка. По первым же звукам родного голоса она просекла: что-то стряслось. Хотя Андрюшка утверждал прямо противоположное:

— У нас все в порядке, мам. Ждем тебя к ужину.

— Что-то с Ларисой?! — прощупывала она.

— Ну с чего ты взяла, мама? Уж и позвонить тебе нельзя. Просто все проголодались, а Оксанка без тебя стол накрывать не разрешает.

— Накрывайте. Я разрешаю... — недоверчиво отозвалась Инна Викторовна.

— Ну нет, мать, так не честно. Мы все здесь. Даже Кристина.

В глубине, где-то за голосом Андрея, возник девичий, почти детский, — снохи.

— Андрей! Ведь сегодня пятница... — чуть не задохнулась Инна Викторовна. — Кристина не пошла к массажистке?!

Инна Викторовна подскочила. Она почти забыла про Верховцева. Если сноха отменила пятничный поход в салон, то это уж точно — что-то стряслось. И они все собрались! И нет только ее! И они не знают, как сказать ей по телефону, и ходят кругами... Сердце подлетело вверх и стало глухо стучаться в грудь изнутри.

— Лиза? Что с Лизой?

— Мам! Ну я же сказал: не волнуйся! Лиза прилетела. И сейчас стоит рядом со мной.

\* \* \*

Когда она очутилась дома и минули первые сумасшедшие минуты и даже часы встречи с дочерью, Инна Викторовна попыталась навести порядок в мозгах и в душе. Во-первых, Лиза ей не понравилась. В том смысле что выглядела она, на взгляд Инны Викторовны, вконец замученной, не холеной.

Какая-то часть Инны Викторовны понимала, что беременная женщина, выдержавшая столь долгий перелет, вряд ли может выглядеть на пять с плюсом. Но главная, большая часть Инны Викторовны напрочь отказывалась прислушиваться к доводам рассудка. У Лизы не все в порядке в семье. Ей плохо в этой Африке, и она чудом сумела сбежать оттуда, сохранив

ребенка. Нужно ли уточнять, что этой ночью Инне Викторовне так и не удалось уснуть? Лиза ничего толком не объяснила, и ей оставалось только догадываться. А чего тут догадываться? И так все ясно: девочка не выдержала порядков этого гарема. Не так воспитана!

Утром она не поехала в клинику, а встала пораньше, чтобы приготовить любимые Лизой сырники. Давно она с такой любовью не готовила завтрак. Она собиралась отнести поднос в Лизину комнату, но та сама спустилась. На запах.

— Мамочка, неужели мои любимые?

Инна Викторовна оглядывала дочь со странной смесью любви и удивления. Странно было видеть Лизу с большим животом, отекающую. Видеть дочь не девушкой, как при расставании, а беременной женщиной.

И будущий ребенок, который уже скоро появится, вызывал у Инны Викторовны не особую нежность, а только досаду.

Досаду вызывало все, касающееся Лизиного замужества. Встречая знакомых, Инна Викторовна не могла, как другие матери, с чувством удовлетворения говорить о замужестве дочери. Приходилось объяснять, что дочь вышла за врача и уехала за границу. Инна Викторовна старательно избегала таких разговоров. Потому что догадывалась: все всё знают и жалеют ее.

— Как же ты решилась, Лизок, летом в самолете? Или уж невоготу стало? — Инна Викторовна с удовлетворением смотрела, как дочь уминает вымазанные сметаной сырники.

— Так соскучилась, мам... Не могла больше. Да и потом, ты же знаешь, я сильная. Спортом занималась всегда.

— Сильная, — усмехнулась мать. — Кристина проболталась, что ты Андрюшке звонила. Была бы сильная — выставила бы соперницу из дома в два счета.

— И выставлю! — с готовностью отозвалась Лиза. — Ты думаешь, я молчу? Все равно будет по моему. Они это уже поняли.

«Молодец, Лизка!» — мысленно похвалила Инна Викторовна. Она почувствовала в дочери свое. Все-таки Лиза больше в нее. Это Андрюшка больше в отца. Такой же мягкотелый. А Лиза не пропадет даже в Африке.

— А может... совсем останешься? А? — вдруг не сдержалась мать. Сейчас, когда дочь сидела перед ней и уплетала сырники, верилось, что все возможно. Что не все потеряно. И они могут быть вместе, как раньше... — Комната твоя без изменений. Вырастим мы твоего негретенка! Не проблема. Парня тоже здесь найдем, нашего. А, Лизок?

— Мам, у тебя горит.

Поднялась, утерла губы салфеткой. Как и не слышала. «Спасибо, мамуль». И — в гостиную.

А мать осталась одна на кухне со сковородкой в руке. Ну, все ясно. Вопрос не обсуждается. Чем он ее так держит, этот Умару?

Но что-то скребется в душе, помимо мыслей о дочери. Что? Верховцев!

Сразу вспомнила, как жеманничала с Верховцевым и даже пригласила его домой. Докатилась!

Остается только надеяться, что он был слегка навеселе и внимания не обратил на ее оплошность. Что это с ней? Неужели — климакс?

Инна нашла дочь в гостиной. Та стояла перед новой рамкой и читала памятку о венеринном башмачке. Текст о растении набрал на компьютере Андрей, Оксана купила рамочку. Всех чем-то привлекла история амулета.

— Что это? — Лиза непонимающе уставилась на мать.

— Это растение. Ему поклонялось племя времен матриархата. Нет, ты почитай повнимательней. Это Ларочка увлеклась. Слава Богу, эта история с племенем помогает ей пережить развод. Держится она молодцом.

«Цветок необыкновенно красив. Маслитый пурпуровый цветок покажется сказочно замысловатым. Желтая двухлопастная губа вздутая, с узким устьем, по форме напоминает игрушечную туфельку. Отсюда и название. В наших лесах встречаются четыре вида венерина башмачка. Дух соперничества неугасим в зеленом царстве. В ход пущено все: и выживаемость, и привлекательность, и даже коварство. Вот, к примеру, венерин башмачок. Чтобы выжить, он наделен едким соком. И животные давно проведали: несъедобен. Не обладай он этим свойством, башмачку вряд ли удалось бы уцелеть под давлением тысячелетних невзгод. Ведь его жизнеспособность мала. Подумать только — зацветает лишь на восемнадцатом году! Единственная защита — относительная ядовитость, спасавшая растения этого рода от скусывания четвероногими...»

— Язычество какое-то, — пожала плечами Лиза.

— Неужели ты не поняла? — возразила мать. — Женское племя боготворило цветок, училось у него выживанию! Ведь цветок явно олицетворяет собой женщину.

— С чего ты взяла?

— Зацветает на восемнадцатом году. Так? И в ход пускает все, чтобы выжить: красоту, яд, коварство. Ну не гениально ли?

— Потрясающе. — Лиза опустила на диван. — Но неужели такое племя действительно когда-то существовало в наших краях? Возможно ли это?

— Не знаю, как во времена матриархата, а сегодня — точно! — Это Андрей возник на пороге гостиной, сияя очками. — Лизка! Они тут без тебя организовали чистейший матриархат! Ты только подумай: живут в доме одни женщины, мужиков на порог не пускают.

— А ты?

— Я не в счет. Я у них родня по материнской линии. А мать у них — жрица. Или как там Лариса придумала?

— Прародительница, — подсказала Инна Викторовна.

— Во-во. Теперь и тебя, Лизка, в свой совет запишут.

— А я разве против? — ответила Лиза. Блеск глаз выдал тайную, ненароком мелькнувшую мысль. — Я с удовольствием буду дочерью Прародительницы и ее преемницей.

— Ну да. Ведь место хранительницы очага занято! — весело вклинилась Оксана. В глазах светился кураж.

Инна Викторовна не первый раз уловила в глазах Оксаны этот кураж, едва рядом появлялся Андрей. Но сегодня она безжалостно отогнала от себя все плохие предположения. Лишь бы Лизе было весело. А ей было весело! Она уже сорвала с себя покрывало и завернулась в него на манер индианки.

— Это моя шкура! — объявила она.

Оксана включила музыку. Андрей уселся посреди гостиной, изображая впавшего в транс шамана.

Лариса спустилась на шум вместе с Юлей.

Лиза всучила им швабру: будете охотниками!

Инну Викторовну усадили на пьедестал и дали в руки горшок с фиалкой. Она, смеясь, наблюдала, как бесятся дети. Как девчонки скачут вокруг застывшего изваянием Андрея. Юлька визжит от восторга.

— О, шаман! Попроси у богов для меня хорошего мужа! — обратилась к нему Оксана, опустившись на колени.

— Боги, дайте ей, что просит! — смиренно вторил «шаман». Присутствующие подыгрывали. Второй к шаману обратилась Юлька:

— Шаман Шаманыч! Сделай так, чтобы у меня были кошечка и собачечка!

Андрей закатил глаза и воздел руки к небу.

— Шаман! Попроси богов, чтобы не было так жарко, — встряла Лиза.

— Весело у вас, — вклинулся во всеобщее веселье чужой мужской голос.

Все, как по команде, обернулись. В проеме дверей стоял муж Оксаны, Игорь, и недобрым взглядом взирал на присутствующих.

## ГЛАВА 14

Доктор Кузин положил перед Инной Викторовной результаты анализов и отошел к окну. Пусть сама убедится, если не верит.

Инна Викторовна нацепила очки, затем нервно сбросила их, нашла другие, приблизила бумажки чуть ли не к самому носу.

— Неужели это правда, Коля? Она ведь десять лет забеременеть не могла! А теперь, именно теперь, когда разводится с мужем...

— Именно так обычно и бывает, — удовлетворение, подытожил Кузин.

— Слушай, а это ее состояние... не повредит, а? Может, ее положить на сохранение?

Впервые доктор Кузин видел начальницу такой растерянной и уязвимой.

— Да ладно вам, Инна Викторовна, — уверенно прервал он ее лепет. — Анализы в норме. Все у нее в порядке. Сейчас главное — душевное состояние. Согласитесь, больница — не лучшее место. Даже такая, как у нас.

— Да, Коля, ты прав. — Инна Викторовна поднялась и побросала в сумку ключи и мобильник. — Я — домой. Кстати, Лизу к тебе пришлю. Хочу, чтобы она прошла у нас полное обследование.

Инна Викторовна быстро шла по коридору. Внутри зыбко трепетала новость, которую пока знала она одна. Даже сама Лариса ни о чем не догадывалась.

В конце коридора у окна стоял Верховцев. Инна Викторовна увидела его и сразу почувствовала, как покалывает щеки. Краснеет она, что ли?

Сухо и официально кивнула Верховцеву и не остановилась, торопливо спустилась по лестнице. Внизу на секунду замедлила шаг. Не идет ли он следом? Никто не спускался по лестнице вслед за ней.

Приехав домой, застала домашних в гостиной. Лиза с Ларисой ползали по полу, распрямляя на ковре куски синего брезента. Андрей крутил в руках палочки и веревочки.

— Чем вы тут занимаетесь?

Инна Викторовна внимательно оглядела детей. Как все-таки хорошо, что они все вместе! Вместе они все преодолеют. Они — семья.

— Мама! У нас потрясающая новость! — подскочила Лиза. — Ларису пригласили на раскопки!

— Куда? Кто пригласил? — Инна Викторовна уже поняла, что Андрюшка приволок откуда-то брезентовую палатку. И эти трое изучают ее устройство.

— Студенты из университета едут на раскопки к пещерам. Профессор Ларисы решил проверить ее предположения.

— Ему завкафедрой рассказал, — пояснила Лариса.

— И ты снова собралась туда одна, — подсказала Инна Викторовна.

— Не одна, — возразила Лариса. — Прыткова тоже хотела и ребята...

— Ага.

Инна Викторовна прошла и уселась в кресло, нарочно не обнаруживая ни перед кем блеска своих глаз.

— Боюсь, что экспедицию придется... отложить, дорогая моя.

Дети, все трое, уставились на нее.

— Сегодня доктор Кузин принес мне последние результаты анализов Ларисы...

— Что-то не так? — догадался Андрей.

— Очень даже так! — едва сдерживала торжество Инна Викторовна. — Лариса ждет ребенка.

Примерно минуту стояла полнейшая тишина. Затем прорезался торжествующий визг Лизы и сдержанное покашливание Андрея. Но Инна Викторовна отчаянно жаждала увидеть — что там у Ларисы в глазах, уцепить тот первый, неповторимый миг. Но Лариса спрятала взгляд в ресницах, и Инна Викторовна так ничего и не поняла.

Тут началась суета, дым коромыслом. Андрей кинулся к Ларисе с поздравлениями, со своими шуточками, Лиза полезла к сестре обниматься. Потом пришли Оксана с Юлькой, и все закрутилось по новой. Но всю эту канитель создавали окружающие. Лариса оставалась безучастной, словно замороженной. А ведь доктор Кузин возлагал большие надежды на эту новость. Он вполне оправданно надеялся, что беременность станет для Ларисы тем шоком, который сумеет встряхнуть спящую память и вернуть Ларису к прежней жизни. Похоже, зря надеялся.

Инна Викторовна вернулась в прихожую снять туфли и оттуда наблюдала, как Лариса отделилась от всеобщей суматохи и ушла к себе в комнату. Да, ей нужно прийти в себя. Пусть побудет одна. Да и ей, Инне Викторовне, есть над чем подумать. Нужно обмозговать — где и когда преподнести эту новость Стасику. Вот уж посмотрит она на него! Вот кому сюрприз. А то наложил лапу на квартиру. А теперь, извините, здесь ребенок. Придется подвинуться, дружок!

Радость приобретала новые оттенки.

Инна Викторовна освободилась от туфель и с удовольствием поместила отекавшие ноги в тапочки, предвкушая приятный вечер среди молодежи, разговоры до полуночи. Поэтому стук в стекло за ее спиной вонзился в ее размышления неожиданно и принес тревогу. Она обернулась и застыла на месте. За стеклом стоял Верховцев с самым жалким выражением в глазах и теребил в руках газету. Именно с этой газетой она застала его в коридоре. Инна Викторовна не позволила своим мыслям развиваться. Она заставила себя беззаботно улыбнуться и даже помахала Верховцеву. Распахнула дверь и сделала гостеприимный жест.

— Мне совершенно нечего читать! — выпалил Верховцев заготовленную фразу.

— Да, да, я помню, что обещала предоставить вам свою библиотеку. Просто все некогда... На работе столько дел, закрутишься... А потом — полон дом гостей... Вы уж извините меня.

— Я не вовремя, — сник Верховцев.

— Ну что вы! Ерунда!

Инна Викторовна щебетала, стараясь не смотреть Верховцеву в глаза. Она говорила не умолкая, вела его через холл, мимо гостиной, где суетилась молодежь, в библиотеку. Скорей в библиотеку!

Ровно полсекунды колебалась: представлять Верховцева детям или нет, но спустя эти полсекунды уже закрыла за собой дверь библиотеки. Она поймала себя на мысли, что действует как шпионка, что ведет себя неестественно. И для ее возраста и положения такие поступки не подходят... Но в ее глазах стояла картинка, которую она без труда нарисовала себе. Она «видела» Верховцева с того момента, когда она прошла мимо, сухо кивнув. Она «видела», как он отлепился от окна, как пошел за ней, сам не зная зачем и все же подчинившись порыву. Той импульсивной силе, толкающей одного человека к другому. Как он шел за ней следом, не смея окликнуть, сел в такси и ехал вслед за ее машиной. А потом

некоторое время ходил вокруг ее дома, нервно теребя газету. Газета выглядела довольно потрепанной. Нарисованная Инной Викторовной картинка, или, как говорят актеры, «кинолента видений», немного примирила ее саму с собой.

Усадив Верховцева на диван прямо напротив стеллажей с книгами, сама отправилась на кухню. Проходя мимо гостиной, заметила, что над палаткой теперь колдуют лишь Андрей с Оксаной. Юлька уставилась в телевизор. Лизы не видно.

Инна Викторовна спокойно и без лишних глаз соорудила им с Верховцевым ужин на скорую руку и прихватила из бара бутылку мартини. И все же она очень не хотела, чтобы кто-нибудь из детей заинтересовался, чем она сейчас занимается.

А никто и не интересовался. Каждый из обитателей дома в этот период жизни был настолько занят собой, что окружающее воспринималось постольку-поскольку. В двух этажах прекрасно устроенного особняка происходили два разговора, которые сама хозяйка, будь она в это время не так занята гостем, весьма пожелала бы услышать. И будьте уверены — вмешалась бы, и еще как!

Но... Верховцеву было одиноко, и он не без интереса взглянул на поднос, который внесла в библиотеку Инна Викторовна.

А в это время на втором этаже Лариса тщательно, сверяясь со списком, собирала рюкзак. Лиза лежала на кровати, с интересом наблюдая за действиями двоюродной сестры.

— Ты что, действительно собираешься ехать в эту экспедицию, Ларка? — наконец не выдержала Лиза, увидев, что та достала из-под кровати сундучок с инструментом археолога, который неделю назад приволок откуда-то Андрюшка.

— Разве ты в этом сомневаешься? — пожала плечами Лариса. — Меня пригласили, и мне это интересно.

— Но ты же беременная! Ты что, не хочешь ребенка?

— Хочу. Мне же не завтра рожать. Экспедиция будет длиться всего месяц. Когда еще будет такая возможность? Я хочу в ней участвовать! Я всегда хотела, но что-то мне постоянно мешало.

— Что тебе мешало? Твоя куриная любовь к Стасику.

— Почему — куриная?

— Слепая! И носилась ты с ним как курица с яйцом. Стасик то, Стасик сё. Я никогда бы не подумала, что у тебя имеются какие-то свои интересы. Особенно наподобие раскопок, древних племен и так далее. И как тебе удавалось это так скрывать? Например, наши с Андрюхой интересы всегда лежали на поверхности.

— Не знаю. По крайней мере теперь я намерена жить своими интересами. Я побываю на раскопках, я закончу рукопись, а потом рожу ребенка, и мы будем с ним жить долго и счастливо!

Она сверкнула глазами на Лизу, и та поняла, что именно так и будет. Но ведь придется еще выдержать натиск Лизиной матери, которая ни о каких экспедициях слышать не захочет.

— Ты так изменилась, — протянула Лиза, которой никогда прежде не было особо интересно общаться с двоюродной сестрой. Теперь же что-то притягивало в ней. Словно появился какой-то секрет, который Лизе было не под силу разгадать. — Раньше ты была другая. Такая домашняя, такая вся семейная... У вас с мамой только и разговоров было, чем лечить твое бесплодие. Всякие новые методы. Ты даже, помнится, собиралась к бабке съездить. Не ездила?

Лариса пожала плечами. Лиза поняла, что сморозила глупость. Лариса многого не помнит. Но что поделать, теперь она производит впечатление вполне самостоятельной личности. Кажется временами, что ей даже удобно не помнить прошлого. Закрадывается подозрение, что Ларка симулирует свою амнезию. Удобно ей так.

— А то, что было в пещере, ты хорошо помнишь? Лариса помолчала. А потом села возле рюкзака и сказала:

— Как во сне. Мне кажется, я уже наполовину умерла и на жизнь смотрела с позиций смерти.

— Как это?

— Я помню это убеждение, что если бы был выбор, то я по-другому распорядилась бы жизнью.

— Я где-то читала подобное.

— Может быть... Но это сложное состояние, боюсь, не смогу тебе передать.

— Ну расскажи, ну Ларочка, это так интересно!

— Да ну... там все смешалось... Сон, явь, галлюцинации. Я, например, видела картинки из жизни первобытного племени. Людей видела как живых. И даже эротические сны были!

— Да ну?! — Лиза покачала головой. — Ну надо же! На пороге между жизнью и смертью человек видит эротические сны? Да это открытие в медицине. Фрейд отдыхает. Расскажи!

— Да ну, я уже не помню... — Лариса вскочила и занялась своим рюкзаком.

— А мне тоже снятся эротические сны, — мечтательно зажмурив глаза, призналась Лиза. — Вот сегодня... Мне снился Умару, будто мы с ним на берегу океана...

— А я думала, беременным ничего такого не хочется.

— Как же! Не знаю, как другим, но я... Мой Умару — это что-то. При одной мысли о нем я начинаю вся дрожать и... Ой, Ларка, я так соскучилась по нему!

Лиза закусил уголок подушки и устремила взгляд в окно, словно именно там сейчас в небе летел к ней из ЮАР ее африканец Умару.

— Как же ты уехала? Как он тебя отпустил?

— Он не отпустил. У меня пока еще паспорт наш и виза гостевая. Я ему ультиматум оставила в письменном виде. Я вернусь только в том случае, если он отселит от нас свою бывшую. Он думал, я его пугаю, пусть теперь убедится, что все серьезно.

— Он звонит тебе?

— Еще бы, — усмехнулась Лиза. — Каждый день. Он ведь врач. Понимает, что такое

семичасовой перелет над океаном. Умоляет вернуться, пока не наступил срок родить. Но я непреклонна. Пусть сначала уберет от нас Адаму. Она все время на меня смотрит. Того и гляди — сглазит.

— А куда он ее уберет?

— Это его дело. Тем более что у него от нее нет детей. А у них там самое главное, чтоб дети были. Особенно сыновья.

— А ты сама-то кого больше хочешь? Девочку, мальчика?

— Мальчика. Чтоб Умару успокоился. А то придется рожать, пока не получится мальчик.

— А мне все равно. И мальчик хорошо, и девочка.

— А Стае кого хочет? То есть я имею в виду — хотел? Лариса пожала плечами и поднялась с кровати. Она явно не намеревалась развивать эту тему. Но Лиза не собиралась отступать. Она так долго была вдали от дома, что теперь хотела наверстать упущенное. Все знать, во все вникнуть. Напитаться общением с родными досыта, впрок. Чтобы потом перебирать в памяти эти разговоры, впечатления. Приехав домой, она обнаружила, что всё изменилось и все изменились. И изменились слишком, так, как она, Лиза, не ожидала. Это ее немного обижало даже.

— Слушай, Ларис... Мне кажется, что в вашем со Стасиком случае главное — ребенок. У вас не было детей, и отсюда разногласия. Но теперь... Теперь все изменилось! Вы опять можете быть вместе, нужно только кому-то сделать первый шаг. И он, я уверена, его сделает...

— Я его не люблю больше, — оборвала Лариса.

— Откуда ты знаешь? — не сдавалась Лиза. — Ведь ты не помнишь! Не помнишь ваших прежних отношений, поэтому тебе и кажется, что чувства остыли. Но ведь ты когда-то вспомнишь? А время будет упущено. Я слышала, что важны первые месяцы. Чтобы отец был рядом с ребенком. Когда он родится, когда улыбаться начнет и все такое.

— Лиза, я решу это сама.

Лиза закусила губу и некоторое время молча наблюдала за сборами сестры. Наконец не выдержала и спросила самым невинным тоном:

— А на этот раз детей хоть кто-нибудь будет сопровождать? Кроме тебя и твоей, извини, чокнутой коллеги?

— Прыткова экстравагантная, но не чокнутая. А из родителей будет Петров. Он устроился в группу работать.

— А-а... — хитро прищурился глаза, протянула Лиза. — Тогда все ясно...

— Что тебе ясно?

— То, что у тебя с Петровым роман! Ага! Ты краснеешь! Угадала! Угадала!

— Лизавета! Ты в Африке у обезьян научилась кривляться? — строго, как на уроке, нахмурилась Лариса.

- Любовь в экстремальных условиях! — потешалась сестра. — Пещерный роман!
- Какое богатое воображение, — отбивалась другая. — Больше ничего не придумала?
- А может, вы там, в пещере, зря время не теряли? Пока спасатели вас с другой стороны откапывали?
- Лизка! Получишь!

Лариса размахнулась и заехала сестре подушкой. Та увернулась, бросила подушку в обратном направлении.

Дверь комнаты приоткрылась, и в щель заглянула любопытная мордашка Юльки.

- А вы чё, подушками кидаетесь? А можно, я с вами?
- А твоя мама ругаться не станет? — Лиза щелкнула ребенка по носу.
- Маме некогда. Они с дядей Андрюшей целуются.
- Что?! — хором отозвались женщины и уставились на Юльку. Как хорошо, что в комнате не оказалось хозяйки дома! Обе вспомнили о ней.

Инна Викторовна многое пропустила, задушевно беседуя с гостем у себя в библиотеке. Если бы она не была занята Верховцевым и мартини, то, заглянув случайно в гостиную, почерпнула бы много нового для себя.

Весь углубленный в сбор палатки, ее сын Андрей вел внешне ничуть не напрягавший его разговор. Но это на первый взгляд.

- Зачем он приходил? — поинтересовался он, не глядя на Оксану, весь углубленный в сбор брезентовой палатки.
- Кто — он?
- Ты прекрасно поняла, что речь идет о твоём бывшем муже.
- Почему это бывшем, Андрюшенька? Мы еще не в разводе.
- Ну так разведетесь. Он разве не по поводу развода с тобой разговаривал?

Оксана наматывала веревки от палатки и аккуратно складывала их куда следует. Андрей попал в десятку. Разговор шел о разводе. Только инициатором разговора стала она, Оксана. Она сразу поняла, что Игорь пришел на разведку. Он хотел удостовериться, что Оксана живет одна, без мужчины. Или же убедиться в обратном. Но ни в чем убедиться не сумел, поскольку в доме было полно народу и кто есть кто — с лету не поймешь. А неясность иногда бьет по мозгам не хуже ясности. Игорь заявил, что хочет повидаться с дочерью, и они втроем вышли во двор. Вот там, во дворе, и началось... Оксана поинтересовалась, не подал ли он на развод. Слово за слово, и «понеслась душа в рай». Дело кончилось ссорой, Юлька убежала в дом, а Оксана вернулась зареванная и закрылась у себя в комнате. И хотя Андрей скребся у двери, она не открыла и ответила ему что-то резкое.

Но сегодня все обстояло иначе. Интерес Андрея, его участие, его пылкость приятно будоражили Оксану, и она не могла отказать себе в этой невинной игре слов, затеянной

Андреем.

— Ты угадал. По поводу развода. Но я не хочу разводиться. Зачем?

— Как — зачем? — слишком горячо откликнулся Андрей. — Он так по-хамски себя ведет, а ты будешь терпеть?

— А тебе-то что, Андрюшенька? — Оксана играла улыбкой и нарочно двигалась по другую сторону палатки, тогда как Андрей выстраивал все свои действия в ее направлении. Он двигался за ней следом, она отходила от него. Юлька смотрела мультики.

— Да мне — ничего. Только я смотреть не могу, как он над тобой издевается. Привел свою подругу к тебе в магазин. Ничего лучше не придумал!

— Чтобы я ревновала!

— И ты его еще оправдываешь?

— А что мне остается? А, Андрюшенька? Какой смешной мальчик...

— Нет, ну не прощать же ему?! Да я бы на твоём месте!..

— Ты, Андрюша, не на моем месте. Тебе и на своем неплохо. Правда? С молодой женой...

— А если — плохо?

Палатка упала, из-под нее убрали последнюю подпорку. Оксана и Андрей стояли теперь друг напротив друга, потеряв последнее препятствие.

Юлька зевнула и заканючила:

— Мам, я хочу колбаски...

— Иди поищи в холодильнике, — дуэтом отозвались взрослые.

Юлька с удивлением взглянула на них и отправилась на кухню. Она шла очень медленно и все время оглядывалась.

— А если тебе плохо, Андрюша, — четко держа в мозгу его последнюю фразу, продолжила Оксана, — то ты сам разберешься в своей семье. Ты уже большой. И я тебе не стану говорить: разводись — не разводись...

— А ты скажи...

Оксана вдруг обнаружила, что Андрей стоит вплотную к ней, что между ними ничего нет. Он так близко, что она чувствует его дыхание и осязает его волнение. По рукам и груди пробежала дрожь.

— Я не могу сказать такое.

— Я хочу, чтобы ты сказала...

Но больше ничего он не дал ей сказать. В следующую минуту они уже целовались, стоя на смятой палатке.

А Юлька жевала колбасу в прихожей и смотрела на них. Потом ей стало скучно, и она поднялась на второй этаж. Но и там никто не хотел с ней играть. Она задремала в кресле под монотонные разговоры взрослых. Засыпая, набрела мыслями на свой ящик с игрушками, который остался дома, под столом. И подумала, что завтра обязательно скажет маме, что им пора домой, где под столом скучает медведь Кузя и бездействует такой красивый кукольный сервиз...

## ГЛАВА 15

Лариса злилась. Ее почему-то чрезвычайно раздражала деятельность Петрова, которую он развернул по устройству лагеря. Он совал свой нос кругом и всеми командовал.

Ему, видите ли, не понравилось место, где Лариса и Светлана Тимофеевна установили палатку. Он велел все разобрать и перенести палатку выше, мотивируя тем, что женщины расположились слишком близко к реке.

— А кто вам разрешил командовать? — поинтересовалась Лариса, в то время как Прыткова послушно вытаскивала вещи из палатки. — У нас есть руководитель экспедиции, профессор. И если нужно будет, Иван Иванович сделает нам замечание.

— Вот этот самый Иван Иванович поручил мне обустройство лагеря, и будьте уверены — я все устрою так, чтобы первый дождик не затопил его с головой.

— Но мы три часа потратили на установку этой палатки! — взвилась Лариса. — Почему бы вам сразу не сделать распоряжения, если вы такой умный!

Петров улыбнулся на ее гневный выпад. На его висках выступили капельки пота.

— Я думал, вы более опытная в таких делах, Лариса Николаевна. — улыбаясь, пропел он. Лариса скрипнула зубами, а Петров продолжил: — Мне пришлось задержаться в городе для закупки провизии. Кстати, только вы догадались поставить палатку так низко. Ребята оказались более дальновидными.

— Ну, спасибо! Мы, значит, со Светланой Тимофеевной — самые тупые! — Лариса почувствовала, как краснеют скулы.

Петров рассмеялся и взял ее за плечи:

— Не думал, что вы такая обижуля. Да мы сейчас с ребятами перетащим ваше жилище в два счета.

Лариса и вякнуть не успела, как Петров свистнул и возле него выросли Петров-младший и Димка Воскобойников.

Продолжение спектакля Лариса смотреть не стала. Она повернулась и пошла на пригорок, туда, где маячила соломенная шляпа Ивана Ивановича. Пусть Петров тешится своей активностью. Засиделся без работы. Пусть таскает палатки, разводит костер, кашу варит. Большой ребенок. А она приехала сюда для дела. Она будет заниматься раскопками и своими исследованиями. Детей с ними поехало всего четверо — Земчихины, Воскобойников и Петров. За мальчишками пусть смотрит Петров-старший, а девочек опекает Прыткова. И нечего нервничать из-за пустяков.

Так, успокаивая себя, Лариса добрела до кучки студентов, окруживших профессора. Иван Иванович крутил в руках обломок блюда с орнаментом. Объяснял, как нужно работать, чтобы не повредить экспонаты. Лариса села рядом и стала слушать. Однако назойливые мысли лезли в голову и перебивали речь профессора, как помехи в эфире. А перед глазами стояли загорелые руки Петрова. Помнилось, как он держал ее за плечи. И казалось, что она уже знает, как эти руки могут гладить, обнимать. Ее пугало это. Никогда раньше она не замечала в себе подобных фантазий. Чтобы она смотрела на постороннего мужчину и думала, как его руки могут... Или — думала? Нет, память здесь ни при чем. Она просто уверена, что ничего такого за ней не было. Это все после пещеры. Жизнь сама собой разделилась на время до пещеры и время — после. Но и в том и в другом имеются белые пятна. И в нынешней ее жизни такое пятно — Петров. Она не понимает своих чувств к нему. Разве может человек одновременно притягивать и отталкивать? Одновременно — радовать и пугать? Или все дело в ситуации, которая их познакомила? Этот ужас, что преследовал в переходах пещеры? И то чувство, когда она увидела его и решила, что за ней пришли с того света? Нет, это все так сложно, необъяснимо. У нее голова начинает гореть от таких мыслей. Если бы тетя знала, что творится в голове у племянницы, то, пожалуй, еще приставила бы к ней личного психотерапевта. Ларисе чудом удалось улизнуть в экспедицию. И то благодаря теткиной загруженности в клинике. Там у них какой-то семинар. Она не сразу обнаружит пропажу племянницы.

Наконец девушка поняла, что давно не слушает Ивана Ивановича. Встала, побрела к реке. У воды лучше приходят мысли в порядок. Вот так сидеть и смотреть на воду. До чего же приятно! Вода отражает тебя. Готова выслушать все, что наболело у тебя на душе, смыть собой все печали. Если бы еще суметь высказать, суметь понять, отчего тебе так тревожно и одиноко. Ларисе вдруг стало так жаль себя, что захотелось плакать. Наверное, так чувствует себя потерявшийся в толпе ребенок. Лариса подозревала, что эта минута пройдет, что эта слезливость — лишь капризы изменчивого настроения, но поделать ничего не могла. Слезы уже бежали, прокладывая дорожки по щекам. И она давала им беспрепятственно бежать. Сидела и кидала камешки в воду. Внезапно раздавшийся шорох за спиной заставил ее вздрогнуть.

— Посмотри, что я нашел.

Это Петров. Не оборачиваясь, она краем глаза увидела его джинсы и кроссовки.

Лариса поспешно промокнула слезы подолом футболки. Петров опустился рядом на корточки и протянул ей какое-то растение. Она взяла, радуясь тому, что можно не смотреть Петрову в лицо, а разглядывать цветок. Острые длинные листья, цвета ближе к бордовому, и выпяченная желтая губа с прожилками. Венерин башмачок!

— Где вы это нашли?!

Ларисин восторг был столь велик, что она забыла о слезах и взглянула Петрову в лицо.

— Места надо знать, — подсунул Петров заготовленную фразу, и они встретились глазами. — Ты что... Ты из-за палатки? — Брови Ларисино спасителя полезли вверх. — Ты обиделась?

— При чем тут палатка? — отмахнулась Лариса — Я хочу видеть место, где рос цветок!

И она встала. Она старалась не смотреть на Петрова, но невольно в поле ее зрения попадали плечо — и ладонь.

— Это довольно-таки далеко, — отозвался Петров. — Хотя завтра мы сможем выкроить часик и прогуляться...

Слово «прогуляться» резануло слух.»

— Послушайте, — глядя на мысок его кроссовки, начала Лариса, — почему вы позволяете себе разговаривать со мной в таком тоне?

— В каком?

— В таком. Я, конечно, безумно благодарна за то, что вы спасли мне жизнь. Но разве это дает вам право... Я, кажется, не давала повода?

— Так дайте...

— Нет, вы что, в самом деле такой хам?

— А что я такого сделал?

Фраза напомнила Ларисе школу. Она почему-то ярко вспомнила свой класс, июньский день и гвоздем торчащую фигуру Воскобойникова. «А чё я такого сделал?»

Это был настоящий подарок! Память выбросила ей этот день! Значит, она в состоянии понемногу, по крупицам вспомнить другие! От волнения Ларисе стало трудно дышать.

— Что с тобой? — Петров с тревогой вглядывался в ее лицо.

— С вами, — машинально поправила Лариса. И добавила: — Не забывайте, что я — учительница. Здесь называйте меня на вы.

— Ладно...

— И вообще бросьте эту фамильярность. Вы почему-то ведете себя... Я, между прочим, пока еще замужем.

— Давно пора развестись.

— Что? — Лариса вытаращила глаза на Петрова и увидела, что он смотрит на нее пристально, словно что-то необычное увидел в ее лице.

Она невольно попятилась и попала пяткой в воду. Петров протянул руки и схватил ее, не давая ступить в воду второй раз. Лариса не устояла на скользких камнях и качнулась в сторону Петрова, стукнувшись при этом лбом о его подбородок. Он отреагировал молниеносно — нашел ртом ее губы, и Лариса почувствовала, как горячая волна чувственности хлынула в нее с этим поцелуем. Грудью она упиралась в жесткую грудь Петрова. Его горячие ладони сжимали плечи и разливали по ее телу ровно нарастающий жар. Она обнаружила что-то знакомое в запахе, идущем от него, в его прикосновениях. Может, они встречались в прошлой жизни? Или это было во сне?

Руки Петрова сжали ее спину, майка поползла вверх, и его пальцы коснулись кожи. Голова закружилась — образы, впечатления поплыли, подгоняемые волной исходящей от него эротики. Сон!

Лариса резко отстранилась. Она не могла" отделаться от ощущения, что эти объятия уже были. Что когда-то эти руки уже гладили ее вот так же... Она с подозрением вглядывалась в тяжело дышащего Петрова. Она чуть не сказала ему о своих мыслях. Остановила ее яркая фигура на высокой круче берега.

— Светлана Тимофеевна нас зовет, — прошептала она, почему-то не в силах сказать громко.

Петров оглянулся, не выпуская Ларису из рук, и тоже увидел оранжевую панамку Прытковой. Он помахал ей. Лариса высвободилась из его объятий и молча пошла к берегу. Петров двинулся следом.

Еще издали они увидели машину Инны Викторовны Кравцовой. Пришлось прибавить шагу. Петров отстал, наблюдая за событиями издали, но не выпускал Ларису из поля зрения. Судя по всему, врачаха пылала возмущением. Она сразу же начала Ларисе что-то выговаривать, помогая себе жестами. Лариса прошла мимо машины, уводя родственницу прочь от любопытных ушей.

Петров подошел к костру и стал готовить щепки. Отсюда хорошо просматривалась поляна, на которой остановились Лариса и Инна Викторовна. Тетка бушевала. Она взмокла, втолковывая племяннице какую-то важную истину. Лариса оставалась непреклонной. Она качала головой и что-то твердо возражала. Наконец Ларисе надоели увещевания тетки, и она, что-то сказав на прощание, двинулась к лагерю. Щеки ее пылали. Она шла решительным шагом и, развив приличную скорость, прочесала мимо машины, мимо палаток, в сторону студентов. Те размечали местность — готовили поле для завтрашней работы. Лариса присоединилась к ним. Петров посчитал своим долгом поздороваться с Инной Викторовной и отошел от костра. Впрочем, она его уже заметила и мчалась навстречу на всех парусах.

— Здравствуйте! Одна надежда на вас! — с ходу выпалила она и вцепилась Петрову в рукав. — Александр, вы должны повлиять на Ларису!

— Вряд ли я смогу повлиять на Ларису Николаевну, — усмехнулся Петров, наблюдая, как лихо та пересекает размеченную местность.

— Нет, нет. Вы — мужчина, вы... у вас дети. Вы сможете!

Петров честно попытался сообразить, куда она клонит. При чем здесь его дети?

— Что стряслось-то, Инна Викторовна?

— Как — что стряслось? Вы еще спрашиваете! Лариса еще от похода не очухалась, и вот на тебе! Экспедиция! Да тут что угодно может случиться. Она в таком состоянии...

— Я думаю, вы преувеличиваете, Инна Викторовна, — улыбнулся Петров. — В пещеры вход завален, никто туда не полезет больше. А раскопки — дело безобидное.

— Безобидное? А жара, солнце палящее? А питание какое тут? Да это сумасшествие! Экспедиция — не занятие для беременной женщины! — Не без удивления она наблюдала, как меняется лицо Петрова. Он побледнел, и глаза его сузились.

— Вы сказали, Лариса Николаевна ждет ребенка?

Инна Викторовна, злая и надутая, оглянулась и посмотрела в сторону студентов. Там мелькала зеленая футболка ее племянницы.

— Уж и не знаю — ждет она его, или ей все равно. По крайней мере анализы показали, что моя племянница беременна.

Инна Викторовна, видимо, выпустила из виду, с кем разговаривает. Она сейчас говорила с

Петровым как с коллегой. Или как с родственником.

— Вы должны убедить Ларису вернуться домой. Я не в состоянии. Не наручники же на нее надевать.

— Какой срок?

— Семь недель, — машинально ответила Инна Викторовна.

Петров надолго замолчал, уставившись в костер, а Инна Викторовна продолжала жаловаться на племянницу, брызгая слюной.

Наконец Петров сумел вынырнуть из своих мыслей и взглянул на Инну Викторовну.

— Я не обещаю, что уговорю ее вернуться, но... Я могу пообещать вам проследить, чтобы Лариса Николаевна не делала ничего такого, что может повредить беременности.

— Правда? — Инна Викторовна вцепилась взглядом в Петрова. Она словно мысленно примеряла на него ту роль, о которой он только что заявил. Потом с сомнением проговорила:

— Пожалуй, это единственное, что мы можем сейчас сделать. Одна надежда на вас. Я вам честно скажу: эта беременность — долгожданное счастье для Ларисы. Она десять лет не могла забеременеть.

— Да вы не волнуйтесь. Я сделаю все, что смогу, — перебил Петров. Ему было неуютно слушать подробности.

Инне Викторовне ничего не оставалось, как только распрощаться и уехать. А Петров еще долго бродил вокруг костра, с хрустом ломая ветки.

\* \* \*

Инна Викторовна возвращалась в город с твердым намерением заглянуть в юридическую контору к Станиславу Захарову. У нее просто зудело все внутри. Она представляла, как вытянется его круглое лицо, когда он узнает, что скоро станет отцом. Очень будет кстати, если рядом окажется его мымра.

Инна Викторовна так живо представила эту картинку, что не сразу отреагировала на мелодию мобильного. Звонил доктор Кузин. Не останавливаясь, прижала к уху телефон.

— Лиза приходила на УЗИ? — не давая ему сказать, поинтересовалась Инна Викторовна. Она не то чтобы не доверяла Умару, который уже провел обследование Лизы, скорее хотела убедиться еще раз, что все в порядке.

— Н-да, — замялся Кузин, и Инна Викторовна решила остановиться. Припарковалась в первой подворотне, услышав заминку в голосе Кузина.

— Говори все как есть, — не узнавая собственного голоса, потребовала Инна.

— У Лизы все в порядке, — поспешил заверить Кузин. — Я не по этому поводу звоню. Верховцева сегодня в два скончалась.

Инна молча слушала.

— Тут ее муж... Вы сами с ним поговорите или это сделать мне?

Инна Викторовна подумала:

— Поговори сам, дорогой. А завтра я отдам документы.

Инна Викторовна еще некоторое время сидела без движения, а потом вывела машину на дорогу. Да, она все правильно сделала. Она не станет для Верховцева черным вестником. Пусть горькое известие принесут другие. Пусть Верховцев переспит с этим. А завтра она сделает для него все, что в ее силах. Но — завтра. Сегодня она слишком устала.

Куда-то делся ее пыл, который она везла Стасику в юридическую контору. Пропало желание нападать на Ларисиною мужа. Захотелось домой, к детям.

Она заехала в— магазин, купила два пластиковых ведерка с мороженым. Когда-то Лиза обожала такое. Чтобы есть ложкой Инна Викторовна вошла в прихожую и сразу поняла — в доме кто-то чужой. Андрей вышел навстречу из кухни и показал на дверь гостиной:

— Оксанина свекровь пришла.

— А где Лиза?

— Ушла гулять с Юлькой.

Инна Викторовна могла бы задать еще вопрос: «А почему ты здесь? Опять один, без жены?» Не стала, сдержалась. Да и, грешным делом, рада была, что сын зачастил к ним. Приходится закрывать глаза на причину. А может, у нее, у Инны, просто разыгралась фантазия? Может, Андрюшка просто скучает по дому?

— Что же, бабушка, наверное, хотела повидаться с внучкой, а ту увели?

— Они уже долго гуляют. Должны прийти.

Инна Викторовна прислушалась. Голоса в гостиной раздавались громко. Разговор явно перешел на повышенные тона.

— Ругаются, что ли? — уставилась она на сына.

— А ты хотела, чтобы они мирно ворковали? — усмехнулся Андрей. — По-моему, ситуация яснее ясного. Свекровь винит во всем Оксану. Классика. Мама всегда и во всем оправдывает сыночка.

Андрей улыбался. Инна непонимающе уставилась на него. Какая-то кнопочка внутри автоматически включилась.

— Да? Позиция свекрови Оксаны и ее интересы мне как раз понятны, — возразила она. — Мне непонятны твои интересы. И беспокоит твоя позиция в этом деле. Ты-то, как я погляжу, весь на стороне Оксаны.

— А ты?

Инна Викторовна прошла в кухню и плюхнулась на стул. Ноги от долгого сидения в машине затекли. Она стала разминать их пальцами. Андрей налил чайник и встал около плиты.

— Я-то как раз сторонний наблюдатель. И помогаю Оксане, поскольку она — подруга Ларочки. Попала в трудную ситуацию. Но считаю, что ситуацию создала она сама. И сама в ней

виновата.

— Ты врач, мамуля, — то ли шутя, то ли серьезно подхватил сын. — И обязана помогать всем. И тем, кого заразили, и тем, кто сам нажил себе болезнь. Правда ведь?

— Конечно, — согласилась Инна Викторовна, не понимая, куда клонит сын.

— А я всего лишь сын своей матери. И поддерживаю тех, кого ты поддерживаешь. Вот и все.

Вот свиненок! Вывернулся! Инна Викторовна не могла не улыбнуться.

— Не слишком ли активно поддерживаешь, сынуля? Смотри крылышки-то не обожги.

— Даже если обожгу, — вдруг без тени улыбки сказал он. — Ведь это мои крылышки?

— Ты что? — испугалась мать и оставила свои отекавшие ноги в покое. — Ты... ты всерьез хочешь завести отношения с Оксаной?!

Андрей поморщился:

— Что значит — завести отношения? Ты прямо как у себя на собрании.

Но ты... Тебя не смущает, что у нее ребенок? Что она замужем, ведь она всего-навсего поругалась с мужем? Тебя не смущает, что ты сам некоторым образом — женат?!

У Инны Викторовны пересохло во рту. Но она поняла, что не в состоянии возиться с чайником, заваркой. У нее начали дрожать руки.

Между тем Андрей спокойно достал заварочный чайник, ополоснул его кипятком и обстоятельно, как делал все в своей жизни, насыпал туда три чайных ложки заварки. Залил кипятком и накрыл полотенцем.

— Не ты ли, мама, всегда пилила меня за мой брак? А? — напомнил он. — Кто-то говорил, помнится мне, что так жить нельзя, что хозяйки хуже, "ем Кристина, ты, мамуля, в жизни своей не встречала... Кто-то спрашивал даже, на каком месте у меня глаза были, когда я...

— Да! Я не в восторге от твоей жены, — согласилась мать. — Да, она — неряха и лодырь. Но, Андрюша, извини, поезд ушел! Ты женился! А Оксана — это, по-твоему, лучший вариант?

— Мама! Ты сама расхваливала Оксану! Вот уже месяц на ней фактически держится весь твой дом. Она готовят, трет, моет, убирает...

— Ну? — язвительно остановила сына Инна Викторовна. — В таком случае тебе нужно жениться на уборщице! Хочешь, я сведу тебя с совершенно свободной и бездетной Ниночкой, санитаркой из клиники?

— Зачем ты так, мам?

Инна Викторовна и сама поняла, что переборщила. Но скорость тока крови уже изменилась внутри. Инна Викторовна не могла сейчас обдумывать и взвешивать каждое слово. Ее понесло.

— Что ты знаешь об Оксане? О ее отношениях с Игорем? А я знаю! Она — непорядочная, твоя Оксана! Она обманывала своего мужа и за это получила! Ты себе одну головную боль нажил в виде финтифлюшки Кристины, но она хотя бы не ставит тебе рога... пока! А эта?

— Мам, полегче.

Инна Викторовна заметила, как сузились Андрюшкины зрачки. Она видела, но остановиться не могла.

— Нет уж, ты меня выслушай, сынок, не обижайся. Я тебе это скажу, потому что я — мать. И мне небезразлична твоя жизнь. Другие тебе не скажут в глаза, зато за глаза... Оксана играет тобой! Она использует тебя, разве ты не видишь? Ей нужно, чтобы Игорь ревновал. А на деле — она любит его, как кошка! И вот увидишь — вернется к нему. У них ребенок!

— Ты прекрасно знаешь: это не его ребенок! У него вообще не может быть детей!

— Она тебе уже и это поведала?

Инна Викторовна была раздавлена. Она не подозревала, что дело зашло так далеко. Зачем Оксана так откровенничает с парнем? Ей что, мало подруг? Ей мало ее, Инниного, участия? Какая неблагодарность! Вот и помогай после этого людям! Ее приютили, обогрели, а она... Она открыто соблазняет Андрюшку, видя, что тот, несмотря на рост и возраст, — сущее дитя. Да это все равно как соблазнить ребенка!

Инна Викторовна прошла мимо сына и демонстративно достала из шкафчика корвалол.

— Мама, Оксана попала в беду. И ты не должна так говорить... 51 уже взрослый, и будет так, как я решу.

И Андрюшка ушел из кухни, не проявив интереса — зачем она достала лекарство. Инна Викторовна стала капать корвалол и заметила, что руки противно трясутся, и от этого еще больше разозлилась. Ей казалось, что она всегда мудро направляет детей. Она жила их интересами, ничего для них не жалела. И вот — пожалуйста! Все не так, как она себе представляла. Все настолько «не так», что не выдерживает никакой критики. И все, выходит, она сотворила своими руками!

Лиза познакомилась с Умару в ее клинике. Черт дернул пригласить иностранцев! Оксану она сама привела и оставила в своем доме! Она дала ей кров, копалась в Оксаниных проблемах, как мама родная! И что получила? У сына семья рушится, и, того гляди, он приведет на место первой пигалицы вторую, только уже с довеском!

Далеко бы зашла Инна, накручивая себя подобным образом, если бы крики в гостиной не усилились, переместившись в прихожую.

— Так не делают! — возмущалась свекровь Оксаны. — Коли ты была бы дома, и он бы не ушел! Свои дела надо дома решать, а не по чужим углам с ребенком отираться! Могла бы к нам с дедом прийти! А коль ты подолом машешь, у самой, значит, рыльце в пушку!

Инна Викторовна слушала выпады Игоревой матери с некоторым удовлетворением. Ей даже хотелось, чтобы та нашла слова побольнее и напоследок ужалила Оксану. И вдруг до нее дошло, что сейчас Оксана в слезах придет к ней! Что надо будет искать какие-то слова, говорить с ней, смотреть ей в глаза. Ее до краев заполнил внутренний протест. Она не хотела, не могла встречаться сейчас с Оксаной! Она прислушалась.

Хлопнула дверь. Наверняка Оксана вышла следом за своей гостьей на улицу. Проводит до ворот, чтобы убедиться — свекровь ушла.

Торопливо, словно она находилась не в собственном доме, Инна Викторовна поднялась к себе в комнату и закрыла за собой дверь.

## ГЛАВА 16

В тот день раскопали горшок. Шума вокруг этого события заварилось достаточно. Горшок оказался практически целый, и профессор опасался, что сосуд расколется при транспортировке. Лариса лично упаковала находку в десять слоев бумаги, обложила ватой и поместила в коробку из-под макарон. Ей же было поручено отнести находку в лагерь. Профессора же было не оторвать от того места, где могли находиться подобные экспонаты.

Петров издали увидел, что Лариса несет что-то громоздкое, и, бросив топор в кучу хвороста, рванул навстречу. Лариса была вся сосредоточена на своей драгоценной ноше, и потому, когда Петров, весь взмокший, с перекошенным лицом, вырос перед ней, она испугалась. Он вынырнул из овражка, поросшего диким цикорием, и, тяжело дыша, преградил Ларисе путь.

— Поставь, — указал глазами на коробку. Она повиновалась. — Совсем с ума сошла?

Вопрос был столь неожиданным и бестактным, что Лариса задохнулась, а в следующее мгновение на глаза вылезли слезы.

Петров понял, что ляпнул не то, и замахал руками сам на себя.

— Ты же знаешь, что тебе нельзя носить тяжелое! — сказал он и схватил Ларису за плечи. Выглядел он так, словно она совершила преступление.

Лариса все еще не могла понять, чего он от нее хочет.

— Это глиняный горшок. Очень древний. Целый, — механически объяснила она.

— Да хоть мумия верховной жрицы! Ты не должна была тащить это одна! Что, некому больше? Полный отряд лбов! А потащила беременная женщина!

— Я... ТЫ-... Откуда ты знаешь?!

— Откуда, откуда — от верблюда!

— Тебе тетя рассказала! — дошло до Ларисы. — Это она поручила тебе пасти меня! Вот почему ты носишься со мной как с писаной торбой!

Догадка взбесила Ларису. А ведь она все поползновения Петрова воспринимала как ухаживания! Оказывается, тетя Инна постаралась! Воспользовалась случаем и поручила Петрову стеречь ее.

Не дожидаясь объяснений, Лариса схватила коробку и помчалась через овраг. Петров — за ней.

Как раз на середине оврага он настиг ее и схватил коробку с другой стороны.

— Пусти! — прошипела Лариса.

— Отдай!

Они вцепились в коробку с двух сторон, никто не хотел уступить. В конце КОНЦОБ Петров дернул коробку на себя, Лариса от толчка потеряла равновесие и рухнула в заросли чертополоха.

— Идиот! — раздалось из лопухов.

Петров, ощутив наконец вес коробки, не удержался и разразился коротким смешком. Он оставил коробку в покое и кинулся на помощь Ларисе. Та попыталась оттолкнуть его и подняться самостоятельно, но силы были неравны. В результате Петров оказался рядом с Ларисой в лопухах и сразу же приступил к примирению. Едва его колючая щека коснулась мягкой бархатистой кожи другой щеки, знакомые ощущения волной накрыли Ларису. На какое-то мгновение она потеряла контроль Мужские губы были активными, а руки — нежными. Лариса поняла, что уже готова ответить ему той нежностью, которая без спроса образовалась внутри и рвется наружу. Но мозг вовремя подал сигнал бедствия. Она вывернулась и вскочила на ноги. Петров тут же обхватил ее ноги и уперся лбом в ее коленки. Это тоже было приятно. Хотелось пройтись пальцами по его волосам. Там были колючки, и Лариса аккуратно вытащила их.

— Мир? — спросил Петров снизу.

— Перемирие, — буркнула Лариса.

Петров переместился на колени, и теперь его голова оказалась вровень с талией Ларисы. Он вдруг повернул голову и прижался ухом к ее животу. Этот жест был настолько интимным... Интимнее поцелуя.

Лариса отошла в сторону. Петров остался на коленях посреди травы.

— Ты не должен этого делать, — строго сказала Лариса.

— Почему?

— Ты не должен вести себя так... будто между нами что-то было! — Ларисе было совершенно непонятно, чему он улыбается, опустив голову в траву.

— Разве я веду себя... так?

— Именно! Ты ведешь себя так, будто имеешь какие-то права на меня!

Петров неторопливо поднялся с травы, отряхнул колени.

— Просто я не хочу, чтобы ты опять попала в переделку. Думаешь, легко было вытаскивать тебя из пещеры? Да ты чуть не утопила меня! — В его темных глазах плясал смех.

Вот и держись от меня подальше! Скоро ты дашь повод для сплетен в лагере. А если ты будешь ходить за мной по пятам, то не удивлюсь, когда скажут, что ребенок похож на тебя!

Лариса решила, что удачно пошутила. Но смеха в ответ на шутку не услышала. Петров в обнимку с коробкой опередил ее и преградил ей дорогу.

— Разве плохо, если он будет похож на меня? — спросил он, и Лариса попыталась разглядеть в его глазах искры недавнего смеха. Их не было. Улыбка выглядела напряженной, а глаза ждали.

— Я пошутила, — пояснила Лариса и попыталась обогнуть Петрова.

Он не пустил ее.

— Посмотри на меня. Я — ничего? — Петров пригладил торчащий на макушке вихор.

Лариса прищурилась.

— Помнится, мама говорила мне, что мужчина должен быть чуть симпатичней обезьяны.

— А я... симпатичней обезьяны? — подхватил Петров. Лариса не удержалась и приснула.

— И дети у меня ничего получились? А?

— При чем здесь твои дети? — возмутилась Лариса. Ей не понравилось, что грань между шутками и серьезом у Петрова столь тонка и незаметна. — Твои дети похожи на тебя. Мои будут похожи на меня.

— И немножко на меня, — добавил Петров.

— Да с какой стати? — взорвалась Лариса. — Что ты мелешь вообще? Или для тебя нет ничего святого? У меня есть муж, к твоему сведению, и я...

— И ты мечтаешь, чтобы ребенок был похож на него, — хмуро завершил Петров и кивнул в сторону лагеря. — А это, кстати, не его фигура там маячит?

Лариса обернулась. Действительно, наверху, ближе к лагерю, стоял мужчина в светлой рубашке и смотрел в их сторону.

Лариса молча направилась в лагерь. Петров, в обнимку с коробкой, — за ней.

Действительно, наверху стоял Стасик и благодушно улыбался. Он выглядел особенно свежим и ухоженным на фоне пропыленных Ларисы и Петрова.

— Привет, — бросила Лариса, но тут же попала в объятия к бывшему мужу. Его поцелуй пришелся между щекой и ухом.

— Хорошо выглядишь, — похвалил Стасик. Заметив Петрова, протянул руку: — Здравствуйте.

Тот кивнул и поплотнее обнял коробку. Он не собирался пожимать руку Стасику. Но нотариус умел превращать гримасу в улыбку. Он тоже вцепился в коробку и участливо поинтересовался:

— Помочь?

— Нет. Это ценная историческая находка. Лариса Николаевна никому не разрешает к ней прикасаться.

— Seriously? Вы что-то нашли?

Петрова покоробил снисходительный тон юриста. Звучало это так, будто тот понимает, что все здесь занимаются ерундой, но ничего против не имеет. Петров молча прошествовал мимо.

— Извини, мне негде тебя принять. И, боюсь, не сумею напоить тебя чаем. Время ужина еще не подошло.

— Да ничего. — Станислав пожал плечами. Ему предстояло пристроиться к новой Ларисе.

Такой он ее не знал. — Нам нужно поговорить.

Лариса кивнула и двинулась дальше.

— Лариса Николаевна! — В лагере ее сразу атаковали дети. Юля Земчихина обиженно надула губы. — А мальчишки отказываются чистить картошку! А мы с Олей вдвоем на такую ораву тоже не начистим! Мы вчетвером дежурируем!

Лариса пальцем поманила хихикавших за палаткой Сашу и Диму:

— Настоящий мужчина должен уметь чистить картошку, — сказала она на ходу, — мне за вас стыдно.

— Да они шуток не понимают, Лариса Николаевна! — Мальчишки вылезли из-за палатки и неторопливо двинулись к костру.

— Надо же, — усмехнулся Станислав у нее за спиной. — А я так и не научился чистить картошку.

— Мое замечание к тебе не относится, — бросила Лариса и нырнула в палатку.

Станислав задумался: как воспринять ее последнюю фразу? Как намек? Или как комплимент?

Лариса вылезла из палатки с полотенцем в руках.

— Если не возражаешь, пойдем к реке. Мне нужно умыться. Там нам никто не будет мешать.

Они спустились к реке.

— Твоя тетка была у меня, — начал Станислав не слишком решительно, поскольку Лариса ни о чем не спрашивала, ни о чем не беспокоилась. — Наговорила всякого. По-моему, у нее начинается маразм.

Лариса молча расстегнула рубашку, стянула бриджи и осталась в одном купальнике.

— Не хочешь искупаться? — не оглядываясь на мужа, спросила она. И пошла в воду:

Станислав мялся на берегу, совершенно не представляя, как теперь разговаривать. Странная какая-то она стала. Внешне вроде все та же, но ведь совсем не та! Она раньше, бывало, глаз с него не спускала, в рот заглядывала. Собираясь сюда для объяснений, он ждал чего угодно — слез, истерики, упреков, мольбы, наконец. И ко всему приготовился. Но Лариса путала его карты. Она просто вежливо отстраняла его, чтобы он не мешал наслаждаться жизнью. Она плавала, фыркала, намыливалась и снова плавала, совершенно не обращая на него внимания. А когда вышла, стряхнула с себя воду, как особь семейства кошачьих, и завернулась в полотенце, он залюбовался ею, на какое-то время забыв о цели визита. То есть совсем забыл, что это — Лариса, его бывшая жена с вечно озабоченным и слегка испуганным, виноватым выражением лица. Перед ним была женщина, поглощенная собой. Она прислушивалась к себе, словно у нее внутри вот-вот могла зазвучать волшебная музыка.

— Я приехал поговорить о ребенке, — буркнул Станислав, пытаясь своим тоном развеять «чары».

— Да? Говори.

Лариса стала неторопливо отжимать и вытирать волосы.

— Ну... ты — беременна? То есть я хочу сказать — ты уверена в этом?

— Не знаю. Врачи говорят, что да.

— Ну а сама ты?

Лариса посмотрела на Стасика так, что он понял: говорит он не то и вообще ведет себя по-дурацки. А ведь когда ехал, точно знал, что скажет. Он репетировал всю дорогу. И всю ночь после того злополучного разговора с Инной Викторовной. Да, Лариса, конечно, ни при чем. Это видно. Эта кровожадная тетка, эта феминистка хренова воду баламутит.

И что же он хотел сказать?

Станислав напряг мозги, но вид полуголой Ларисы, трясущей волосами, сбивал его с мысли. Он подошел и встал так, чтобы попасть в поле ее зрения. Она обрызгала его каплями.

— Я рад. Нет, я правда рад, что так получилось, — сказал он совсем не то, что заготовил. — Вот ведь как бывает... Когда уже не ждешь... Как ты думаешь, что помогло? Грязелечение или...

— Какая разница? — Лариса пожала плечами. — Над этим я задумывалась меньше всего. Ты что-то хотел? Говори, если можно, скорей. Мне нужно помочь ребятам с ужином. Знаешь, здесь у меня зверский аппетит проснулся. Я ем и ем. — И Лариса улыбнулась так, как улыбалась, только когда была студенткой.

Стае был совершенно сбит с толку. Лариса вытерлась и подставила себя ветру, чтобы обсох купальник.

— В любом случае я хочу, чтобы ты знала: я от ребенка не отказываюсь. Твоя тетка обвинила меня во всех смертных грехах, но она не права. Ребенка я всегда хотел и от него не отказываюсь. И вообще я еще подумаю... Может, не стоит вот так разбежаться? Нужно все взвесить.

— А ты уверен, что это твой ребенок?

Вопрос прозвучал так буднично, без нажима, что Стае не сразу въехал.

— То есть как это? А чей же?

— Не знаю... Я ведь ничего не помню, — пожала плечами Лариса. — У нас не было детей. Ты тайно встречался с женщиной. Я знала об этом?

— Ну... Сначала не знала. Потом в какой-то момент узнала...

— Возможно, и у меня был мужчина. Я не утверждаю, потому что не помню. Но ведь возможно?

— Ну-у... — Стасик выдохнул так, словно только что втащил на гору мешок картошки. — Нет, это исключено. Ты не такая. Была. Это на тебя совсем не похоже. Да нет же, этого быть не могло!

Лариса с интересом наблюдала за бывшим мужем. Он разволновался вдруг.

— А какая я была? — поинтересовалась она самым невинным тоном.

— Ты была такая... вся образцовая. Одно слово — учительница. Ты спать могла только в сорочке с рукавами. И никогда не соглашалась на утренний секс, потому что тебе было нужно готовить завтрак. Ты считала, что если я не поем рисовой каши с утра, то тебя обвинят в бесхозяйственности и нарушении семейных устоев.

Лариса распахнула глаза в искреннем удивлении.

— Да? Я в самом деле такая? Фу, какая преснятина! Она поморщилась и стала натягивать бриджи. В глазах ее сверкнуло озорство.

— А может, ты меня просто не знал, а, Стасик? — Она тряхнула волосами и запустила в них расческу. — А может, я искусно притворялась, а сама в это время... Разве так не бывает?

Стасик в полном замешательстве смотрел на жену. Когда она настоящая, а когда — нет? Где правда, а где фантазия? Что он понимает в женщинах вообще и почему, собственно, он в ней так уверен?

Рубашка на его спине взмокла от мыслительных усилий. Он что-то мямлил себе под нос, не зная, куда направить мысль, подброшенную Ларисой. К чему это она про мужиков? Кого она имеет в виду?

— А что... у тебя есть предположения? — на всякий случай поинтересовался он. — Кто-нибудь звонил тебе? Искал? Или, может, у тебя остались письма? — Стае поймал себя на мысли, что говорит как следователь на допросе. Какие письма? Что он с этим станет делать? Зачем ему это?

Но Лариса с теми же искорками в глазах посмотрела куда-то на другой берег реки.

— Насчет писем не знаю, но сны...

— Что сны?

— Иногда я вижу очень занимательные эротические сны. И в них присутствует герой. Мужчина. Честно тебе признаюсь, Стасик, это не ты.

Лариса сложила полотенце и направилась к лагерю.

Стасик некоторое время тупо смотрел ей вслед. Если бы его попросили описать свои чувства в тот момент, не смог бы. Его вялотекущая душа никогда раньше не подвергалась подобным встряскам.

Машина стояла на опушке. Студенты водили вокруг нее хоровод. Им было предельно весело. Стасик подошел ближе и заметил среди студентов худого седого дядьку — профессора. И толстую тетку в яркой одежде. Стаса вес раздражало в тот момент, и он едва держал себя в руках, чтобы не сорваться на эту пеструю толпу. Они попытались втянуть его в свои игрища. Он попятился, оберегая себя от их цепких рук.

— Психи, — прошипел он себе под нос. И услышал короткий смешок сзади.

Невдалеке стоял Петров.

— Я вам сочувствую, — подал он голос. — Нормальным людям здесь первое время непросто. Но

ничего. Они скоро уgomонятся, и вы сможете беспрепятственно уехать. Я вам помогу.

Петров поднял с земли кусок металлической трубы и ударил в плоский лист железа, висящий неподалеку. Полученный звук сразу произвел впечатление на хоровод. С визгом и гиканьем народ рванул к костру.

— Путь свободен. — Петров сделал «гостеприимный» жест в сторону дороги.

— А почему вы, собственно, так заботитесь, чтобы я поскорее уехал? — прищурился Стасик, разглядывая Петрова.

— Потому что, как я понимаю, ваш визит подошел к концу.

— Вы здесь начальник лагеря? — нервно осведомился Стасик, все больше раздражаясь. — Когда захочу, тогда и уеду. У меня здесь жена. Я, может, ночевать здесь останусь.

— Не останешься. — Петров подошел ближе. Поза его была угрожающей. — Не останешься.

— Это почему же? — взвился Стасик.

— Лариса Николаевна не хочет тебя видеть.

— Это она сказала? Я что-то не слышал от нее. И вообще, не знаю, зачем вы лезете в это дело, но хочу предупредить: мы сами с Ларисой разберемся. У нас ребенок будет!

Петров приблизился к Стасику настолько, что только они вдвоем могли слышать друг друга.

— Езжай давай, — тихо сказал Петров. — И про ребенка забудь. Это не твой ребенок.

— Чего? — Стасик почувствовал, как кровь стучит в висках. — А чей же? Уж не твой ли?

— Мой, — кивнул Петров.

Стасик не выдержал и разразился длинным предложением, состоящим из одного мата.

— Да Лариса говорила мне, что в пещере увидела тебя в первый раз! — Стасик готов был рассмеяться Петрову в лицо. — А после пещеры Лариса из больницы не выходила, была под постоянным наблюдением. Так что сказок не надо!

— Сказать можно что угодно, — оборвал Петров. — Факт остается фактом.

— Это становится интересно! — побагровел Стасик.

— Ты разводишься? И разводишься, — наклонив голову к самому уху юриста, проговорил Петров. — Больше тебе беспокоиться не о чем.

У Стасика глаза налились кровью, холеные щеки затряслись, а губы заплесали, роняя слюны на свежую рубашку. Звуки не складывались в слова, они выскакивали изо рта вразнобой.

Лариса издали заметила странности, происходящие с мужем, и подошла.

— Что случилось? — поинтересовалась она, переводя взгляд с Захарова на Петрова.

— Это правда? — наконец выплюнул Стасик, обдав жену брызгами слюны.

— Ты о чем, Стасик?

— Что ты и этот... Что у вас что-то было? — Стасик смешно затряс толстым пальцем.

Лариса подняла брови и вопросительно уставилась на Петрова.

— Я все ему рассказал. Пусть человек не беспокоится. Пусть едет домой и спит спокойно. Ты не возражаешь, дорогая?

Лариса, все еще не сообразив, шутит Петров или нет, пожала плечами.

— А! Вот оно! А я еще перед ней прыгаю! — Стасик, побагровев, развернулся и полез в машину. Машина всегда чувствует состояние хозяина, поэтому она завелась не сразу, а стала рычать и гавкать, прежде чем сорваться с места и запетлять по пыльной дороге.

— Ужин готов? — почти весело поинтересовался Петров. До Ларисы наконец докатился смысл перепалки.

— Послушайте, я, кажется, не просила вас вступать в мои отношения с мужем. В чем дело? — Лариса пристально посмотрела на него.

— А днем мы были на ты... — вздохнул Петров. Лариса зло повернулась и пошла прочь от лагеря, от костра. Она вдруг поняла, что в таком состоянии не сможет разговаривать с детьми и коллегами. Она не могла вынести этого постоянного постороннего вмешательства в свою жизнь. Иногда ей казалось, что люди задумали вывернуть ее жизнь наизнанку и просто состязаются между собой, у кого лучше получится. В состязании участвуют все кому не лень. Начиная с тети и кончая Петровым. Хотя он-то кто? Он-то какое имеет право? Даже если он решил приударить за ней... Особенно — если приударить! Ему следует вообще держаться в стороне и ждать. А он ведет себя как хам, как самый последний невоспитанный тип, разбивая все ее мало-мальски теплящиеся симпатии к нему. Что он там наговорил Стасу? По какому праву?!

Она попыталась вспомнить его последнюю фразу и не смогла. В досаде обернулась, словно уверена была, что он идет за ней следом. И не ошиблась. Петров шел за ней, но вопреки ее ожиданиям не ухмылялся и не насвистывал, а нервно курил, сведя брови к переносице.

Сигарета погасла, он чиркал зажигалкой. Ларисе показалось, у него дрожат руки. Наконец ему удалось зажечь сигарету. Он затянулся, подошел к ней ближе. Отвернулся; выпустил дым в сторону.

— Я сказал ему правду.

— Какую еще правду? Ты в своем уме? Повтори мне дословно, что наговорил ему!

— Для тебя это так важно? Он что-то значит для тебя? Не могу поверить, что ты можешь любить такого!

— Тебя это не касается! Как вы все не можете понять: это моя жизнь и я сама разберусь во всех вопросах!

— Не разберешься. — Петров затянулся и выбросил окурок, затем повернулся к Ларисе и взял ее за руку. — Есть вопрос, который касается нас двоих.

Лариса не успела возразить.

— Что за вопрос? — стараясь оставаться спокойной, спросила она.

— Дело касается твоей беременности.

— Моей беременности? — ужаснулась Лариса. Лицо Петрова мучительно исказилось.

— Лариса... Я сейчас все скажу. Только обещаю, что ты выслушаешь меня до конца, что не будешь беситься и перебивать.

— Почему я должна «беситься»?

Лариса насторожилась. Она смотрела на Петрова, желая не только услышать, но и увидеть. Не упустить ни одной детали.

— Ларис... Я думаю, это мой ребенок.

— Ты рехнулся?

— Я тебя просил не перебивать? Ну наберись терпения, выслушай...

Лариса с беспокойством вглядывалась в лицо Петрова-старшего. Что она о нем знает? Может, он — того? Почему он никак не может устроиться на работу? Может, у него справка из психушки?

Лариса осторожно высвободила руки и отступила на шаг. Ей показалось, что глаза Петрова-старшего безумно горят. Ее заколотила дрожь. Петров сделал движение в ее сторону. Она качнулась назад и уперлась спиной в дерево. Он настиг ее.

— Тогда, в пещере... Короче, когда я нашел тебя, ты была без сознания. Я тоже долго блуждал, и когда пробирался, за мной завалило проход. Я выбрался в этот свод с водой, уже ни на что не надеясь. И вот — ты... Я стал приводить тебя в чувство. Ну, делать массаж, искусственное дыхание. Ничего не помогало...

Лариса не сводила глаз с Петрова. Слова доходили до нее с опозданием.

— Короче, я... Ты обняла меня, ну и мы...

— Что?!

— Все.

Коленки подкосились. Лариса опустилась на траву.

— Ты очнулась. Неужели ты совсем ничего не помнишь? Там был колодец, а я где-то читал, что такие колодцы служили соединением с рекой, там мог быть выход...

Сзади Петрова вдруг заплясал огонь. Он вскочил и принялся затаптывать то, что наделал его окурок. Сухая хвоя трещала, вспыхивая, как порох. Петров топтал огонь кроссовками, потом содрал с себя рубашку и стал ей помогать.

Лариса молча наблюдала за его усилиями. В мозгу лихорадочно проносились обрывки снов. Этот мужчина, с которым она занималась любовью во сне... Это смешанное чувство стыда и

интереса при появлениях Петрова. Она начинала складывать все, как порванную открытку. В голове стало стучать. Во рту пересохло. Он воспользовался ее состоянием! Все это было на самом деле! Это не сон.

Она встала. Молча прошла мимо Петрова, прыгавшего по огню. Она шла отрешенная, не слыша, что кричит ей вслед Петров, не видя ничего перед собой.

Наконец он совладал с огнем. От рубашки остались одни обшлага и воротник. Петров держал глазами Ларису. Видел ее спину, мелькавшую меж деревьев, пытался угадать направление ее мыслей. Он прибавил шаг, потом побежал, но все равно было поздно, когда до него дошло, что сейчас произойдет. Лариса была уже у края лагеря. У самой дальней палатки стояла «Ока» Прытковой. Единственная в их лагере машина.

Лариса влетела в «Оку», захлопнула дверцу. Машина рванула с места, и Петров заорал на весь лагерь:

— Лариса!!!

К нему сбежались все, кроме той, которую он звал.

## ГЛАВА 17

— Как это случилось? — Пальцы Инны Викторовны до боли сжимали сумочку.

Андрей вел машину сквозь сплошной поток воды. Дождь хлынул внезапно, почти сразу образовав на дороге мощные пузырчатые потоки.

— Они играли во дворе с Юлькой. Ты же знаешь Лизу, она никогда не пожалуется. Юлька вернулась надутая и сказала, что Лиза не хочет с ней играть, что она устала.

Оксана сначала внимания не обратила на то, что Лиза молча к себе ушла. А когда поднялась, видит: той плохо. Белая вся. Ну, вызвали «скорую».

— Нужно было мне" звонить! Кузину! Всем!

— Всем и звонили, — огрызнулся Андрей. — У вас в клинике секретарша, как в замедленном кино: «Ах, извините, ах, не могли бы вы подождать...»

— Уволю! — Инна Викторовна скрипнула зубами.

— Нет, мать. На самом деле никто не виноват. Вы были на операции. А Лизку все равно бы отвезли в роддом, а не к вам.

Инна Викторовна снова принялась истязать мобильник, но связи не было. Словно дождь нарочно перекрыл все пути, чтобы она подольше помучилась в неведении.

Как назло, поток машин остановился. Они уперлись бампером в грязный желтый автобус. Где-то впереди образовалась пробка — дождь пришелся на час пик.

Внутри Инны Викторовны прыгало злое и беспокойное существо. Оно подзуживало, искало виноватых. Внешнее спокойствие Андрея она готова была принять за безразличие. Равнодушие стоящих впереди машин, льющейся с неба воды доводило Инну Викторовну до белого каления.

Ей казалось — все вокруг должно стремиться сейчас туда, где находится ее испуганная маленькая девочка. Все и все должны стремиться помочь ей.

Но ничего не менялось вокруг.

«За что мне это?» — подумала Инна Викторовна. И ее мысли стали крутиться вокруг этого вопроса.

Она стала искать в своей жизни источник такого чудовищного наказания.

То, что она бросила Лизиного отца? Это было так давно! Клиника? Но там она только отдает, выкладывается... Что, что в последнее время она делала не так?! Она взглянула на сына. Оксана! Она плохо говорит об Оксане и вообще чувствует к ней неприязнь. «Господи, прости! Сделай так, чтобы у Лизы было все хорошо, а я изменюсь к Оксане! Я ничего не стану говорить, я не буду вмешиваться, пусть будет как будет... Пусть живет у нас сколько понадобится... Ведь я ничего, я не против... Только пусть у Лизы все будет хорошо!»

И Стасик, вспомнилось Инне Викторовне. Как она вела себя в его юридической конторе... Странно, что в тот момент на здание не обрушился вот такой дождь! А то и с градом. Она там всех разнесла, включая эту его сожительницу. Нет! Только бы Лиза и ребенок остались целы и невредимы, а там она сама сделает все, чтобы Стасик забыл обиды, чтобы он вернулся к Ларисе. Она помирит их ради ребенка, даже если ей придется ползать перед этим боровом на коленях. «Я изменюсь, Господи! — мысленно с жаром уверяла она. — Я буду смиренна, как овца!»

Поток машин впереди тронулся. Андрей протяжно вздохнул.

Инну Викторовну нисколько не удивило, что в приемном покое уже толпились все домашние, включая Ларису. По-другому и быть не могло. Здесь же находился и доктор Кузин, в которого Инна Викторовна с лету вцепилась.

— Родила?

— Пока нет.

— Когда начались роды?

В полнейшем молчании собравшихся два врача обсуждали ситуацию. Только по выступившей на лбу женщины испарине и нервным пальцам мужчины можно было догадаться, насколько все серьезно.

Кузин увел начальницу в кабинет, и беседа продолжилась за закрытой дверью. Через час собравшиеся не выдержали — послали лазутчиком Андрея. Тот появился бледный и испуганный, молча прошел мимо всех, взял за руку Ларису и вывел ее на улицу.

— Что? — испугалась Лариса.

— Одно я понял: мучается сестренка и никто не может ей помочь.

Скулы Андрея дергались. Ларисе стало не по себе.

— Что-то не так?

— Лизка никак родить не может. Говорят, у нее узкий таз. Кузин предлагает кесарево делать, а

мать настаивает подождать.

— А как лучше?

— Не знаю... Конечно, Лиза спортом занималась, должна справиться.

Андрей выглядел растерянным. Руки шарили по карманам в поисках сигарет.

— Ты же не куришь.

— Забыл.,.

К ним вышла Оксана. Окинула быстрым взглядом обоих.

— Ну вот что. Ларке здесь делать нечего. Насмотрится — рожать не захочет. А ты, Андрюшка, не кисни. И не такое бывает.

Оксана оказалась самой трезвомыслящей из всей компании. Организовала машину, отправила домой Ларису и Андрея, чай сообразила для Инны Викторовны и Кузина. Вечером приготовила для всех ужин, а утром, до работы, заехала в роддом.

Инна Викторовна провела бессонную ночь. Лизе сделали операцию.

Сейчас Лизина мать походила на пьяную. Красные воспаленные глаза, блуждающий взгляд.

Оксана обняла ее за плечи:

— Ну, все же хорошо, Инна Викторовна! С внучкой вас! Та кивнула, вяло как-то улыбнулась:

— Намучилась доченька моя. Пришлось резать...

— Ничего, ничего. Не она первая.

— Да, ты права, Оксана. Но все же...

Кое-как удалось уговорить «прародительницу» отлучиться ненадолго домой. Там Инна Викторовна легла, но уснуть не смогла. Вдруг подскочила, бросилась к телефону. Позвонила своей старшей сестре Ульяне в деревню. С удовольствием напилась радостью родни и ее причитаниями. Наслушалась охов и ахов своей рассудительной сестрицы. Отмякла душой. Пригласила в гости. Ей вдруг захотелось видеть всех. Чтобы все радовались вместе с ней. И еще хорошо бы свалить на кого-нибудь часть переживаний. Вот в этом ей поможет Ульяна, которая в свое время, нянчила Лизу с Андрюшкой. Когда те были маленькими, а Инне приходилось много учиться, чтобы потом пробиться в этой жизни. Для Ульяны племянники — роднее родных, поскольку свои дети умирали один за другим еще в младенчестве. Не повезло.

Потом Инна Викторовна позвонила Верховцеву. Само вышло. Он поздравил и сказал обычные слова о том, что дети — наше продолжение, они же — цветы жизни и подарки судьбы. Инна Викторовна почувствовала в этих банальностях ноту тепла и соучастия.

— Это надо отметить, — добавил Верховцев.

Она нашла его предложение замечательным. Она встряхнулась, немного пришла в себя. Ее охватила жажда деятельности. Захотелось привести в порядок дом, купить вещи для малышки, устроить колыбельку.

Умару она звонить не стала. Она сделает это завтра. Ей казалось, что он сразу собьет ее с этого хорошего настроения, в котором она находилась. Он присвоит радость себе, и Лизу присвоит себе, и ту махонькую смуглянку девочку, которую Инна Викторовна уже видела через стекло! А сейчас все это принадлежит только ей. Ей одной.

На следующий день она объявила, что устраивает вечеринку по поводу рождения Машеньки. Имя выбрала Лиза, Инна Викторовна выбор одобрила. Пусть далеко, пусть в Африке, но — с русским именем! Молодец, Лиза!

Сразу после посещения роддома Инна Викторовна проехала по магазинам, набрала вкусностей.

А дома Оксана уже пекла, варила и дым стоял коромыслом.

Вернувшись домой, Инна Викторовна поднялась к себе переодеться.

Она смотрела на себя в зеркало и искала в лице перемен. Она — бабушка. Особых перемен не случилось. Она — моложавая бабушка и еще способна нравиться мужчинам. Внутри просыпался кураж. Она достала косметичку и поправила макияж. Немного румян оживили ее лицо. Вниз она спускалась посвежевшей, нарядной. Немного торжественной.

В холле стоял Верховцев с букетом гвоздик. Весь вечер Инна Викторовна принимала поздравления, находилась в центре внимания. Верховцев сдержанно ухаживал за ней, а самого Верховцева опекали Оксана и Кристина. И когда вечером она вышла к воротам проводить гостя, он сказал ей на прощание: «Рядом с вами я чувствую жизнь, Инночка...»

Он впервые назвал ее по имени, без отчества. У Инны Викторовны кружилась голова. Прощальная фраза полковника долго не шла у нее из ума.

К Лизиной выписке приехала из деревни Ульяна. Грузная, с больными ногами, Ульяна всегда умудрялась внести оживление в их дом, «навести критику» и перетрясти все устои. Инна Викторовна немного побаивалась сестрицу, хотя никогда себе в этом не признавалась. Ульяну усадили в гостиной и стали показывать фотографии. Та повертела в руках снимок Умару.

— А это что? Негатив?

— Какой тебе негатив? — обиделась Инна Викторовна. — При Лизе — не ляпни. Это зять мой, Умару.

— А, ба! — Ульяна прикрыла рот ладошкой. И снова поднесла снимок к глазам. — Да... Теперь вижу. Черней печной заслонки. — Ульяна крикнула и прищелкнула языком.

— Да ну тебя! — рассмеялась Инна Викторовна. — Как там в деревне? Рассказывай.

Старшая сестрица была той последней ниточкой, что связывала Инну Викторовну с родиной. Ей в самом деле было интересно, кто умер, кто на ком женился, кто с кем развелся, кто кого побил в той старой обветшалой деревне, где она когда-то босиком пасла гусей.

Часа два перемывали кости деревенским. При этом Инна Викторовна не забывала потчевать сестрицу городскими деликатесами — икрой, красной рыбой и морковью по-корейски.

Редкие, приятные минуты... Ничто не омрачало счастье новоявленной бабушки. Она готова была обнять весь мир. А уж когда Лиза с Машенькой приехали! Вот уж они с Ульяной в

очередь стояли, чтобы эту крохотульку Машеньку на руках подержать. Вот уж где обмирало сердце и дух заходил!

Лиза была слаба, и ей не разрешалось ничего делать. Мать и тетка с радостью освободили ее от хлопот материнства, таскаясь с девочкой целыми днями. Инна Викторовна клинику переложила на Кузина, не могла от внучки оторваться.

Вечерами, стоя с Ульяной по разные стороны колыбельки, они разглядывали глянцевое коричневое личико в розовых кружевах и умилялись до слез. Инна Викторовна и представить раньше не могла, что когда-нибудь дитя двух недель от роду, коричневое, как вакса, сумеет так крепко держать в кулачке ниточку от ее сердца. И дергать эту ниточку туда-сюда.

— И что-то Лизино есть, — находила Ульяна, склоняясь к колыбельке.

— И мое. Нет, не мое, мамки нашей, а, Уль? — серьезно добавляла Инна Викторовна, соединяя воедино черты свои и матери, а значит, и ее — Ульяны. Та кивала блаженно, не спорила. Обе они плавились над той колыбелью в экстазе нового для них всепоглощающего чувства.

Но все хорошее почему-то дается человеку понемножку.

К концу месяца за Лизой прилетел Умару. Привез всем подарки. И ей, Инне, красивую скатерть подарил. В белых заморских цветах.

Но у Инны Викторовны что-то уже заняло в душе. Ничего она с собой поделывать не могла.

Лиза и Умару заперлись у себя и не выходили целую вечность. А когда вышли, Инна Викторовна по дочкиному лицу поняла — все. Улетают. Ускользает у нее из рук и дочка ее, птичка перелетная, и внученька Машуня, к которой приросла сердцем. По живому рвать придется...

И обиду свою на зятя сдержат не смогла. Когда одни остались, рассказала ему про Лизины роды. Как Лиза мучилась.

— Не приспособлена она много рожать! — хмуро заявила Инна Викторовна. — Снова кесарить придется.

Умару улыбался и кивал. Ее это взбесило. Подумалось: «Чего тебе не кивать, заслонка ты печная! Радуешься, что дочку мою с внученькой на край света уволокешь снова! Так бы и ударила кулаком по лбу!»

— Другой раз рожать станет, трубы ей перевяжи, — проворчала она. — Хватит двоих детей.

— Двое в Африке мало! Надо много! Надо мальчики! — засмеялся Умару.

Инна Викторовна скрипнула зубами.

— Ты не видел, как Лиза мучилась! — рявкнула она. — А я тебе говорю: хочешь жену сохранить — на следующих родах перевяжи трубы!

Встала и ушла к себе в комнату. И остаток вечера была мрачнее тучи.

А в день, когда они улетали, Инна Викторовна на кого только не сорвалась! Всем досталось. А когда в Лизину комнату зашла и на колыбельку пустую наткнулась, приказала Андрею: «Разбери! Унеси на чердак!»

— А может — пригодится? Через год Лизка снова прилетит рожать. Спорим, мать?

Но мать не оценила шутку. Колыбельку разобрали и унесли с глаз долой. В доме воцарилась неестественная тишина. А Инна Викторовна чувствовала себя так, словно с души ее содрали слой кожи. Она знала: это место будет долго-долго болеть. Когда еще заживет?

\* \* \*

Петров носил дочку на руках, словно ей было три года. Он ходил по утоптанной дорожке огорода вверх-вниз и уговаривал:

— Совсем скоро мы будем вместе. Теперь меня взяли на хорошую работу. К сентябрю я куплю тебе портфель и заберу тебя в город...

— Ты каждый раз обещаешь... А я все живу и живу тут, у бабушки!

— Я тоже очень хочу, котенок, чтобы мы жили все вместе. И все для этого делаю.

— А почему та тетя с тобой не приехала?

— Тетя? Какая тетя?

Петров отлично понимал, что речь идет о Ларисе, но совершенно не был готов говорить об этом с дочерью. Ему хватило вопросов сына, которых после выходки Ларисы было предостаточно.

Он не знал, как объяснить детям, что происходит. Но то, что что-то происходит, чувствовали все.

— Она мне понравилась, — сказала мать, едва Петров переступил порог ее дома на этот раз.

— Мать, я ведь объяснил тебе, это учительница Санькина и больше ничего!

— Ой ли? — прищурилась мать. — Дело ваше. Я только говорю тебе: она мне понравилась. Видная женщина. Уважительная.

— Ну-ну.

Петров не стал спорить, оправдываться, тем более что в душе ему было приятно слышать хорошее о Ларисе.

Петров распрощался с матерью и дочкой, сел в машину и погнал ее проселочной дорогой. А когда выехал на шоссе, включил музыку. Старая мелодия группы «Абба» мгновенно сделала свое дело — воскресила в душе то, что Петров давно считал намертво забытым. Он с досадой выключил радио. Не хотел вспоминать. Но теперь музыка сама собой звучала в душе. Он свернул с трассы и подъехал к реке. Соблазн запалить костер и посидеть возле в одиночестве оказался слишком велик.

Он наскоро насобирал хвороста и соорудил костровище. Сухие сучья трещали в прозрачном пламени, а он курил и смотрел в огонь. Река цвела, зеленые грязные волны бились о берег. Все это вместе — музыка радио, плеск волны и запах скошенной травы — властно выдернуло из души целый пласт воспоминаний. Их институтское лето, студотряд в подшефном колхозе, барак, который отвел им завхоз.

Днем работали — куда пошлют. Ворошили зерно на складах; сено складывали в скирды; собирали яблоки и груши в садах. Может, и уставали, но только теперь память хранила это время без примесей, чистое, как наливка, которой их потчевала баба Глаша. У нее же брали густое-прегустое молоко, поглощали его преимущественно вечерами, с ноздрястым деревенским хлебом. Кормили в колхозе знатно — щами, желтой пшенной кашей и ломтями тушеной говядины. До сих пор он помнит неповторимый вкус той студотрядовской пшенной каши. И Лену помнит — первую свою любовь. Он тогда был уверен, что никого, кроме Ленки, любить не сможет, что он — однолюб. Много лет так думал.

Ленку он любил долго. С первого курса. Любил издали. А она об этом догадывалась. Но у нее был парень. А потом с этим парнем что-то у них разладилось. И началось лето, студотряд. Он, Сашка Петров, студент-третьекурсник, наконец-то осмелился подойти к Ленке. Чем она так его зацепила? Наверное, тем, что не обращала внимания. И тогда он начал из кожи лезть, чтобы обратила. Он таскал ей кувшинки из деревенского пруда, воровал для нее сочные груши в садах у колхозников и носил ей из леса крупные лиловые колокольчики.

А по вечерам в колхозном клубе были танцы. Магнитофон орал «Аббу» и «Бонн М». Сашка приглашал только Лену. Все медляки. А его приглашала Ира. Сначала он не придавал этому значения. Ну потанцевал с ней, ну потрепался о чем-то отвлеченном. Но Ира пригласила его еще. И еще. А в столовой он однажды поймал на себе ее пристальный взгляд, чуть не подавился. И потом, после реки, когда парни мокрые, полуголые возвращались гурьбой с купания и девчонки попались навстречу, Ира, проходя мимо, провела ладошкой, как бы невзначай, по его мокрой груди и протянула:

— При-ве-ет...

Тогда Сашка понял, что является составляющей самого настоящего любовного треугольника: Лена — Саша — Ира.

Нет, об Ире и речи идти не могло! Он ее никогда не замечал. Хотя пришлось. Она стала попадаться ему на глаза. Остроносая, быстроглазая. Он не смог бы сказать — красивая она или нет. Тогда весь мир делился для него на две части: Лена и... остальные девушки. Теперь-то он понимает, что и Лена в общепринятом смысле красавицей не была, но... Выходили девчонки на крыльцо сельского клуба, и он видел ее одну. словно волшебный фонарь мгновенно высвечивал ее из толпы.

А вот Ира... Та словно из-под земли выростала. Он всегда пугался ее появления. И как оказалось — не зря пугался.

То лето, между третьим и четвертым курсами, было таким насыщенным на чувства, что навсегда врезалось в память. Плотное, до мелочей. Он помнил вкус деревенского хлеба и вкус молока. Густой камфорный запах пижмы по дороге на полевой стан... Крепкий, чадающий дух трав за селом, куда с Леной ходили гулять вечерами. Первая ассоциация со словом «счастье» для Петрова — эта деревня. Студотряд. Лена.

Отношения развивались медленно, не бурно. Но — развивались. Она соглашалась на его предложения погулять, она танцевала с ним. И он не торопил события. Он видел: Лена точно оттаивает от глубокого потрясения, она пока не готова к бурным проявлениям чувств. А он готов был ждать, сколько понадобится. Дело в том, что он-то любил ее давно, помнил ее всякую. Первокурсницу с наивными глазами, второкурсницу — влюбленную и грустную. Взгляд у нее тогда и Вправду изменился. Петров это помнил хорошо. И своего соперника он невольно изучал тогда. И бесился, и злился, и ждал. И его терпение было вознаграждено — они

расстались.

Итак, к четвертому курсу он знал о Лене довольно много, а она о нем — ничего. Она присматривалась к нему, терпеливо выслушивала его бестолковую болтовню, его шуточки. А он, надо сказать, соловьем заливался! И гуляли они ночи напролет, и, наверное, поэтому горячий дух разнотравья так врезался в память. Был настоян на поцелуях. Целовались... Да где они только не целовались! Сидя на огромном стоге сена за селом, провожая малиновое солнце, и в молочно-теплой ночной реке, и в чужом саду, густо пахнущем нагретыми солнцем яблоками.

Но — только целовались. Больше ему ничего не позволялось. Он смиренно соглашался, что — да, все будет потом, после свадьбы. А свадьбу было решено играть осенью, в институтском общежитии, студенческую. Они строили планы и снова обсуждали детали. И целовались — до боли в губах.

Однажды он, как обычно, возвращался со свидания, уже почти дошел до своего барака, когда вплотную столкнулся с Ирой.

— Кого я вижу! — воскликнула она, хотя Петров не сомневался: столкновение не было случайным. Ира где-то поблизости отиралась, поджидая его.

Она что-то такое затянула насчет тех, кто бродит по ночам, но он ответил:

— А сама? Чего бродишь?

Ира взяла его за плечи с самым таинственным видом. Развернула в сторону леса. Там, над самыми макушками сосен, спелым персиком висела луна.

— Я вожу на полную луну, — протяжно, словно передразнивая персонаж из фильма ужасов, пропела Ира.

— А-а... — протянул Петров и зевнул.

И тогда Ира рассмеялась и бросила в него горсть каких-то цветов. Или листьев. Короче, это были растения, которые она надергала, поджидая его. Так он тогда думал. Он ни в какую ворожбу не верил и сейчас не верит. Пришел в барак, забрался на свою постель и уснул молодым сном без сновидений.

Спал он в то лето не больше четырех часов в сутки, но усталости не ощущал. В нем ключом бил избыток жизненных сил.

Как-то в самом конце смены Лене понадобилось съездить домой. То ли мать заболела, то ли бабушка. Он проводил ее до райцентра, в поезд посадил. Вернулся, а в отряде — дым коромыслом. У кого-то из девчат день рождения. Стол студенческий — огурцы, консервы. Наливка бабы Глаши. Все девчонки в венках, в глазах зарябило. Он только вошел, ему с порога: «Опоздавшему — штрафную!» И Ира протягивает ему полный стакан этой самой наливки. И ведь ничто ему не шепнуло: «Не пей, Сашка, из ее рук!» Ничто не шепнуло. И он выпил. До дна. А Ира, пока он пил, стояла и смотрела на него в упор. И, как ему показалось, шептала что-то себе под нос. Он выпил и язык ей показал. Не шепчи, мол, не выйдет! А она в ответ рассмеялась, кинулась к нему и поцеловала в губы. Ее оттащили, напомнили, что не она именинница. А потом, когда «уговорили» пятилитровый бидончик наливки, слопали все огурцы и вылизали банки из-под шпрот, отправились купаться. Бесились в воде дотемна, а потом, кто был в состоянии куролесить дальше, отправились на танцы.

Петров на танцы не пошел, потому что был один, без Лены. И решил, что в одиночестве обойдет все их с Леной места. И, в сладком опьянении от любви и от наливки, двинулся простеньким деревенским маршрутом. Он шел и улыбался своим мыслям. Думал о Лене, о том, как безумно он ее любит. Мечтал...

Ира выросла как из-под земли.

Она была в одном венке. Было темно, и луна шла на убыль, но он сразу понял — она голая. Петров попятился, но Ира наступала на него и тихо говорила свое. Как заклинание, повторяла: «Ты мой, Сашенька, ты мой. Сегодня никто не помешает, сегодня ты мой...»

Петров понял, что Ирка перепила и завтра они оба пожалеют обо всем. Он был, конечно, пьяный, но не настолько, чтобы переспать с кем угодно. Какой-никакой контроль еще пульсировал в глубине сознания. Он начал утешать Иру словами:

— Ты хорошая, Ир, ты мне нравишься... Но я не могу... Я Лену люблю, ты же знаешь. Мы женимся. А у тебя все еще будет...

Он пятился и в конце концов уперся спиной в стог.

— Ничего не говори, Сашенька. Только сегодня... Один раз...

Она подошла к нему вплотную, прямо по мозгам ударил запах ее тела — запах молодой женской страсти. Она взяла его руки и положила себе на грудь...

...Утром Петров проснулся от палящего солнца. Оно жгло затылок. Где-то рядом тарахтел трактор, на телеге гремели бидоны. Он лежал в стогу, совершенно голый, а его штаны и кроссовки валялись поодаль. Голова гудела так, что он не мог идти. Каждый шаг отдавался набатом в голове. Кое-как добрел до реки, лег в воду у самого берега — отмокать. Кое-как отошел.

Ира после того случая как бы исчезла с глаз. Вела себя тихо, не докучала. Потом, на трезвую голову, Сашка Петров даже начал сомневаться: а было ли что или ему по пьянке привиделось? Было очень удобно думать, что привиделось.

У них с Леной все закрутилось, они не могли друг без друга ни минуты. Он сидел у двери ее аудитории, поджидая окончания лекций. Он таскался с ней по музеям и выставочным залам, а по выходным разгружал вагоны, зарабатывая на свадьбу.

А в «октябре багрянолистом» в один из теплых дней его догнана Ира и буднично так спросила:

— Ты еще не обедал?

Сашка всегда терялся в ее присутствии. Не знал, куда глаза деть. Ему хотелось на все ее вопросы ответить отрицательно. И он с готовностью покрутил головой. Нет, не обедал.

— Тогда пошли впельменную. Я угощаю.

— Что, есть повод? — тупо ляпнул он, придумывая правдоподобную отмазку.

— Есть, — коротко согласилась Ира. Взяла его за руку и повела.

Отмазки он так и не придумал. Покорно проследовал за ней в маленькую пельменную, расположенную в подвальном помещении недалеко от института. Послушно взял из рук

глиняный горшочек с пельменями. Места в этом заведении были только стоячие, с крючками для сумок. Расположились в углу. Петров давился пельменями, запивал компотом и лихорадочно вспоминал все слышанные когда-либо анекдоты. Пытался острить. Ирка ела молча, изредка поглядывая на него. Ее молчание напрягало. Оно не соответствовало ее природе, за ним что-то крылось. Он приготовился твердо дать отпор, если она вновь попытается «посягнуть на его честь».

Девушка доела пельмени, задумчиво поковыряла в зубах. И сообщила:

— Петров, поздравляю. Я жду от тебя ребенка.

Это был ход конем. Он испугался так, что едва не рухнул. По крайней мере очень пожалел, что столовка без стульев. Он почему-то сразу понял, что она не врет. Поверил. Его внутреннее «я» так сопротивлялось услышанному, что он чуть не заплакал. Он был готов убить ее. Стукнуть глиняным горшком по голове — и убить!

— Я люблю тебя и в любом случае рожу этого ребенка, — сказала она твердо, вытерла губы, повернулась и пошла.

Она поднималась вверх по узкой каменной лестнице подвала, а он, раздавленный, тупо смотрел ей вслед.

— Ленке не говори! — вдруг спохватился он. Ира дернула плечом.

Он чувствовал себя так, словно услышал смертный приговор. Он понял, что обречен. Ирку он не знал, а она, оказывается, изучила его хорошо. Она была на его порядочность. А Сашка Петров был порядочным до мозга костей. И ответственным. Он в группе своей был старостой, а в студотряде — командиром. Она знала, что он не бросит ребенка. И поэтому не разводила соплей, не умоляла, не грозила. Объявила и стала ждать.

Из той столовки он как чумовой понесся искать Лену. Страх потерять ее гнал Петрова как ошпаренного. Обегал все аудитории, не нашел. Сказали, что она пошла в общежитие. Он помчался в общагу. Перед ним закрыли дверь. Она не хотела его видеть! Недооценил он Ирку, крича ей вслед: «Не говори Лене!» С Лены она и начала. Объявив новость его невесте и поведав все «как было, не таясь», она отправилась кормить его пельменями.

Петрову было — хоть стреляйся. Парни из общежития сочувствовали и давали советы. Засылали послов к Лене — бесполезно. Тогда он решил напиться и пойти к Ирке, сказать ей честно, что он о ней думает. Он выпил два стакана, но так и не опьянел. Но к Ире он все-таки пошел. Девочки из ее комнаты объявили, что Иру положили в больницу на сохранение.

Тогда он опустил на пол посреди коридора и от злости и бессилия, матерясь и ругаясь, заплакал.

В тот же день, когда Ирка вернулась из больницы, Лена бесследно исчезла из института и из жизни Петрова. Она забрала документы и перевелась в другой вуз. Он знал, что искать ее бесполезно. Ему нечем было оправдаться перед ней.

У Ирки беззастенчиво рос живот. Чтобы Сашка не сомневался, она все справки из больницы приволокла, где сроки указаны. Он и без справок не сомневался, что это его ребенок.

Она не ходила за ним и ни о чем не просила. Но он и сам знал, что должен что-то решать. Выпив водки, он отправился выяснять отношения.

Девочки, как только он вошел, тактично растворились, оставив их вдвоем.

— Как только ребенок родится, распишемся, — объявил он угрюмо.

Ира молча смотрела на него. В ее глазах появилось что-то знакомое. Когда-то он уже замечал у нее подобный взгляд. В нем не было вины, раскаяния или боли. В нем были ожидание, заинтересованная радость, едва сдерживаемое торжество.

Он разозлился.

— Это я делаю только ради ребенка. А тебе никогда не прощу!

Ему хотелось наговорить ей еще кучу резких слов, его подмывало наорать на нее, выплеснуть на нее всю злобу. Он почувствовал, как раздуваются собственные ноздри. И снова наткнулся на ее ненормальный взгляд. Да, именно — ненормальный! Она смотрела на него пристально, с любопытным ожиданием одержимой. Так, наверное, туристы наблюдают в бинокль за кратером действующего вулкана, который вот-вот начнет извержение. Его ошарашил ее взгляд. Она ожидала его всплеска, его ругани с каким-то тайным предвкушением. Она наслаждалась его бешенством!

Он оцепенел в замешательстве. Она подошла к нему вплотную и цепко обвила его руками.

— Как мне нравится, когда ты такой!

Он открыл рот, чтобы что-то ответить, но она впиалась в него поцелуем.

«Она — ненормальная», — мелькнуло у него в голове. И потом в их семейной жизни, когда они окончили институт и уехали по распределению вдвоем с маленьким Сашкой, эти дикие сцены неизменно повторялись, предшествуя сексу. Она доводила его до бешенства, а затем набрасывалась на него, как изголодавшееся животное. По-другому у них не было. Зачем он был нужен ей, почему она так добивалась его, для Петрова осталось загадкой. Он так и не смог ее полюбить. Детей любил, жену — никогда. На этой почве у них постоянно случались скандалы. Начинались они с пустяка, с какой-нибудь придирки, мелочи. Потом она обвиняла его в равнодушии, черствости. — А ему нечего было возразить, нечем прикрыть свою нелюбовь. Ирка была несчастна в браке. Но вцепилась в мужа мертвой хваткой. Петров так и не понял: откуда она черпала вдохновение любить его без ответа?

Когда Санька подрос, Петров надумал уйти. Он предложил ей расстаться, и если она отдаст Саньку-то он оставит ей квартиру. И все нажитое. Ирина к сыну была равнодушна, хоть он всегда был копией отца. Наоборот, она частенько изливала на него свой гнев. Но здесь она пошла на принцип. Заявила, что ни за что не отдаст ребенка, вообще не разрешит им видеться.

«С нее станется», — подумал Петров. Разразился скандал, который, как водится, закончился яростным, злым сексом.

Петров понимал, что на скандалах держится его семья и что рано или поздно она рухнет. Ирина решила укрепить брак, родив второго ребенка. Так появилась их дочка, Анечка. Рождение дочки мало что изменило. Петров допоздна задерживался на работе, выходные проводил с сыном — то на стадионе, то на рыбалке. Он буквально не мог находиться дома. Ирина цеплялась за все. Она требовала любви, а ему нечего было дать ей.

Петров думал, что он однолюб. Много лет так думал. Пока не встретился с Леной. Она остановила его на вокзале. Она узнала его, а он ее — нет. И увидел бы — прошел мимо, не

узнал. И первые минуты встречи, и потом, позже, он все вглядывался в нее, пытаясь отыскать в ней ту, прежнюю, Лену. Они посидели в привокзальном кафе, поговорили.

— Ты все такой же, Саша. Только шевелюра выгорела, — смеялась Лена. — А я теперь деревенская. Заметно?

— Заметно, — кивнул он.

Лена расплнела, и загар у нее был деревенский — руки, лицо и вырез на платье. Рядом с ней стояла огромная клетчатая сумка, полная пустых банок.

— Молоко ездила продавать, — охотно пояснила она. Оказалось, Лена тогда перевелась в педагогический, а окончив его, угодила по распределению в деревню. Там и сейчас работает учительницей в школе. Вышла замуж, родила троих детей. Все как у людей.

Пожаловалась, что учительская зарплата — кошкины слезки. Мужу-трактористу тоже месяцами зарплату не платят. Приходится держать скотину — коров, свиней, птицу.

— Только этим и спасаемся, — закончила свою повесть Лена, улыбнувшись и сверкнув позолоченным зубом. — Ну а ты как? Женился тогда на Иринке? Сколько детей?

Петров рассказал Лене голые факты своей жизни. Работает на заводе, сын уже большой, а дочка совсем маленькая. Все как полагается. Когда объявили Ленину электричку и он посадил ее в вагон, в душе у него загорчило, и ему стало не по себе. Когда электричка умчалась, увозя Лену, он почувствовал облегчение. И понял, что эта горечь и эта обида — не оттого, что первая любовь в душе всколыхнулась, а оттого, что у него отняли эту питающую много лет иллюзию. У него отняли любовь.

Ирину он не любил и любить никогда не сможет. А Лену он тоже любить больше не может, потому что той Лены — нежной, юной и застенчивой — больше нет. У него словно отняли саму возможность любить. И оказалось, что он, взрослый мужик, нуждается в этой сказке. Он должен любить кого-нибудь.

Ему стало так одиноко, так грустно. Так странно было на душе, что, придя домой, он зачем-то все выложил Ирине. Он сказал ей, что встретил Лену, что не узнал, что она очень изменилась. Попытался передать Ирке свои чувства, но ощутил, что у него ничего не получается. У него язык деревенеет под ее взглядом, и слова получаются какие-то квадратные. Ирина молча слушала его, курила и смотрела в окно. А потом развернулась и посмотрела на него в упор. И ее взгляд напугал его в который раз.

— Я ненавижу вас всех! — выплонула она в него первую фразу. — А особенно эту твою Ленку! И пусть хоть затрахается в своей деревне со своими коровами! Тоже мне — мадонна! Столько лет! Она отняла у меня все, понимаешь?

Ирина подскочила и стала метаться перед ним, роняя табуретки и расшвыривая их ногами. Он сморщился, как от зубной боли. Ирку было не остановить. Он обречен был перенести очередную истерику.

— Детей перепугаешь, — тихо предупредил он.

— И дети тебе не нужны! Столько лет ты потратил на то, чтобы думать о ней, переживать, лелеять ее священный образ! Как же, память о первой любви свята! Зато она по тебе недолго тосковала! И мужа нашла, и детей настругала! Убедился теперь, чего стоила она, ваша драная

любовь?! Из-за чего я лучшие свои годы страдала? Из-за призрака! А призрак даже на тридцать процентов не сошелся с оригиналом! Ха-ха-ха!

Ирина захохотала нехорошо, с надрывом. Петров кинулся дать ей воды, но она оттолкнула его. Она обругала его грязно, длинно, разбила стакан и, пока он собирал осколки, выбежала в коридор. Потом он собирал по памяти все звуки ее ухода. Да, он откопал в закоулках подсознания тот звук — бряцание ключей от машины. Но это было потом. А тогда он даже не предположил, что Ирина в таком состоянии додумается сесть за руль. Заплакала дочка, и он отправился успокаивать детей. Он был уверен, что Ирка спустится на первый этаж, к своей приятельнице. Где они, как обычно, пропустят по рюмочке, выкурят по сигаретке и, перебив кости мужьям, успокоятся. В ту ночь Ирина не пришла ночевать. А наутро ему сообщили, что его жена не справилась с управлением и на полном ходу врезалась в дерево.

...Костер догорел, на реку легли сумерки. Ветер стих, и волны теперь чуть слышно шелестели у берега. Петров набрал воды в консервную банку, залил сочащийся из-под пепла жар — Огонь, отплевываясь, покорился воде. Стало совсем темно. Петров сел в машину. Приближаясь к городу, он все больше возвращался мыслями в настоящее. Он думал о новой работе, о предстоящем периоде привыкания. О том, поглажены ли брюки от костюма и осталась ли дома картошка. Но во все эти думы тихонько проникали мысли о Ларисе, которая своей выходкой невольно всколыхнула в нем самое сокровенное, самое темное. То, что лежало в нем глубоко-глубоко. Он не хотел признаваться себе, что Лариса напомнила ему обеих — и Лену, и Иру одновременно. Она соединила в себе мягкость и устремленность Лены, той Лены, которую он помнил, и неуправляемость Ирины. Она испугала его тем, что в точности повторила выходку Ирины. Он не мог пережить такое во второй раз. Он не хотел подвергнуть такому испытанию детей. Он сказал себе: «Стоп!» Пусть будет как будет. Он не станет ни в чем убеждать Ларису. Не станет бегать за ней и на чем-то настаивать. Пусть она поступает как знает. Ему не нужны эти страсти-мордасти. Он наелся ими досыта. Он хочет любви и покоя. Покоя и любви.

Он никогда не любил Ирину. Он больше не любит Лену. И справится со своей, словно свалившейся с неба, любовью к Ларисе.

## ГЛАВА 18

— Ларочка, чем ты занимаешься? — Инна Викторовна прошла в комнату, где не была много дней. Лицо племянницы прилипло к компьютеру. Она кивнула и сделала тетке знак проходить. Та огляделась придирчиво и поймала себя на мысли, что ищет изменений в интерьере, следов присутствия чужой женщины. Наверняка Стае приводил сюда свою любовницу, пока Лариса жила у тетки.

— Пишу проект, — не оборачиваясь, бросила Лариса.

— Проект? — с преувеличенной заинтересованностью повторила Инна Викторовна. Пробралась поближе к племяннице и, постояв без дела, опустилась в кресло. — Это что-то новенькое. Это как-то связано с раскопками?

Лариса закончила предложение, поставила точку и с хрустом потянулась. Развернулась в сторону тетки.

— Да, тетя, это связано с раскопками, с нашими находками.

Глаза Ларисы блестели. Никогда прежде Инна Викторовна не видела сбою племянницу столь одухотворенной.

— Наши находки подтверждают версию, что в этих краях существовало племя с укладом матриархата. И вот краеведческий музей, и университет, и научное общество — все заинтересовались этим фактом. Мы с Прытковой задумали организовать что-то вроде игры...

Инна Викторовна терпеливо слушала. Она жаждала поговорить с Ларисой на темы, далекие от научных изысканий. Если бы Лариса не пережила шок, а была в своем обычном состоянии, то Инна Викторовна обошлась бы с ней без церемоний. Она задала бы ей перцу! Но Лариса вернулась в свою квартиру, оградив тем самым себя от теткиного влияния. Трудно. Приходится постоянно поощрять Ларисину откровенность. Нужно давать ей выговориться.

Инна Викторовна принялась вникать в детали Ларисиной задумки.

— Как интересно! — воскликнула она.

— Если проект получит грант на всероссийском конкурсе, то это будет здорово! — воодушевилась Лариса. — В игре будут принимать участие и ребята, и родители. Все будут жить по законам племени, которые сами придумают и утвердят. Дети будут изучать лекарственные травы, узнавать историю родного края...

— Это социальный проект, — сказала Инна Викторовна очевидное. Она не понимала племянницу. И в то же время уговаривала себя, что именно так должны работать учителя. Она делала вид, что ей безумно интересно.

— Если мы выиграем грант, это будет такая поддержка для нашего исторического клуба! Мы приобретем палатки, спальные мешки, все снаряжение.

— Представляю... — протянула Инна Викторовна, еле сдерживая себя, чтобы не топнуть ногой и не напомнить: «Детка, ты беременна! Какие такие палатки?»

— Мы оформим исторический кабинет, как давно мечтаем.

— Все это хорошо, Ларочка, — пряча взгляд, подытожила тетка. — И я от души желаю, чтобы твой проект победил в конкурсе. Более того, я почти уверена, что так и будет. Но я зашла поговорить с тобой о другом, детка...

— О чем, тетя? — Лариса терпеливо улыбалась.

Инна Викторовна поняла, что больше всего племянница жаждет остаться наедине с компьютером. Но все же сделала глубокий вдох и начала:

— Я только что была в нотариальной конторе и беседовала с твоим мужем.

— Зачем? — Выражение лица племянницы, как и ожидала Инна Викторовна, изменилось.

— Ну, я как-то была зла, наговорила ему лишнего... А теперь, раз ты решила вернуться, я подумала...

— Тетя... — почти простонала Лариса.

— Да. Я пересилила себя, скрутила в узел свое отношение к нему и пошла мириться. Заметь, ради тебя!

Лариса терпеливо слушала. Инна Викторовна сделала паузу, полагая, что, возможно, племянница сама захочет прояснить ситуацию, но та молчала.

— Я узнала, что, несмотря на твое возвращение, вы все еще не вместе? Это плохо!

Лариса пропустила мимо ушей замечание тетки. Она отправилась на кухню ставить чайник.

— Я спросила его напрямую, что он намерен предпринять в отношении тебя и ребенка. И ты знаешь, он не был столь категоричен, как в прошлый раз! Он отвечал очень обтекаемо, твой Стасик. И я вижу, что он на перепутье. Это плюс! Я намекнула, что не прочь помирить вас ради ребенка.

Инна Викторовна иногда скатывалась на пафос, знала за собой такой грешок. Но — или гнев, или пафос. В случае с Ларисой гневаться опасно. В конце концов Инне Викторовне удалось притушить пафосные нотки. Она продолжала осторожно, стараясь не упустить выражение глаз племянницы:

— Но... он очень обижен.

— Вот как?

— Да, Ларочка. И его можно понять. Там, в лагере, этот Петров наговорил ему всякого. Даже такое, от чего уши вянут. Будто это и не его ребенок!

— И Стае обиделся?

— Любой бы на его месте обиделся! Ведь ты не стала опровергать это идиотское утверждение. Это кого хочешь унижит. А уж Стасика!

Лариса спрятала улыбку, но Инна Викторовна успела разглядеть. Чему она улыбается? Всего она ожидала, только не этой беззаботной улыбки. У Ларисы явно не все в порядке с головой. Зря Кузин так расслабился. Психотерапия тебе не гинекология, где все пощупать можно.

— Ларочка, я боюсь, ты не полностью отдаешь себе отчет... Да, он изменил тебе, он виноват. Но нужно простить, дорогая, нужно сойтись. Ты, детка, можешь представить, как растить ребенка на учительскую зарплату? Нет, я, конечно, не отказываюсь тебе помогать, но... Полноценная семья — это другое. Тем более что Стасик неплохо зарабатывает.

— Тетя, перестань.

— А что я такого сказала?

— Ничего. Я тебя очень люблю, тетя. Очень. Но мы все уже взрослые люди. Да, мы вляпываемся в истории и бежим к тебе. И очень тебе благодарны, но... Я тебя очень прошу: дай мне самой разобраться. Дай мне решить самой и про ребенка, и про все.

Инна Викторовна с жалобным выражением лица смотрела на племянницу. Она почти не слышала слов, ее поражала интонация. Лариса говорила как сильная и уверенная в себе женщина. А ведь она знала Ларису с детства. Никогда племянница такой не была. Ларка всегда нуждалась в опеке, в совете и всегда эти советы получала в избытке. Что же ее могло так изменить?

— Твой Стае сказал мне такое... — Инна Викторовна решила раскрыть последнюю карту. — Он передал мне свой разговор с этим, Петровым. У тебя что, роман с ним?

Лариса не услышала вопроса. Или сделала вид, что не услышала.

Тогда Инна Викторовна осторожно произнесла:

— Ведь этот Петров объявил, что и ребенок вроде как от него. Ну уж это — сущий бред. И Стасик согласен, что бред. Он только не понимает твою позицию в этом вопросе... — Инна Викторовна не договорила.

Лариса, показывая, что разговор окончен, резко повернулась к компьютеру.

— Извини, тетя, мне нужно работать. Я обещала Прытковой привезти на днях черновик.

Если до этой минуты Инна Викторовна была уверена, что подозрения Стаса беспочвенны, являются пустой ревностью, то сейчас ее уверенность поколебалась. Она словно с разбегу в стену лбом вписалась.

— Значит, ты опять в свой лагерь поедешь? На днях? — уточнила она.

— Поеду, — подтвердила Лариса. — У меня там дела.

— А... ну конечно, — не удержалась от усмешки Инна Викторовна.

Лариса, не поворачиваясь от монитора, пресекла все ее намеки:

— Отец Саши Петрова больше в лагере не работает, тетя. Если ты об этом.

— А почему?

— Потому, что он устроился на работу в охранное предприятие «Триумф». Еще вопросы есть?

Инна Викторовна вернулась домой в полном смятении. За минуту пребывания на кухне умудрилась разбить тарелку и опрокинуть стакан с водой. В конце концов она прошагала в гостиную и плотно прикрыла за собой дверь. Набрала номер Верховцева и после первых приветственных фраз выложила ему свою просьбу:

— Володя, я знаю, что по своим каналам вы можете навести справки о любом человеке.

Верховцев, поощренный, забубнил на том конце провода слова уверения, что она не ошиблась в нем.

— Мне нужны сведения об Александре Петрове, который недавно устроился в охранное предприятие «Триумф». Я хочу знать о нем все.

— Будет сделано! — по-военному четко ответил Верховцев.

\* \* \*

Петров оставил машину у опушки и быстро двинулся вдоль палаток, заглядывая под каждый полог. От костра ему махал руками Сашка. Петров сделал знак сыну и стал спускаться.

— Пап! Если ты ищешь Ларису Николаевну, она на раскопках, — доложил отпрыск.

Отец дернул плечом. Возразить нечего. Он действительно искал Ларису и был так зол, что едва владел собой.

— Я тебе там одежду привез чистую, — бросил сыну и пошел в указанном направлении. Кто-то

из девчонок хихикнул в спину.

Лариса сидела на корточках и пристально изучала какой-то предмет. Она обернулась лишь тогда, когда несколько студенток хором прокричали:

— Здравствуйте, Александр Андреич!

Она оглянулась, и они встретились взглядами.

— Здравствуй. Нам нужно поговорить.

— Прямо сейчас? Это не может подождать? У меня много работы.

Лариса отвернулась и принялась укладывать глиняный Черепок в коробочку. Она не видела, как у Петрова раздуваются ноздри. Она и охнуть не успела, как он подхватил ее и на глазах у изумленных студентов потащил прочь. Она шипела, размахивала руками, но он поставил ее на землю только тогда, когда дошел до реки.

— Что ты себе позволяешь?! — закричала Лариса, поправляя на себе одежду.

— По-моему, это как раз ты позволяешь себе больше положенного! — подхватил Петров и, не в силах стоять на одном месте, стал ногами месить песок вокруг Ларисы. — Я не знаю, что ты себе возомнила, но думаю, что ты решила испортить мне жизнь!

— Я? — Лариса задыхнулась от возмущения. — Да я... да ты... Ну и наглость!

Ей хотелось схватить горсть песка и швырнуть ему в глаза! Она едва сдерживалась.

— Я только что с таким трудом устроился на хорошую работу! Я проработал меньше недели, и узнаю, что твоя тетка через подставных лиц собирает сведения обо мне в моей фирме!

— Что?!

— Только не делай вид, что ты ничего не знаешь! Ну и как тебе моя биография? Подхожу я тебе или недостойн?!

Лариса молча смотрела на него, потом отвернулась к воде:

— Да пошел ты...

Она села у самой кромки воды, чтобы вода доставала пальцы ног.

— Я никогда не додумалась бы что-то узнавать о тебе в фирме. Зачем мне это нужно?

Услышав, из-за чего он злится, Лариса сразу как-то успокоилась и потеряла к Петрову интерес.

Он оказался в дурацком положении. Ходил сзади по песку и молча пытался, не зная, как разрулить ситуацию.

— Тетя, конечно, могла, — вслух подумала Лариса. — Она до сих пор считает нас детьми.

— Если бы ты хотела, я сам бы все тебе рассказал о себе.

Петров подошел и сел невдалеке на песок.

— Ну так расскажи, — отозвалась Лариса. — Я ничего о тебе не знаю, кроме того, что у тебя двое детей.

— Я вдовец. У меня двое детей. И огромный комплекс вины, поскольку жена села за руль после нашей ссоры и погибла.

— Ты любил ее?

— Нет. И это усугубляет мою вину.

— Я тоже не люблю своего мужа. Но, говорят, любила...

— Это другое.

— Да, другое. Ты покажешь, где мы выплыли? Я хочу посмотреть это место.

— Поехали, я на машине. Петров довез Ларису до горы.

Он с трудом узнал это место. Все изрядно заросло травой. Той дыры, где вода выходит из пещеры, совсем не было видно. Ее замаскировала природа. Все вокруг выглядело столь диким, первозданным; что Лариса не удивилась бы, вылетев из зарослей узкогрудый птеродактиль. Только оставшаяся за деревьями машина могла напомнить о том, какой сегодня век. Лариса, не отрываясь, созерцала красоту. А Петров смотрел на Ларису.

— Давай поженимся, — сказал он Ларисе в спину.

— Что из этого получится? — спросила Лариса воду, осоку, пещеру.

— Наверное, ничего путного, — вздохнул Петров. — Орава детей, которым вечно что-то нужно. И двое взрослых, постоянно чем-то озабоченных.

— Ужин и обед придется устраивать в два приема, — подсказала Лариса. Она однажды присутствовала на таком ужине в многодетной семье. Детей кормили отдельно от взрослых.

— А то и в три, — согласился Петров. Лариса наконец обернулась:

— Почему — в три?

— Ну... ты так долго хотела детей, что у меня есть подозрения, что на одном ты не остановишься, — улыбнулся Петров.

Лариса пропустила мимо ушей последнее замечание.

— Попытаюсь найти то место без твоих подсказок, — объявила она и вдруг скинула с себя одежду.

Оставшись в купальнике, Лариса вошла в воду и пошла ровно посередине реки, вытекающей из пасти пещеры. Вода доставала ей до пояса. Лариса остановилась и внимательно огляделась вокруг. Потом, не слишком решительно, двинулась в сторону большого валуна на противоположном берегу. Она не была уверена — нашла ли она то, что искала. Обернулась в немом вопросе.

Петрова больше волновал его собственный вопрос, оставленный без ответа. Но он разделся и вошел в воду. Подошел и взял ее за плечи, развернул в другую сторону и повел. Они дошли до

песчаной отмели, где из воды торчала обмытая водой коряга.

— Вот здесь я вытащил тебя и положил на песок. Лариса вышла из воды и легла на песок.

— Так?

— Ну... примерно.

Вдруг она села и в упор посмотрела на Петрова:

— Скажи, это правда? В пещере действительно... У нас что-то было?

— Да. Ты сама знаешь, что да. Но ты должна понять — там, в той ситуации...

— Ничего не говори, — остановила его Лариса. — Я хочу, чтобы все повторилось. Сейчас.

Петров молча наблюдал, как она избавляется от бикини. Лариса легла на теплый песок и закрыла глаза. Петров любовался женским телом. То, что он уже обладал этой женщиной, представлялось сейчас нереальным. При свете дня загорелая кожа Ларисы казалась золотистой. Песчинки липли к ней. Волосы гладил ветер. Петров пальцем провел по Ларисиной руке.

Лариса с удивлением и волнением прислушивалась к себе. Она не могла предугадать путь движения руки мужчины, который был с ней рядом. Она доверилась этой руке и сознанием скользила следом. В темном лабиринте ее тела последовательно загорались крошечные фонарики. Вот его теплая рука осторожно очертила возвышенность груди и скользнула вниз — тысячи огней вспыхнули следом. По невидимым электролиниям помчался ток. Лариса слышала, как внутри ее толчками движется кровь, все быстрее и быстрее. Прикосновения Петрова сначала были легкими. Чуть-чуть. Затем он переместился к ногам. Он разминал каждый ее палец, как, вероятно, делал это тогда, в пещере. Лариса поняла, что смутно помнит эти ощущения. Ее пальцы стали горячими. Руки Петрова переместились выше и стали массировать икры. Лариса горела, но не позволяла себе ни малейшего движения. Она лежала с закрытыми глазами и ждала. Вот ее подбородка коснулись губы мужчины. Его короткие поцелуи дарили ей наслаждение, которое становилось почти мучительным. Ее пальцы захватили сыпучий песок... Горячие губы переместились ниже. Оставили поцелуи на шее. Прохладная внутренняя сторона губ касалась горячей кожи. Лариса чувствовала: ее дыхание участилось настолько, что готово превратиться в стон.

Когда его губы принялись ласкать ее грудь, внутри уже полыхал пожар. Она затрепыхалась в его руках, как пойманная рыба, готовая выскользнуть и уплыть.

Петров почувствовал это. Секунда, и они встретились губами. И все завертелось вокруг. Небо поменялось местами с землей. Река — с облаками. Руки женщины обхватили спину мужчины. Ногти царапали кожу. Больше Лариса не могла сдерживать себя. Началась яростная схватка двух тел, в которой не могло быть победителя. В первобытной природе происходило первобытное действо. Мокрые волосы женщины яростно хлестали песок. Стоны, смешанные с невнятным бормотанием, уползали в траву и растворялись в зарослях. И только когда взрыв наслаждения потряс все ее существо, в мозгу вспыхнула иллюминация. Затем желание, насытившись, получив то, к чему стремилось, уступило место мыслям.

Мысли текли спокойным прозрачным ручьем. И среди них впереди плыла одна, похожая на рыбину. Эта мысль все время ускользала, но теперь Лариса чувствовала: еще немного, и она настигнет ее, потрогает рукой, увидит глазами!

На ее животе покоилась тяжелая рука Петрова. И вот эта рука почувствовала легкое движение мышц под собой. Лариса села, а рука упала на песок.

— Я все вспомнила! — услышал Петров.

\* \* \*

— Черника! Ни-и-ка!

Голос матери многократным эхом окатил долину и, попрыгав по холмам, достиг наконец уха девочки. Крепкая, юркая, черноглазая, она присела на корточки, обхватив голову руками. Ох и попадет же ей! Мать приказала приглядывать за братьями и строго-настрога наказала: в лес — ни ногой! А Черника ослушалась. Да и как не ослушаться, если лес, такой яркий, такой цветной в своей осенней поре, так и манит хитрыми тайнами. Да мать и сама то и дело уходит в лес за травами. А то и на охоту. Мать охотится наравне с отцом, ни в чем не желая ему уступать.

Черника гордится родителями. Отец — вождь их рода. Мать — самая статная и сильная женщина племени. Она все знает о травах, и поэтому все, включая даже бабку Ужиму, ходят советоваться и лечиться к матери.

И на совете племени мать сидит напротив отца, по другую сторону костра. И когда отец сомневается в принятии решения, он долго смотрит матери в глаза. Сквозь огонь. Черника много раз замечала.

Девочка собрала в пожухлой траве и сложила в кучку свои трофеи — найденный у ручья плоский камень с дыркой посередине, дохлую высохшую ящерку с причудливым узором на спине и кучку двойных крепких желудей, из которых Черника намеревалась сделать себе бусы. Хорошие трофеи. Главное — получше спрятать их от шустрых, пронырливых братьев. А то — напасть! Они хоть и малолетки, но пакостить горазды. Вмиг сломают и уничтожат все добро. А мать их не больно-то наказывает. Уж слишком они похожи на отца. Старший, Кудряш, так особенно. Кудри цвета сосновой коры, совсем как у отца. А меньшей, Топотун, хоть и мал, но ручища — ого-го! Ущипнул как-то раз Чернику, так долго оставался на руке сине-лиловый след размером с дикую сливу. Топотун похож на Кудряша. Бабка Ужима говорит, что оба они — отцово отражение.

Зато Черника — вся в мать. Так говорит отец, подбрасывая дочку высоко над головой. «Вся в мать!» — говорит он, весело блестя глазами, вместо того чтобы наказать за очередную проделку.

Однажды девочка попыталась дознаться, что стоит за словами отца.

— Мать была неслушница? — спросила она отца, когда он впервые взял Чернику охотиться на рыжую лису. Они зашли далеко от дома. Хитрюга лиса водила их по холмам, не желая становиться легкой добычей.

Отец устался на дочь, а потом, забыв про лису, расхохотался громко, раскатисто. Черника надулась. Не любила она, чтоб смеялись над ее глупостью. Отец взял ее за руку и повел вверх по холму, туда, где стоял священный дуб, желуди которого трогать нельзя было. Дуб приманивал к себе диких кабанов. Мяса такого кабана хватало надолго всему племени.

С холма была видна дальняя даль. Черника и отец постояли на коленях, поклоняясь дубу. Тот добродушно шелестел. Подошли к самой верхушке холма, откуда видно было все — и лес за

холмом, и горы, откуда начиналась река.

— Вон там, видишь? — показал отец за реку. — Там, далеко, живет племя твоей матери.

— Там? — Черника впилась глазами в зелень противоположного берега, но ничего особенного не увидела. Лес, горы. Все как у них здесь.

— В этом племени вождь — женщина. Бабушка твоей матери. Чина наследовала право быть вождем.

Черника слушала отца, открыв рот. Вождь — женщина? Уж не смеется ли он над ней снова? Но глаза отца совсем потеряли смешинки.

— Женщины там сами охотятся, в силе и сноровке не уступая мужчинам. Твоя мать так лихо владела копьем, что среди молодых парней ей не было равных. А в лесу она умела разговаривать с каждым цветком, ежом и белкой!

Тогда Черника все поняла! Вот в чем дело! Вот о чем говорил отец, сравнивая ее с матерью!

Полюбила Черника тайком убежать на холм и подолгу смотреть вдаль, выискивая глазами далеких сородичей. Иногда она видела людей, махоньких, как муравьи, копошащихся в траве. Однажды она наблюдала, как несколько человек тащили убитого лося. А сегодня ей особенно повезло. Убежав от малолеток-братьев, она застала интересную картину. Там, далеко, на пятнах равнины, бегало и суетилось множество людей-муравьев. Далекое племя точь-в-точь походило на развороченный муравейник. Черника подольше поглазела бы, если б не эхо, докатившее до нее крик матери.

Итак, собрала она свои сокровища и спрятала их за пояс. Она уже собралась припустить что есть мочи, мысленно состязаясь с зайцем, но запах дыма заставил ее остановиться и замереть. Черника знала, как опасен огонь для людей. Если дух огня рассердить, он сожрет все, что попадет на его пути. Девочка вытянулась в струнку, на манер сурка, и покрутила головой. Она увидела: черный лохматый дым поднимается из-за холма. Черника забыла про неминуемый гнев матери, про строгий наказ отца. Прыгая через кочки и кусты, вернулась она к дубу, забыла поклониться, лишь кивнула на ходу в ответ на его беспокойный шепот. Повернувшись к далям, ахнула в ужасе: черный густой дым поднимался из-за дальнего леса, застилая небо. Огонь полыхал там, где давеча суетились люди-муравьи.

Черника рот кулачком зажала и — бегом! Зайцем, белкой по кочкам — домой!

Она неслась, обгоняя ветер, теряя на ходу свои лесные сокровища — орехи, ящерку, плоский камень с дыркой...

Она не видела ничего вокруг, мчащаяся со страшной вестью. Поэтому с размаху налетела на мать и даже не охнула, получив затрещину. А рука у матери тяжелая, не то что у бабки Ужимы.

— Дали горят! — задыхаясь, прошептала Черника, испуганно и жалко глядя матери в лицо.

Потемнела Чина лицом. На глаза тучи набежали.

— Иди к братьям, — приказала она и кинулась мимо дочери туда, где трава не успела подняться, примята резвыми ногами Черники...

## ГЛАВА 19

Петров вошел в квартиру и потоптался на пороге.

— Значит, вернулась к нему? — угрюмо спросил, неопределенно кивнув в сторону кухни.

— Пока я живу одна, — невозмутимо отозвалась Лариса. — Если ты это имеешь в виду.

— Одна? — недоверчиво переспросил Петров и зачем-то заглянул в шкаф.

Лариса прикрыла дверцу и выжидательно посмотрела на гостя. Весь ее вид говорил: у меня нет времени на пустопорожние разговоры.

Но Петров не торопился. Он разместился в кресле, искоса наблюдая за Ларисой. Ее живот стал большим, затруднял движения. Ее грузная округлость вызывала щемящее чувство в душе. В горле запершило. Он отвернулся.

— Я тебе там фрукты принес. В сумке.

— Ты что-то хотел? — уточнила Лариса.

— Хотел, — эхом ответил Петров и через некоторое время утвердительно повторил: — Хотел. Видеть тебя хотел. Соскучился.

Петров не предполагал, что так трудно окажется с ней разговаривать. Он думал, все будет проще — придет, убедится, что она вернулась к мужу. Разозлится, даст тому в морду. И уйдет. С ней или без нее. Расставит все точки.

Все оказалось не так, не то... Почему-то, когда он смотрел на Ларису, на ее беспомощное лицо беременной, на ее торчащий мячиком живот, спазм перекрывал горло, и Петров не мог сказать ни слова. Скорее всего и бывший муж Ларисы, Стасик, испытывал нечто подобное... Петров не удивился бы, узнай он, что нотариус бросил любовницу и вернулся к жене. Настолько Лариса казалась Петрову притягательной в своей отрешенности.

— Сядь, — предложил он.

— Разве я должна что-то решать?

— Не прикидывайся, — начал злиться Петров. — Ребенок вот-вот родится. Ты должна решить, с кем останешься.

— Ничего я не хочу решать, — помолчав, ответила Лариса, и Петров сразу поверил ей.

Он испугался. Она оказалась далека от тех мыслей, что мучили его и не давали уснуть. Он испугался вдруг, что она может сказать: «Я уже решила». Ведь первый шаг сделан, она ушла от тетки. Вернулась в свою квартиру.

— Но после того... После Того как мы там, на реке... Я думал... — Петров мямлил как мальчишка. Он растерялся настолько, что готов был уцепиться за соломинку: — Ты же все вспомнила!

Лариса посмотрела на него долгим взглядом. Помолчала. Потом подошла к столу и поправила на нем свои бумажки.

— Мне было что вспомнить, — согласилась она.

— А именно что-то такое, из-за чего ты остаешься здесь? — догадался Петров.

— И такое, — согласилась она. — Здесь было много пережито. Целая жизнь.

— Но она — в прошлом! — яростно сопротивлялся он, наблюдая неотвратимое. — Он тебя больше не любит! И ты его тоже!

— Я его любила, — возразила Лариса, не глядя на Петрова. — Я все вспомнила. Как я ходила встречать его с работы. Как мы за грибами ездили.

— Да жизнь напичкана такими воспоминаниями! У нас с тобой их тоже будет полно, вот увидишь!

Лариса словно не слышала его. Она погрузилась в свой мир, и Петров не мог достучаться до нее.

— Как мы ребенка ждали, — продолжала Лариса. — Мы всегда ждали ребенка, у нас вся жизнь была подчинена этому. Однажды мы решили, что я забеременела. Так было несколько дней. И Стае принес вот этого зайца.

Лариса сняла с книжной полки красного велюрового зайца. Петров тупо уставился на него. Мороз побежал по коже. О чем она говорит?! И между тем возразить нечего. Воспоминания хлынули в ее сознание, сметая все на своем пути. Их мощный поток поволок за собой жалкие обломки настоящего. И он, Петров, со своей болью и со своей любовью, тонул в этом потоке. Несся в углой лодочке без весел, обреченный. Что он мог сделать?

— Я понимаю, — хрипло сказал он, пряча глаза. Не хотел, чтобы она увидела его слабость. — Но я знаю, что это пройдет. Знаю и то, что ты не будешь с ним счастлива. Я жду тебя, понимаешь?. Я комнату приготовил для ребенка. Я во всей квартире сделал ремонт... — Он понимал, что говорит не то, не о том. Барахтался в словах, как мог, не теряя надежды выкарабкаться. — Это мой ребенок. Я уверен. Но я не поэтому, Ларис. Я тебя люблю! Я... Мы все тебя любим. Все ждем. Я, Сашка, Анька. Опять я не то говорю. То, что сейчас с тобой, это пройдет. Нужно по-новому жизнь начинать. По-старому не будет, поверь мне...

Петров говорил, и на него надвигалось ощущение, что он бежит за уходящим поездом. Поезд набирает ход, а ему нужно подобрать слова, способные остановить эту махину. Он плохой оратор и уже задыхается от бега.

Петров хрустнул суставами пальцев. Он не мог больше находить аргументы. Внутри все дрожало. Его подмывало схватить Ларису в охапку, утащить отсюда силой. Запереть под замок. И день, и ночь самому охранять ее. Он сделал движение в ее сторону, он потянулся руками, но услышал звук ключа в замке. Стасик.

Петров не ошибся.

Стасик вошел в прихожую робко, словно не к себе домой. Посмотрел на них с глупой улыбкой. По крайней мере Петрову улыбка Стасика показалась идиотской. В руках он держал большой пластиковый пакет с фруктами и соком. Петров молча кивнул на приветствие. Протиснулся мимо Стасика. Они еле помещались вдвоем в тесной прихожей. Ни слова не сказав, вышел из квартиры.

— Работаешь? — Голос Стасика изображал бодрость, но из него исчезла его всегдашняя нотка превосходства.

Лариса собрала бумаги и вернулась к компьютеру.

— А я тебе витаминчики принес.

— Спасибо. Положи на кухне. Обедать будешь?

— Сиди, работай! — засуетился Стасик. — Я сам!

Лариса чуть заметно улыбнулась. Кроме пачкипельменей, Стасик не найдет в холодильнике ровным счетом ничего. А ведь он даже готовый обед разогреть не мог.

Через минуту из кухни послышался бодрый грохот кастрюль. Стасик не молчал. Он весело вешал ей с кухни сплетни о своих клиентах. У нотариуса вообще жизнь «веселая». Он знает о людях то, что скрыто от других глаз.

Лариса набирала текст. Она плохо слушала Стасика. А между тем в его голове происходил сложный мыслительный процесс. Больше всего ему не хотелось принимать решения. Он любил, когда все происходит само собой. И сейчас, пристраиваясь к совершенно новой, изменившейся Ларисе, он чувствовал, что все происходит само собой. А ему только нужно плыть по течению. Но, плывя по течению, иногда так приятно обозревать окрестности!

В Ларисе появились черты, о которых Стасик не подозревал. И вопреки его намерениям эти черты притягивали, волновали. Стасик не спешил признаться себе, что получает некое эстетическое наслаждение, наблюдая ее отрешенный, самоуглубленный взгляд, ее округлившуюся фигуру. Он мог бы приходить сюда реже, гораздо реже, но уже считать себя образцом порядочности. Но приходил почти каждый день — носил продукты, пылесосил ковер и выносил мусор. Чем больше времени проходило, тем больше тянуло его сюда. Он не переставал удивляться себе, своим непонятно откуда взявшимся чувствам.

Сегодня Стасик принес свой спортивный костюм и домашние тапочки с намерением оставить вещи здесь.

— Я положу тут, не помешают?

Стасик хотел, чтобы Лариса видела, что он оставляет свои вещи. Но она, казалось, вся была поглощена работой. Стасик подошел к окну, чтобы оказаться в поле ее зрения. За окном шел снег. Стасик сразу увидел скамейку, единственную в их дворе. Сейчас рядом с ней была припаркована его машина. На скамейке сидел мужчина без шапки. Снег изрядно засыпал его волосы. Это был Петров. До Стасика дошло, что тот сидит там все время, пока он находится у жены. Нотариус задернул тюль, вернулся к шкафу и молча выложил свои вещи на полку.

\* \* \*

Бежала Чина к холму, не хотела верить проказнице-дочке. Не могли ее дали гореть! Там осталась старая мать-Прародительница, дед Пикульник... Там остались все, кого сердце Чины не смогло, не сумело забыть...

Нет, не ошиблась глазастая Черника. Еще находясь у подножия холма, Чина увидела страшные лапы дыма, вздымающиеся кверху.

Задыхаясь от боли предчувствий, взбиралась она по холму. Страшная картина открылась ей: вся сторона, вся ее близкая сердцу даль была объята пламенем. Упала Чина на желуди и заголосила, изливая священному дубу свою боль. Дуб зашумел в ответ, густо зашелестел листвой. Острые ветры собрались вокруг женщины и принялись зло швырять листву клочьями по поляне. Нельзя было выть и причитать у священного дуба. Знала об этом Чина, да не удержалась. А когда подняла глаза к небу, поняла, что натворила: тучи, словно взбитые из перьев дыма, собрались у нее над головой, деревья гнулись, шумели, ветви трещали.

Все вокруг изменилось до неузнаваемости. Духи леса бушевали и негодовали вместе с Чиной. Ее душа рвалась туда, где бушевало пламя. Но и лес, и священный дуб, и небо, и ветер напоминали ей, что она принадлежит им.

Она теперь на этом берегу и поклоняется богам этого леса. Чернота нависла над холмами, трепала все вокруг, норовя порвать в клочья. Небо прорезывали всполохи огня.

Чина все еще сидела на траве под дубом, вся устремленная туда, где свирепствовал огонь, когда сильные руки подхватили ее и понесли прочь.

— Детям нужна мать, а вождю — жена, — сказал ей муж, закутывая ее, мокрую, в тепло шкуры.

Они были внизу, когда он поставил ее на ноги и заглянул в глаза.

— Горе моему роду, Ясень! — сказала Чина, дрожа не от холода, а от волнения и горя. — Горе мне, непокорной дочери! Я должна быть там, с ними!

— Не гневи богов! — оборвал ее муж. — Ты здесь, и отныне твой род здесь. Когда окончится гроза, мы отправимся к твоим. Если еще можно чем-то помочь — поможем. Но теперь...

Он не договорил. Они обернулись одновременно, и то, что они увидели, заставило их пасть ниц в священном ужасе. Небо расколосось, и вырвавшееся оттуда копье белого огня врезалось в густую листву священного дуба. Дерево вспыхнуло, как щепка, брошенная в костер.

— Это я прогневала богов, — сказала Чина.

Раскаты грома перекрывали все звуки, но муж услышал слова жены. Он понял ее. Ему и самому мнилось, будто лохматый дымный зверь мечет стрелы с огнем на их берег. Но он знал, что это не так.

Он уводил жену дальше и дальше от опасного места, а она все оглядывалась назад. И ночью, в пещере, где подле костра на медвежьей шкуре вповалку спали дети и было тепло и спокойно, она все вздрагивала и звала:

— Ясень, Ясень...

— Мне больше нравится, когда ты называешь меня Чужак, — сквозь сон отвечал он.

Как долго бушевала гроза! Река поднялась, подползла к самой траве.

Наконец солнце побороло тьму. Чина не могла больше медлить. Ясень сдержал свое обещание — сам с ней пошел и взял еще нескольких мужчин из племени. Мало приятного было в этой прогулке. Мокрый папоротник исхлестал ноги. Чужой лес не торопился раскрыть объятия пришельцам. Но Чина ничего не замечала. Она летела впереди всех, узнавала места, где

девчонкой собирала травы и лазила по деревьям. Но чем ближе она подходила к родным местам, тем сильнее сжималось ее сердце. Все чаще попадались следы, оставленные огнем, — обугленные деревья, черные залысины земли. С тяжелым сердцем подходила она к священному месту. С укором смотрела на блудную дочь круглая каменная баба. И грудь каменной бабы, и ее огромный живот — все было покрыто пеплом. Серые хлопья пепла кружились в воздухе, словно в насмешку над Чиной. Обняла Чина каменную бабу и уронила слезу той на щеку. Видела — нет больше поляны, нет летних шалашей и костровища. Нет ничего, кроме долгой черноты, усыпанной пеплом.

— Есть еще пещеры, — напомнил ей муж.

Она кивнула. Но сердце уже догадалось: не злой огонь виноват здесь и не гнев богов. Люди. Здесь были чужие люди. Они сожгли деревню и увели ее сородичей. Она еще не нашла подтверждения своим мыслям, но чувствовала: это так. И знала, что Ясень знает. Но, утешая ее, тащит к пещерам. Не противилась, пошла. И в пещере-то нашла подтверждение своим догадкам: пояс чужой, украшенный мехом неведомого зверя, и обломок копья, заточенного по чужому.

Вскинула Чина глаза на мужа-вождя. Понял Ясень жену без слов.

— Нет здесь твоей вины, не смотри так. Родом должен править мужчина. Тогда и отпор врагу будет достойный.

Прав Ясень, но разве от этого легче? Вышли на волю, а воля глаз не радует. Стоит Чина и взором жадно округу озирает.

— Есть еще лесное убежище, — упрямо напомнила она и рванула в лес не оглядываясь.

Ясень двинулся следом.

...К вечеру Чернику как кто толкнул. Она выскочила из пещеры и подбежала к самому краю. Туда, откуда открывались глазам дальние дали и виден был кусочек реки Подбежала и замерла: там, вдалеке, среди кустов она разглядела своих. Отец шел впереди, немного погодя — мать. И еще двое мужчин из племени. Но с ними... Черника не сразу поняла, в чем дело. За матерью семенила кучка детей. Отец и другие мужчины несли на руках мальчиков, не больше Черникиных братьев. Черника кошкой вскарабкалась на дерево. Вот чудо так чудо! Слыхивала она сказки как добрые боги одаривают племя богатым потомством, но видела такое впервые. У Черники не хватило пальцев на двух руках, чтобы пересчитать детей, которых вели сюда ее родичи.

Черника соскочила с дерева и вприпрыжку помчалась навстречу. Она радовалась возвращению матери, отца. ОНИ готова была отдать тепло своего сердца мальчикам из чужих мест. Она не знала, что там, за лесами, в ночь щербатой луны кончило свою жизнь последнее племя, которым управляла женщина. Племя Желтого Цветка...

## ГЛАВА 20

— Андрей! Мы опаздываем! — нервно напомнила Инна Викторовна и отключила мобильник. Они должны были быть в роддоме полчаса назад, а Андрей до сих пор возится с машиной. А ведь нужно еще успеть заехать за цветами. И кто знает Стасика, догадается ли он купить конфеты и шампанское для медперсонала? Вообще вся эта неопределенность, возникшая вокруг рождения Ларисиноного ребенка, ужасно раздражала Инну Викторовну, заставляла

нервничать.

— Мам, успокойся, — сразу же посоветовал сын, едва они выехали за ворота дома. — Ты — сторонний наблюдатель. Твое дело маленькое.

— Как — наблюдатель? — вскипела Инна Викторовна. — Вот так дела! Я ей вместо матери теперь, я должна позаботиться о ней.

— О ней есть кому позаботиться.

— Ты имеешь в виду Стаса? Я лично до сих пор не поняла, что у них за отношения. Она не позволила ему пока вернуться. Сказала, что все решит после рождения ребенка. Ты представляешь? Мы все как на пороховой бочке.

— Это не твоя печаль, мам. Твое дело поздравить. Ну, еще принять ее, если она так ничего и не решит и захочет прямо из роддома вернуться под крылышко любимой тетушки...

А я разве против? — живо отозвалась Инна Викторовна. — Я только не терплю неопределенности. — Я вчера ее по телефону спрашиваю: колыбельку с чердака снять? Ну ты, Машенькину. А она сделала вид, что не слышит меня, и заговорила о постороннем. Ну вот, я так и знала — теперь застрянем.

Прямо на перекрестке возле роддома перекрыли дорогу машины ГИБДД. Шли разборки: «Газель» столкнулась с «Жигулями». Когда наконец подъехали к роддому, Андрей вдруг решил не парковаться возле крыльца, а поехал дальше и встал за киоском, напротив больницы.

— А что, ближе нельзя? — раздраженно поинтересовалась мать. Снег, нападавший вчера, дружно таял, образовав кругом противные лужи. — Пока доберешься до крыльца — сапоги промокнут.

— Смотри. — Андрей кивнул в сторону больницы. Там, по обе стороны крыльца, уже припарковались две знакомые машины.

Из машин вышли двое мужчин. Один из них был бывший зять Инны Викторовны, Стасик. В руках он держал хризантемы. В другом она без труда узнала Петрова и невольно улыбнулась — он держал точно такие же цветы.

— Мы цветы забыли купить! — вдруг всполошилась она.

— Ну ты, мам, даешь! Тут кино бесплатное, судьба у людей решается, а ты — цветы... Тут цветов и так достаточно.

— Ларочка розы любит.

— Будут ей и розы, — уверил Андрей.

Инна Викторовна не поняла, что он имел в виду. Вернее — кого из двух. Она дернулась, чтобы выйти, но сын остановил ее:

— Сиди, мам. Рано.

— Но как же...

— Сиди.

Инна Викторовна послушалась. Впрочем, ей тоже было интересно, что же произойдет, хотя материнский инстинкт и толкал ее на выручку племяннице. Ее подмывало избавить Ларису от щекотливой ситуации. Но она пересилила себя. Успеется.

А сейчас оба мужчины старались показать, что им дела нет друг до друга. Петров пытался закурить, отворачиваясь от ветра. У него ничего не получалось — мешали цветы, и он не знал, куда их деть. Положил на капот машины, но тут же передумал, забрал. Цветы были слишком белоснежные для забрызганного талым снегом капота. Нотариус же, напротив, выглядел весьма спокойным и самодостаточным. Он не делал лишних движений. Стоял возле своей машины и держал руки за спиной. Там же пристроился букет с хризантемами.

Инна Викторовна поерзала на своем сиденье. Дорого бы она отдала за то, чтобы узнать мысли этих двоих.

...Когда Петров подъехал к больнице, он не разрешил детям выйти из машины. Похоже, они заметили, как он нервничает, и не стали возражать. Вернее, Аня возразить попыталась, но Сашка цыкнул на сестренку, и она притихла. Петров вышел из машины и посмотрел на окна третьего этажа. Ему показалось — он увидел силуэт за шторой. Но может быть, это была не она...

Бесконечно долго тянулись минуты. Казалось, конца не будет этому изнурительному ожиданию. Подъехал нотариус и припарковался прямо напротив них. Нотариус вышел надутый, демонстрируя собственную важность. Впрочем, то, что Стасик приехал за Ларисой один, без тетки и другой родни, несколько взбодрило Петрова. Почему-то этот факт показался ему обнадеживающим. Но потом он заметил и тетку, притаившуюся за колоннами. И сник. Никто из них не знал, чем закончится этот день.

А Лариса знала?

Она появилась в тот момент, когда Петрову наконец удалось раскурить сигарету. Он стал гасить ее, искать, куда выкинуть. А Стасик рванул навстречу бывшей жене, рискуя сломать шею. Ступени крыльца были скользкими, легко можно было навернуться. Петров тоже сделал невольное движение вперед, но остановился. Он не знал — нужен ли он там.

Ребенка держала медсестра. Еще несколько медсестер толпились на крыльце. Стасик подлетел с цветами к Ларисе, с разбегу чмокнул ее в щеку. Она ответила ему тем же и что-то быстро сказала на ухо. Стасик кивнул и побежал вверх, к сестрам. Вручил цветы одной из них.

Петров увидел, что Лариса смотрит на него, и он смотрел на нее, не смея сделать ни шагу. Медсестра в замешательстве топталась у Ларисы за спиной. Все замерло в ожидании, даже Стасик остановился там, наверху, на крыльце, не смея нарушить мизансцену. Было как перед выстрелом. Именно так Петров воспринял хлопок дверцы собственной машины. Как выстрел. Это нарушили тишину его дети. Они подбежали к отцу, и сразу все пришло в движение. Лариса сделала шаг навстречу Петрову-старшему, тот рванул к ней. Сашка подбежал и принял из рук медсестры сверток, перевязанный голубой лентой. Наклонился, показывая младенца сестре. Петров-старший подхватил на руки Ларису и закружил по нижней площадке крыльца.

— Осторожнее, уронишь! — заорала тетка с другой стороны тротуара.

Медсестры окружили детей, подстраховывая на скользких ступеньках. Все двигалось, суетилось, все смешалось в едином порыве радостного вдохновения. Возле машины Петровых образовалась толпа. Все шумели, шутили, смеялись. Только один человек остался на верхней площадке широкого больничного крыльца и не знал, что ему делать. И когда машина Петрова

рванула с места и исчезла за поворотом, нотариус все еще топтался на крыльце, не чувствуя, что мерзнут ноги.

\* \* \*

Ульяна Викторовна собиралась в город. Каждую весну она неизменно ложилась в сестрицыну клинику на обследование. И неизменным было при встрече с соседями ее ворчание на сестру, которая срывает ее с места, заставляет бездельничать, валяться в больнице, как будто она генеральская жена. В ответ соседи и знакомые дружно опровергали точку зрения Ульяны, и она с удовольствием выслушивала их доводы. Соседи справедливо напоминали, что не у каждого имелась сестрица, которая постоянно приглашала бы к себе в частную клинику на бесплатное лечение. В такой клинике полежать — сколько деньжищ надо? То-то. А ты лежи себе и плюй в стерильный потолок. И соседи-знакомые, и сама Ульяна знали, что ворчание больше для форсу. На самом деле она рада-радехонька понежиться с месяцок на всем готовом, пользуясь столь драгоценным щедрым вниманием знающего персонала клиники. К событию готовилась загодя, жила им всю зиму и всегда приезжала к Инне без предупреждения. Считала, что и та должна жить ожиданием их встречи.

Ульяна выгрузила корзины с вареньем у калитки и отпустила таксиста. На ее звонок никто не вышел, и гостья, подхватив корзины и перекинув через плечо сумку, вползла в чистенький сестрицын двор.

«Хоть бы собаку завела для порядку, — с досадой отметила она, перетаскивая тяжелую ношу от калитки к крыльцу. — Вот ведь заходи кто хочет, ни одной живой души!»

Остановившись на крыльце, Ульяна Викторовна перевела дух. Посмотрела наверх и покачала головой. Ну куда такой домина одной-то? Совсем Инка с ума сошла. Кому строила? Зачем? Дело-то не к молодости. Дети разлетелись.

Ульяна вошла в холл и с порога поинтересовалась:

— Есть кто живой?

Никто не отозвался. Где-то в глубине квартиры работал телевизор. Ульяна оставила корзины и двинулась на звук. В холле зачем-то горел свет. Ульяна выключила. Заглянула в гостиную, там тоже хрустальным дождем горела люстра. Целых три лампочки, и, конечно же, все три — сотки.

— Денег куры не клюют, — проворчала Ульяна и снова устранила беспорядок. Нет, раньше не замечала она за сестрой подобной расточительности. Да, у Инны водились деньги, но оттого и водились, что им знали счет. Смутное чувство тревоги зарождалось в душе Ульяны во время обхода владений сестры. Проклятые ноги не давали двигаться живо, как раньше, в молодости. Как две тяжелые колоды — передвигались с трудом, а мысль, полная тревоги, бежала впереди. И еще, пока она разворачивалась в дверях гостиной, мысль уже летела на звук звякнувшей ложечки на кухне. Она догадалась, что и телевизор работает там же, на кухне. А есть и смотреть телевизор любит племянник Андрюшка. Все нутро Ульяны радостно всколыхнулось. Уж как она любила племянников, кто бы знал! В их младенчестве они месяцами жилали у нее в деревне. Босиком бегали по грядкам, гоняли кур.

Ульяна доползла до кухни и остановилась как вкопанная: в кухне был не Андрюшка. За кухонным столом вольготно разместился чужой высокий мужик в синей атласной пижаме и дорогих велюровых тапках. Мужик и не заметил гостью, он весь был поглощен автогонками, которые транслировал спортивный канал. Гоночные машины визжали и то и дело ударялись о

борт ограждения.

Ульяна перевела взгляд на стол. Мужичу в пижаме жилось неплохо. На столе был выбор: пузатая бутылка коньяку, плоская, с мутной жидкостью, по цвету напоминавшей кофе с молоком, с ликером и водка в рифленой прозрачной бутылке. Кроме бутылок, на столе имелись синие, как сливы, невкусные маслины, в которых Ульяна проку не видела, но уважать уважала. Они подчеркивали статус сестры. Ветчина, нарезанная тонко, как любит Инна, и большой кусок копченой курицы. Этими деликатесами обычно потчевали ее, Ульяну, и она полагала, что яства покупались нарочно к ее приезду, и считала это справедливым. Когда-то она собирала теплые яйца из-под несущек и складывала их в особое лукошко в чулане — для племяшек. Копила к их приезду. И сестрице в город отправляла. И лучшие яблочки в тот же чулан, и огурцы. Поэтому мужик, уплетающий ее ветчину и ее маслины, беззастенчиво дегустирующий содержимое сестрицыного бара, мог вызвать у Ульяны только сугубо враждебные чувства. Но она сумела совладать с собой.

— Здоровеньки булы! — брякнула она откуда-то возникшее украинское приветствие.

Мужик повернулся на голос и в недоумении уставился на нее.

— Я гляжу, моя сестрица время даром не теряет, — заметила Ульяна и вдвинула в узкое пространство кухни корзину с вареньем. — А вы — новый гражданский муж Инны? Или как?

Ульяна распахнула холодильник и стала переставлять на полки варенье из корзины.

— А вы — родственница? — сообразил Верховцев и кинулся помогать.

Ульяна решительно его отстранила.

— Родная сестра Ульяна! — припечатала она.

— А я — Верховцев Владимир... — глядя в спину гостье, представился Верховцев. — Разве вам Инна не сообщила? Мы... в некотором смысле... живем вместе.

— Поняла уж, — угрюмо бросила Ульяна и покосилась на стол. Количество красивых бутылок, которые мужик в пижаме дегустировал в одиночку, напрочь сбilo ее настрой.

— Не желаете присоединиться? — любезно предложил подвыпивший Верховцев.

Ульяна шмыгнула носом. Ух, как ей хотелось сказать что-нибудь едкое этому типу, без году неделя появившемуся в Инкиной кухне и уже хозяйничавшему здесь, как у себя дома! Она покосилась на мясистый кусок копченой курицы, уже открыла рот, чтобы ответить гордо: «Не желаю!» — но в последний момент передумала. Кивнула:

— Присоединюсь.

Мужик засуетился, полез за второй рюмкой, не нашел, и Ульяна опять же властно отстранила его.

— Не трожь. Перебьешь посуду. Сама знаю, где взять. Достала рюмку, хлеба нарезала по своему, крупно. Открыла банку привезенных огурцов.

— Что же, Инна не предупредила, что я приеду? — с ревностью в голосе поинтересовалась Ульяна после первой рюмки выпитой «Гжелки».

— А вы можете без предупреждения! — нашелся Верховцев. — Родная кровь! Сестра! Родней не бывает! Вы — в любое время. Мы рады.

Ульяна внимательно наблюдала за новым зятем. И это это Инна вечно подбирает каких-то убогих? И главное, поначалу, как слепая, не видит то, что видно всем и каждому.

Ульяна по-хозяйски подвинула к себе курицу, зачерпнула ложкой маслин.

— Давно вы тут... живете? — поинтересовалась.

— Пару месяцев уже, — с готовностью доложил Верховцев. — Я, знаете ли, супругу схоронил. Был безутешен...

— А сестрица утешила, — догадалась Ульяна, смачно вгрызаясь в курицу.

— Инна — редкая женщина, — отозвался Верховцев, не замечая ее язвительности. Подлил водки.

Ульяна свою норму знала, вторую рюмку приняла, бутылку сразу завинтила и в холодильник спрятала. Мужик в пижаме все равно пьет один коньяк. Нечего продукт зря переводить.

— А как дела у детей? — закинула удочку гостя. Она, конечно, потом все выпросит у сестры, но надо же знать, как этот дядька воспринимает детей.

— Нормально, — кивнул Верховцев. — Самостоятельные. Лизавета фотографии дочки постоянно присылает. Выросла.

— Черненькая?

— Мулатка. Глаза, что вот эти маслины.

— Да... — протянула Ульяна, задумчиво сворачивая в трубочку ломтик ветчины. — А ведь Умар совсем черный, сама видела.

— Чернее ночи, — подтвердил Верховцев.

— И ведь Лиза поехала с ним, — задумчиво и одновременно недоверчиво констатировала Ульяна.

— Полетела! — подтвердил Верховцев. — Любовь...

— Неужели же любовь? — усомнилась Ульяна. Она, смягчившись, вглядывалась в осоловелые глаза новоявленного зятя.

— А как же. не любовь, если уже второго ребеночка ждут? — хохотнул Верховцев и плеснул себе коньяку.

— Снова... ждут? — Ульяна была ошеломлена. Ну, сестрица! Ни словом по телефону не обмолвилась! Она там, в своей деревне, безнадежно отстала от жизни.

— Да они его сразу и сотворили, как только он сюда приехал. Пока наследника не родят, не успокоятся, — подтвердил Верховцев. — У них там, в Африке, с этим строго.

Ульяна долго молчала, качая головой. Верховцев хвалил огурцы и расспрашивал ее о

хозяйстве. Но посторонние темы не лезли в голову. С лета не была она у сестры, и теперь ей казалось, что за это время, когда у нее самой ничегошеньки не изменилось, у сестрицы все встало с ног на голову.

— А Андрюшенька... живет со своей? — осторожно поинтересовалась Ульяна, забыв о курице и маслинах.

— На грани развода.

— Что ж... завел себе какую? — нерешительно принялась выяснять Ульяна.

— Вроде того, — кивнул Верховцев. — Да Инна казнится, что сама познакомила их. Женщина-то с ребенком, Ларисина подруга.

— Оксана! — догадалась Ульяна. — Ну надо же!

— Она самая.

Снова некоторое время Ульяна сидела отрешенная, молча глядя перед собой.

— Ну а Лариса? Как она? — встрепенулась Ульяна. — Мальчик у ней?

— Мальчик. У той все в порядке. Родила ребенка, вышла замуж. Он сам — с двумя детьми. Хорошо живут.

— С двумя детьми! — эхом повторила Ульяна, скорбно качая головой.

Что творится! Саму ее Бог миловал. Или наказал. Это как посмотреть. Дети Ульяны умерли в младенчестве. Все трое. Один за другим. Взамен дал племянников. Она им радовалась, как родным. А тут такое дело. На всех троих словно сглаз навели. У всех троих жизнь наперекосяк. Да и сама Инка снова вляпалась как есть!

Ульяна брезгливо наблюдала за осоловелым Верховцевым. Все внутри ее начинало бродить, как дрожжи. Она вздохнула и через ноздри выпустила жар. Ей не терпелось дожидаться сестрицыного возвращения с работы.

\* \* \*

Оксана высвободила руку и дотянулась до тумбочки. Будильник показывал половину пятого.

— Тебе пора.

Она повернулась к Андрею и провела пальцами по его бровям и носу.

Ресницы вздрогнули, Андрей улыбнулся, но глаз не открыл.

— Еще немножечко.

Он поймал Оксанину руку и прижал к щеке. Ее ладонь ощутила нежную колючесть его щеки. Оксана слегка пошевелила пальцами.

— Тебе нужно домой, Андрюша...

— Я могу прийти и попозже. Сегодня пятница.

— Я помню, что сегодня пятница и Кристина посещает массажный кабинет и сауну.

— Тогда в чем дело?

— Но маленькая девочка Юля не может ждать. Она томится в детском саду и ждет свою мамочку...

— Мы пойдем за ней вместе! — Андрей открыл глаза и стал хлопать ресницами по-детски трогательно.

— Ты с ума сошел! — Оксана стянула со спинки стула халат и принялась одеваться.

— А что особенного? Разве раньше я не ходил за Юлькой в детский сад? Ко мне уже привыкли воспитатели. Почему теперь у тебя это вызывает такую реакцию?

— Это совсем другое, — не глядя на Андрея, возразила Оксана. — Раньше мы гостили у твоей матери, и ты... У нас с тобой тогда ничего не было! Ты приходил к Юльке просто, как... ну не знаю. А теперь все изменилось.

Оксана расчесывала волосы и смотрелась в зеркало.

— Ты боишься моей матери?

— При чем здесь Инна Викторовна? — Оксана из зеркала строго повела бровью.

Андрей нехотя поднялся и потянулся за одеждой.

— Тогда ты не хочешь, чтобы нас вместе видел твой муж. Ты надеешься, что он вернется.

— У меня нет мужа. Это у тебя есть жена.

— Я разведусь! Какая она жена.? Да и матери она никогда не нравилась. Если проблема в этом...

Оксана повернулась к нему лицом. Андрей стоял по среди комнаты в носках, трусах и очках. Она не выдержала и засмеялась — озорно, залиvisto. Смеялась и не могла остановиться.

Андрей надулся и стал молча натягивать джинсы и свитер.

— Ты такой смешной, Андрюшка! — наконец совладала с собой Оксана.

Андрей молча возился с ремнем. Поскольку он нервничал и злился, у него ничего не получалось. Оксана обняла его.

— Маленький мой! Я тебя очень люблю. Но зачем все эти страсти? Жениться, разводиться? Разве нам так плохо? Мы встречаемся, любим друг друга, наши встречи — праздник... — Она уговаривала Андрея, как мать уговаривает непослушное дитя.

Он сопел и дергал ремень.

— Ты не знаешь, что такое развод, глупенький. А я знаю — и не пожелаю врагу. А Кристинка мне не враг. Она ни в чем не виновата...

Оксана повернула лицо насупленного Андрея в свою сторону и принялась печатать короткие

поцелуи на упрямо застывшие губы. Наконец ей удалось растопить лед его обиды. Его губы вздрогнули и отозвались на поцелуй. Как только Оксана почувствовала, что Андрей больше не дуетя и готов продолжить любовную игру, она стала мягко двигать его к двери, виновато улыбаясь и показывая глазами на часы.

— Проводи меня до лестницы, — хрипло пробурчал Андрей.

Они всегда спорили из-за этого куска коридора. Нужно или не нужно показываться перед соседями вместе? Сегодня Оксана сочла необходимым уступить. Они прошли по коридору, крепко обнявшись, и Оксана не отстранилась, даже когда увидела, что Нинкина дверь беззастенчиво приоткрылась и оттуда показались бигуди. Оксана еще несколько минут постояла с Андреем на лестнице, затем тряхнула волосами и, высоко подняв голову, шагнула в коридор. Так и есть! Нинка с пустой пол-литровой банкой маячила возле Оксаниной двери.

— Оксан, маслица не нальешь? А то я блины затеяла, а оно, как назло, кончилось.

— Налью. — Оксана толкнула дверь. — Возьми там в кухне у плиты.

А сама в комнату — хоть покрывало на постель накинуть. Но Нинка опередила ее.

— А мальчик-то у тебя — симпатюлька. Щечки как у девочки. Где только нашла такого? — Нинка с маслом стояла посреди комнаты и с завистью пялилась на кровать.

— И не искала, — пожала плечами Оксана. — Сам нашел.

— Вот и я говорю! — подхватила Нинка. — Нечего держаться за этих идиотов, если они не ценят. Я своему так и сказала: найду молодого, как Оксанка нашла, если ты, козел...

Поза Оксаны и ее взгляд остановили Нинкино красноречие. Осеклась на полуслове.

— И что ты еще своему сказала? — Тихий голос Оксаны пригвоздил Нинку к месту.

— А я ничего, Ксюш... А что такого?

— Это ты своему выболтала то, что я тебе по пьянке наплела про Игоря?

— Оксан, да ты что?! Ты о чем вообще?

— Ну помнишь, я тебе рассказывала про Игоря, про его бесплодие...

Оксана наступала на соседку, держа перед собой диванную подушку, словно собиралась придушить. Нинка попятилась к стене и выставила вперед банку с маслом.

— Какое бесплодие, Ксюш? Ничего не помню такого! Мало ли кто кому чего по пьянке ляпнет? Я на следующий день — убей, ничего не помню! Да и какое бесплодие, Ксюш? Его новая-то на шестом месяце. Пузо на лоб лезет... Все знают. Какое уж там бесплодие...

Нинка икнула и скользнула в коридор между кухней и комнатой. Она не сводила глаз с Оксаны. Та с лица сошла. И вместе с подушкой бочком так на разобранный диван и опустилась.

— Игорь ждет ребенка? — повторила, глядя в Нинкин живот, как раз в пол-литровую банку с маслом.

— Еще как ждет! — обрадовалась Нинка, что дело заканчивается без кровопролитий. — Они

как два голубка по заводу ходят, и в женскую консультацию тоже, и в магазин... Он ей тяжелее чайника поднять не Позволяет. Ну, ты же знаешь, какой он... Ну, я, Оксан, пойду...

Нинка пятилась к двери, наблюдая, как Меняется у соседки лицо. Сначала Оксана вроде бы даже порозовела, а потом резко вдруг кровь схлынула с лица и оно стало бледно-серым, и все остатки эмоций ушли вместе с цветом.

Нина вышла в коридор и на цыпочках пробралась к своей двери. Дойдя, она остановилась, постояла некоторое время прислушиваясь. Затем, как в спасительную гавань, нырнула в свою квартиру.

## ГЛАВА 21

— Умару! Умару, дорогой! Говори помедленней! — орала в трубку Инна Викторовна, помогая себе жестами. — Двое? Я правильно поняла, двое? Двое детей? Мальчик и девочка?

Сидящая рядом Ульяна хлопнула себя по коленям. Верховцев хмыкнул, как Ульяне показалось — глупо. Он здесь вообще ни при чем. И нечего изображать радость. Вот она, Ульяна, нянчила Лизоньку и целовала ее в попу, когда та пешком под стол ходила. И она, Ульяна, приезжающая к сестрице ежегодно желанной гостьей, в этот свой приезд должна терпеть присутствие конкурента.

Инна Викторовна повернулась к ним и ошпарила безумным взглядом.

— Лиза двойню родила! Мальчика и девочку.

Ульяна и Верховцев дружно закивали. Оба сделали движение вперед, желая расспросить подробности, но Инна Викторовна остановила их, вся поглощенная тем, что сообщал ей Умару.

По мере того как продолжался телефонный разговор, лицо у нее теряло умильное выражение и приобретало то, которое она применяла на работе в общении с сотрудниками.

— Ты это дело брось! — резко остановила она словоизлияния иностранного зятя. — Знаем мы ваши порядки. Лиза моя — девушка слабая. И у нас не принято столько рожать!

Ульяна подвинулась поближе, но о сути разговора могла только догадываться.

— Ты мальчика хотел? — снова прогремела Инна Викторовна своим командным голосом. — Ты его получил! И хватит рожать! Моя дочь — не племенная кобыла! Да, да! Ты не ослышался. Вот именно! Русский фольклор. Тем более что у нее кесарево. Роды не закончились, а он уже о четвертом ребенке рассуждает! Уморить мою дочь решил?

— Мужик, он и в Африке — мужик, — попытался шутить Верховцев.

— Перевяжи ей трубы, — приказала Инна Викторовна. — Вот пока она на столе — и перевяжи! Хватит с нее троих, она не лошадь!

Ульяна честно пыталась представить черного, как печная заслонка, Умару, в белом медицинском халате. Послушается он, что ли? А вообще-то трудно не послушаться ее, Инку, когда она вот так командует. Сестра сыпала на зятя медицинскими терминами, а Ульяна представляла, как в далекой Африке Умару, прижав трубку к щеке, конспектирует указания тещи.

— Так он тебя и послушал, — поддела Ульяна, едва сестрица положила трубку телефона.

— Пусть только попробует не послушать! — сверкнула на нее глазами Инна Викторовна. — Он знает, о чем я говорю. Он врач. Если Лиза станет рожать каждый год, как он того хочет, она скоро превратится в старуху. А он возьмет себе третью жену.

— Грех это, — с сомнением покачала головой Ульяна. — Природу не перехитришь. Она знает, кому чего надо.

— Значит, не перехитришь? А наука? Наука-то хитрей природы, как ни крути.

Настроение Инны Викторовны заметно поднялось после звонка.

— Я уже позвонил Андрею, обрадовал, — встрял вдруг доселе молчавший Верховцев.

— Зачем?

Инна Викторовна и Ульяна — обе уставились на него. Они словно только сейчас его увидели.

— Обрадовать, — растерялся Верховцев.

Инна Викторовна сделала глубокий вдох, подавляя раздражение. Ульяна ее прекрасно понимала. Неделю назад сестра крупно поскандалила с сыном. Из-за Оксаны. Они оба громко кричали в Лизиной комнате, Ульяна только расслышала последнюю фразу Андрея, которую он бросил на лестнице. Он сказал:

— Ты не даешь нам жить своей жизнью. Правильно Лизка в Африку улетела. И я уеду!

После этого Андрей хлопнул дверью, а Инна весь вечер пила валерьянку. Ульяна сразу душой встала на сторону племянника. И если бы не обследование, на которое ее утром отвезла сестра, то она бы непременно высказала все как есть. Но пришлось промолчать.

Хотя нельзя не заметить: Инна сильно переживает ссору с сыном. Он не звонил всю неделю. И Инна не звонила, выдерживала характер. Эта блаженная Кристина приходила, объела холодильник и ушла, ничего нового не сообщив. По ее, Кристиному, выходило, что все у них как всегда, только платят Андрюшке мало, поэтому у них дома нечего поесть. Колбаса быстро кончается. Наивная Кристина даже не подозревала, какие бури бушуют в сердце ее мужа.

И вот теперь Лиза родила двойню! Какой повод вес забыть и примириться! Какой предлог позвонить сыну и поговорить с ним так, будто ничего не случилось. На фоне такого события — какие там Оксаны, какие Кристины... А этот... этот... (Ульяна не смогла подобрать подходящего слова для Верховцева) — сам позвонил и все испортил. Ничегошеньки не понял! Нет, чужие дети — не свои! Ульяна раздавила Верховцева взглядом и вышла из комнаты вслед за сестрой.

— Как ты думаешь, Уля, — тихо начала Инна Викторовна, когда они остались на кухне одни, — Андрюшка правда может уехать?

Ульяна пожала плечами. Минуту назад она сказала бы: еще как может! Захочет — и к Лизке в Африку улетит, найдет себе африканку. Но сейчас ей было жаль сестру.

— Куда он денется, — проворчала она. — Сам небось ищет повод, чтобы прийти. Гордость мешает.

— Да? Ты так думаешь? — В глазах сестры плеснулась надежда.

— Как пить дать!

— Ну, тогда я... Тогда я придумаю повод!

Инна Викторовна подскочила и стала ходить по кухне туда-сюда. Она что-то придумала. Ульяна ждала, когда сестра предложит почаевничать вдвоем, посумерничать. Такие минуты Ульяна особенно любила. Они с сестрой доставали из холодильника какой-нибудь кекс, тортик. Сладничали.

А когда сестра начинала вот так бегать нервно, Ульяна не любила. В такие минуты Инка могла про чай и не вспомнить.

— Устроишь застолье по поводу рождения внуков?

— Нет, не подойдет. Внуков обмывать еще рано, тем более они такие слабенькие, по два шестьсот каждый. Пусть подрастут, чтобы не сглазить.

— Да и может не прийти Андрюшка. Поздравит Лизу по телефону, а сюда не придет, — вздохнула Ульяна. Сестра о чае не вспоминала.

— Вот именно, — машинально согласилась сестра. — Я устраю день рождения Оксаниной дочери. Сюда он не сможет не прийти.

Ульяна рот открыла. Вот те на!

— Юлька нам не чужая, жила здесь не один месяц. И с Оксаной я, собственно, не ссорилась. И покажу заодно, что хорошо к ним отношусь и ничего против них не имею.

— Вот это правильно. А вдруг Андрюшка все же уйдет от Кристинки к этой Оксане?

— Все может быть, — согласилась Инна Викторовна.

— Все же Оксана — не Умару. В Африку Андрюшку не увезет, — разулыбалась Ульяна. — А ребенок... Подумаешь — ребенок. Вон Лариска на троих не побоялась выйти.

— На двоих. Один у них общий.

— На двоих, на троих... Разница!

Сестры рассмеялись. Через пять минут, к вящему удовольствию Ульяны, сестры уже пили чай, обсуждая детали праздника.

А на праздник Инна Викторовна не покупила. И шаров накупила, пиццалок каких-то. Верховцев лазил, развешивал украшения с большим удовольствием. Ульяна уже про него все поняла. Любит мужик оторваться на халяву. Только Инка этого не замечает. Одиноко ей без детей в такой хормине. Хоть кто живой рядом.

Первыми приехали Петровы. Петров-старший нес на руках конверт с Петровым-младшим.

— Как назвали? — заглянула Ульяна за кружева. Сморщенный Петров-младший пускал слюни.

— Димкой. Саша назвал в честь друга, — улыбнулась Лариса. Она держала за руку тщательно причесанную девочку-первоклашку.

Оксана хлопотала на кухне. Юльку повели наряжаться. Инна Викторовна подарила имениннице платье необычайной красоты.

Ульяна наблюдала за происходящим с живым интересом. Здесь все друг друга знали, а она многих видела впервые. Ульяна проковыляла на кухню, придумав пустячную надобность. И толкалась там с полчаса. За эти полчаса она сделала вывод: Оксана — далеко не Кристина. И сестрица делает большую глупость, мешая прибраться к рукам недотепу Андрюшку. За Оксаной бы ему жилось как у Христа за пазухой. А ребенок — что? Бегаёт себе и бегаёт. А второго родят — нянькой будет. Ульяна приняла из рук Оксаны бадейку с салатом и двинулась в гостиную. Именинницу поставили посреди комнаты на высокое кресло, и гости вокруг нее водили хоровод. Ульяна даже посетовала в душе на свои ноги, позавидовала заразительному веселью. Пришли Андрей с Кристиной, принесли куклу. Вот тут для Ульяны началось самое интересное. Она во все глаза пялилась на этот любовный треугольник. Оксана изо всех сил показывала, что ничего нет, а Андрей — наоборот, ловил взглядом Оксанины глаза. Только наивная Кристина ничего не видела. Уплетала за обе щеки салаты да манты. И куда в нее помещается? Скелет скелетом...

Инна Викторовна сидела рядом и не забывала про сестру, подкладывала той вкусенького. У Ульяны наступил долгожданный праздник души. Вот они, те самые моменты, ради которых она каждый раз оставляла на соседей хозяйство и отправлялась в сестрицыну клинику на лечение. На выходные сестрица неизменно забирала Ульяну из больницы домой и всячески обхаживала. И непременно собирала всю семью за столом. Повод мог быть любым, но Ульяна считала, что традиция поддерживается исключительно ради нее.

Пока Ульяна лакомялась и тешила себя подобными мыслями, в холле прерывисто затренькал звонок. Андрей побежал открывать.

Появилась женщина возраста Ульяны, простая, без претензий, в платочке. Юлька подбежала к ней.

— Оксанина свекровь, — шепотом пояснила Ульяне сестра. — Полгода с внучкой не общалась. Обиделась за сына.

— Извините, что без приглашения, — громко сказала вошедшая. — Не могла не прийти, не поздравить внученьку свою... кровиночку.

Юлька засмушалась, она не понимала, отчего у бабушки глаза на мокром месте. Бабка, видимо, собиралась поздравить и уйти. Но галантный Верховцев усадил ее за стол и принялся потчевать.

«От такого не отбрыкаешься», — усмехнулась Ульяна и стала рассматривать новую гостью со своим беззастенчивым живым любопытством. Та все никак не могла заняться угощением, глаз не сводила с внучки. Все оглаживала ее, шептала ей что-то на ухо.

А сидели они как раз напротив Ульяны, и та — хочешь не хочешь — наблюдала их общение.

Бабка как-то скорбно поглядывала на девочку и подсовывала ей то конфетку, то яблочко!

Жалко Ульяне стало женщину. Что-то свое, личное, спрятанное глубоко-преглубоко, обдало внутри горячим.

— Как внучка-то на бабушку похожа! — громко сказала Ульяна, перекрыв своей громогласностью все голоса в гостиной.

Она не поняла, почему все так резко замолчали. Почему так все уставились на нее, Ульяну, и зачем сестрица так настойчиво толкает вбок.

— Носик уточкой, как у бабушки, — продолжала она уже не так громко. А потом и вовсе смешалась под напором выразительных взглядов. — И брови — домиком...

Теперь все как один уставились на бабуку с внучкой. Даже стали поддакивать, правда, не слишком дружно. Бабушка, польщенная вниманием и комплиментом, расцвела, внучку к себе прижала.

А Ульяна почувствовала, как Инна сильно сдавила ей пальцы. Сестры вышли на кухню.

— Не лезь, куда не следует! — резко сказала Инна. Ульяна обалдела.

— Нет, а чё такого-то? Если они похожи? Ты сама-то глаза разуй! Внучка — бабкин портрет.

— Да не могут они быть похожи! Оксана Юльку нагуляла, не от мужа она!

— Значит, от мужа! — гаркнула Ульяна и для убедительности шваркнула по столу кулаком. Ох, не любила она, чтобы ее воспитывали... Ульяна приготовилась еще что-то сказать, но в кухню влетела в совершенно безумном состоянии Оксана. Она была белее салфетки.

Инна Викторовна подскочила к ней, потом прыгнула к шкафчику с медикаментами.

— Я сейчас, валерьяночки...

Инна Викторовна прыгала вокруг Оксаны, а Ульяна сидела на табуретке и пыхтела, наблюдая за суетой. Вот ведь надо было вылезти с языком! Ну а если разобраться, кто виноват? Сами и виноваты — предупреждать надо!

Инна Викторовна что-то щебетала непрерывно, а Оксана будто и не слышала ее. Вдруг она отвела руку Инны Викторовны с валерьянкой — и посмотрела внимательно сначала на Ульяну, а затем — на Инну Викторовну. В глаза.

— А что, если Юлька действительно дочь Игоря? — спросила она, и никто не понял, какие чувства вложила она в эти слова.

— Оксана, перестань, — остановила ее хозяйка дома. — Ты так с ума сойдешь!

— Его новая — беременна! — заорала та не своим голосом. — И носик действительно уточкой. Как у свекрови!

\* \* \*

Лиза даже не представляла, что бывает такая слабость. Тело плохо повиновалось. В большом зеркале заметила, что ее отражение шатается как пьяное. После первых родов она гораздо быстрее пришла в себя. Близнецы же отнимали у нее все силы. Она кормила их сама, и порой ей мерещилось, что эти два маленьких чуда наперегонки стремятся высосать из нее все соки. Особенно мальчик. Темный, как шоколад, он схватывал грудь так цепко, что Лиза только что не кричала от боли. Девочка была не столь сильной, но зато требовала к себе постоянного внимания. Приходилось носить на руках.

Лиза слышала настойчивый плач сына и, передвигаясь не так быстро, как хотелось бы, злилась на себя за свою слабость, злилась на мужа за то, что вопреки ее пожеланиям распорядился

устроить детскую "так далеко от спальни. Злилась на новую неумеху няню, которую наняли совсем недавно и которая совершенно не понимала Лизу. Приходилось общаться жестами. Осталось только еще наскальные рисунки оставлять на стенах, примерно следующего содержания: «Мой детские игрушки с мылом». Или: «Ополаскивай пустышки кипяченой водой!», «Не вытирай пеленкой пыль!» Лиза подозревала, что частенько, выслушав Умару с совершенно подобострастным лицом, эта черная как ночь девчонка поступает по-своему и не берет в свою курчавую голову ничего лишнего.

Наконец Лиза добралась до детской. Силы кончились, и она решила отдышаться, держась за прохладную стену, отделанную мрамором. Полы в доме тоже были мраморные, для прохлады. Сквозь стеклянную стену детской Лиза наблюдала картину, которую уже успела нарисовать в своем воображении. Нянька сидела в кресле и слушала плеер. Она держала в руках мирно сопящую девочку, а ногой раскачивала люльку с надрывающимся от крика мальчиком. Вид у няньки был совершенно беззаботный и мечтательный. Она смотрела в потолок и подпевала мелодии.

«Вот обезьяна! — разозлилась Лиза. — Ну как с ней разговаривать?»

Лиза всегда подозревала, что Умару взял няньку прямо из джунглей. Там еще жили племена, подобные Ларисиному Желтому Цветку. Представить юную няньку раскачивающейся на лианах или раздувающей костер не составляло труда. Лизу даже шатать перестало. Сжав губы в линеечку, она молча вошла в детскую и, не взглянув на няньку, двинулась к кровати сына. Он посинел от крика. Няньку ветром сорвало с кресла. Она вытянулась в струнку, прижав к груди сверток с девочкой. Лиза взяла сына и сразу поняла, что зря это сделала. Он тут же начал по-звериному настойчиво искать грудь. А ведь она его недавно кормила. Лишь подумав о возможном кормлении, Лиза почувствовала мгновенную боль в груди и положила сына обратно. Он на секунду стих, а потом, поняв, в чем дело, зашелся с новой силой. Няня уложила девочку в кровать и теперь виновато сопела рядом, с бутылочкой наготове. Лиза кивнула. Мальчику сунули в рот соску с водой, и, почмокав с минуту, он уснул.

— А где Маша? — Лиза только теперь обратила внимание, что кровать старшей дочери пуста. А ведь ей самое время спать после обеда!

Лиза выжидательно воззрилась на негритянку. Та поняла, что не отвертеться, принялась лепетать по-своему, очень эмоционально и быстро, помогая себе жестами. Из всего набора ее слов Лиза сумела понять, что ребенок играет с кем-то из своих.

Лиза повернулась и пошла в указанном направлении. Когда же это кончится? Сколько раз она пыталась разъяснить новым родственникам, что для детей необходим режим. Они слушали ее улыбаясь, но поступали, как им удобно.

Лиза двинулась к холлу, но никого там не нашла. Так и есть, девочку унесли на половину свекрови, и теперь придется тащиться туда и объясняться с родственниками.

Лиза вернулась в детскую и приказала няне привести девочку.

Она стояла у кроваток близнецов и не чувствовала ничего, кроме оупляющей усталости. Однако она понимала, что близнецов придется забрать из детской, поскольку няне всех троих доверить нельзя. Справилась бы со старшей, Машенькой. Ей поскорее захотелось устроить все по-своему, убедить мужа в том, что она уже совсем здорова и сама в состоянии ухаживать за близнецами. Но Умару все не шел из клиники, где, как обычно, было полно работы. Он считал, что все прекрасно устроил, и был счастлив оттого, что у него наконец-то родился сын.

Мальчика назвали Андрэ. Девочку, которая оказалась на несколько тонов светлее своего брата, назвали на французский манер — Мишель.

Услышав голосок Маши на лестнице, Лиза поспешила навстречу.

Маша лопотала, гремя цветными крупными бусами. Нуами держала девочку на руках и что-то говорила ей по-своему.

Лиза увела дочку в холл, обняла, будто не видела сто лет. После родов, больницы ей казалось, что Маша в ее отсутствие росла не по дням, а по часам. По сравнению с близнецами девочка выглядела эдакой крепышкой, радовала глаз. Лиза зарылась носом в ее кудряшки. Если бы мама могла видеть внуков хоть изредка! Больше всего Лизе хотелось, чтобы кто-то из близких разделял ее радости и печали, чтобы вместе с ней любовался ее детьми, чтобы было кому пожаловаться и с кем посмеяться. И то, что Маша родилась в России и ее держали на руках все близкие, окрашивало Лизину любовь к дочери в особенные, ей одной понятные, тона. Девочка гремела бусами сестры Умару, что-то лепетала себе под нос, и вскоре они обе уснули на диване в холле, обнявшись.

Когда Лиза проснулась, то не обнаружила дочери у себя под боком. Она развернулась и сразу увидела Умару с Машей на руках. Маша трепала его блокнот. Умару улыбнулся Лизе своей обычной улыбкой, но Лиза сразу поняла, что он чем-то озабочен. На ее вопросы он отшутился, тогда она начала рассказывать, как прошел день, жаловаться на Нуами и выкладывать свои соображения насчет устройства близнецов.

Вопреки своему обыкновению Умару не возражал. И уже к вечеру две горничные занялись обустройством ближайшей к спальне комнаты. Назавтра близнецов перевели туда. К вечеру следующего дня Лиза поняла, что переоценила свои силы. Она не умела делать дела кое-как, поэтому мытье и кипячение детской посуды, кормление, уход за малышами отнимали все ее не восстановленные после родов силы. Ее шатало, зато близнецы, сытые и чистенькие, мирно сопели в своих колыбельках ровно по часам. Лиза падала с ними рядом на диван и успокаивала себя тем, что совсем скоро они подрастут и тогда она с улыбкой станет вспоминать эти трудные дни. Шутка ли — сразу трое младенцев! Любая взвояет... К счастью, больше у нее детей не будет. Умару все-таки послушался грозную тещу. В роддоме Лизе перевязали грубы.

## ГЛАВА 22

Оксана сама не знала, что ее привело в этот час к Ларисе. Просто не могла она больше оставаться дома в этот выходной. Не могла. Ноги вынесли ее на улицу. Она шла, сама не зная куда, пока не уткнулась в старый дом, еще сталинской постройки, и не поняла, что пришла к Петровым.

Маленькая серьезная Анечка возила коляску с братиком по большой трехкомнатной квартире. То там, то здесь раздавалось довольное агуканье или же наставительная речь няньки. Лариса пекла блины и складывала их высокой горкой на тарелку посреди стола.

— Мажь медом, — угощала она подругу.

Оксана хлебала пустой чай и качала головой. Не могла есть. Кусок в горло не лез. Вообще жила как во сне с того самого дня, когда узнала, что Игорь в новой семье ждет ребенка.

— Мама, Диму переодеть надо. Он мокрый. — Девочка возникла в проеме дверей.

Лариса убежала, обдав Оксану теплом своей улыбки.

— А ты счастливая, — без всякого выражения констатировала Оксана, когда подруга вернулась на кухню.

— С чего ты взяла? — Лариса уселась напротив и подперла щеку рукой.

— Глаза у тебя совсем другие стали. Светятся, — отозвалась Оксана, а про себя подумала: «Когда-то и у меня такие были глаза. И я была счастлива».

— Да уж какие тут глаза! — отмахнулась Лариса весело. — Только успевай крутись! У одного пеленки, у другой уроки, прописи, чтение... У третьего — переходный возраст. А уж про нас, взрослых, и говорить не приходится...

А потом, выпив чаю, Лариса согласилась:

— А вообще-то ты права. Мне моя жизнь нравится. — И поспешно добавила: — У тебя тоже все наладится. Вот увидишь.

Оксана только невесело усмехнулась в ответ. С кем? С кем наладится-то? С Андреем? С Игорем?

— Встретишь человека, с которым начнешь все заново. С белого листа, — словно отвечая ее невеселым мыслям, пообещала подруга.

— Когда там твоя новая экспедиция? — поинтересовалась Оксана. — Возьми меня хоть поварихой, что ли... Вдруг попаду в какую-нибудь переделку, заблужусь, как ты, авось в меня кто-нибудь влюбится.

Оксана изо всех сил пыталась вытащить себя из того ужасного настроения, в котором увязла, как в болоте.

— Зачем ждать экспедиции? — задумчиво проговорила Лариса. — Вот. — Она сняла с шеи камешек на веревочке и протянула Оксане. — Все в моей жизни перевернулось, когда я нашла этот амулет..

Оксана вертела на ладони отшлифованный камешек. Цветок, выбитый на плоской поверхности, кое-где позеленел от времени. Подумать только... Ведь его носила какая-то женщина. Любила, рожала детей, старилась... Так давно, что даже представить трудно!

— Увидеть бы, кому он принадлежал... — вслух подумала она.

— А мне иногда кажется, что я все про нее знаю, — призналась Лариса. — Какой она была, что любила. По крайней мере любовь в ее жизни присутствовала. Это точно. И мне кажется, у нее было много детей, половина из которых неродные ей по крови.

— Мистика, — ответила Оксана и вернула амулет. — Это — твое. Ты заслужила помощь венериного башмачка, а я — нет. И разгребать мне свою жизнь самой, без всяких талисманов.

Оксана ушла от Ларисы и вернулась в малосемейку. Она возвращалась к себе с непонятным нарастающим волнением в душе. Сердце стучало так, что, поднимаясь по лестнице, она задохнулась. Остановилась на площадке между этажами передохнуть и увидела Игоря. Он сидел на верхней ступеньке лестницы и курил. Ждал ее.

— Привет, — сказала Оксана, и что-то внутри у нее перевернулось и ухнуло. — Давно сидишь?

Игорь пожал плечами.

Пока они шли рядом по коридору До двери квартиры, Оксана почти ощущала, как внутри у Игоря тоже что-то переворачивается и ухаает. Они молча вошли, молча сняли куртки. Молча прошли на кухню. Оксана села на табуретку, а Игорь остался стоять. Вынул из кармана бумагу и положил перед ней. Она не притронулась к ней. Все равно ничего не разобрала бы в этих латинских медицинских терминах. Когда-то она всячески сопротивлялась, не хотела подвергать Юльку этой процедуре. Неделю же назад сама предложила Игорю пройти тест на отцовство. Теперь результаты теста лежали перед ней, а она не могла заставить себя развернуть бумагу и взглянуть на них.

Игорь достал сигареты, стал вытряхивать из пачки. Руки его дрожали, зажигалка выпала и ударилась о пластик стола.

Оксана вздрогнула.

— Юлька — моя дочь, — наконец не выдержал Игорь. И поднял зажигалку. Тихо повторил: — Юлька — моя дочь...

Оксана почему-то не могла больше находиться в тесной кухне. Она прошла мимо Игоря, заметалась по комнате, бесцельно переходя от предмета к предмету. Больно стукнулась о гладильную доску локтем, плюхнулась на диван и стала тереть свой локоть, словно в нем сосредоточилась вся ее боль. Игорь пришел из кухни, стоял, подпирая косяк, и смотрел, как она нянчит свою руку. Они были как глухонемые оба. Игорь первый не выдержал. Он в одно движение оказался возле Оксаны, опустился на палас, уперся грудью в ее колени. Стал целовать ее ушибленный локоть. Запах мужчины, много лет делившего с ней постель, что-то повернул в ней. Она вцепилась в Игоря, и они оба оказались на полу, продираясь друг к другу сквозь одежду, как сквозь непроходимую чащу. Эти объятия были захлеб. Каждый знал, что любая мелочь может все испортить, остановить, разрушить. Они любили друг друга как раньше, как давным-давно, в первые месяцы совместной жизни, когда страсть накрывала их внезапно, не спрашиваясь, а желание заставляло врасплох где угодно — на кухне, в ванной, в гостях... Игорь горячо дышал ей в волосы, а она кусала его подбородок, мешая обиду и боль со стонами удовольствия...

Потом, растерзанные, они лежали на полу, не зная, что будет дальше. Над головами равнодушно тикали часы. Во дворе за окнами кричали дети. Игорь лежал, уткнувшись ей в руку. А она посмотрела перед собой, и в поле ее зрения попадались привычные предметы: Юлькина игрушка — цветастый клоун, круглые часы, телевизор... Возле телевизора стояла синяя ваза. Золотом по синему узоры. Вазу когда-то Оксана привезла из дома, это была вещь родителей. Ее пришлось склеить, потому что Игорь в один из своих приступов бешенства разбил ее. Почему она сразу не выбросила вазу? Зачем-то склеила, как сейчас пытается склеить разбитую жизнь. В нее все равно уже не поставишь цветы — склеенная ваза больше не держит воду.

Игорь потянулся за сигаретами, закурил.

Оксана поднялась. Вытянула из шкафа халат. Неторопливо застегнулась. Собрала свои вещи и положила на полку.

— Уходи, Игорь. Тебя ждут.

Она знала, что он смотрит ей в спину. Она даже представляла его взгляд, знала выражение глаз. Она не обернулась. Молча слушала, как он одевается. А он одевался медленно, тянул время. И мучительно подбирал слова. А слова не подбирались, потому что никогда Игорь не отличался особой разговорчивостью. И ситуация была не та, которую можно было развернуть при помощи слов. Тихо попрощался и вышел. И по его дрогнувшему голосу Оксана поняла, что он плачет. Она тоже плакала. Стояла и смотрела, как он, ссутулившись, идет через двор. Он уходил навсегда, она знала это. И надежды не осталось совсем. Но Оксане почему-то было уже немного легче, чем два часа назад, когда она только еще ждала этой встречи, ждала результатов теста. Ей становилось легче, словно Игорь забрал половину ее боли и унес с собой.

\* \* \*

Нуами нравилась ее новая жизнь — в большом чистом доме в два этажа. Это совсем не то, что жизнь в деревенской хижине. Да и нянчиться с дочкой хозяина совсем не трудно, если ты выросла в семье, где семеро братьев, а дочерей отец и не считает...

Нуами молила Бога, чтобы уехать из дома и устроиться работать в хорошее место. Бог услышал ее молитвы. Ее взяли нянечкой к доктору Умару, и ей нужно было лишь возиться с его близнецами да присматривать за годовалой дочкой. К тому же близнецов потом забрала хозяйка, ухаживала за ними сама. Хотя Нуами видела, как трудно хозяйке справляться с детьми. Уж больно они орут, всегда чего-то требуют. У них в деревне не принято обращать внимания на крики младенцев. Матери с младенцами за плечами ходят в поле работать. Но здесь, в городе, совсем другое дело. О такой работе, как у Нуами, можно только мечтать. Если бы не вспышка болезни, о которой только и твердит доктор Умару, ей бы не приходилось особо утруждать себя. Теперь же в доме только и говорят: дизентерия Телевизор включишь, та же дизентерия. Нуами совсем не нравились кадры, которые она видела по телевизору: дети со вздутыми животами возле такой же хижины, как в ее деревне. Она знала: болезнь зарождается в реке и с водой попадает к людям. Чтобы в дом не проникла дизентерия, Нуами приходится кипятить бутылочки и без конца протирать в детской все игрушки. Доктор Умару каждый вечер заходит в детскую и все сам проверяет. И руки Нуами проверяет и спрашивает, часто ли она моется. Но она не обижается. Честно говоря, мыться она действительно не любит. Воду в деревне приходится экономить, и Нуами привыкла обходиться малым. Она могла спокойно помыться с ног до головы одним-единственным чайником воды. Ванна, наполненная горячей водой, с пеной, пугает ее. Нуами наполняет ее для виду, к моменту прихода хозяина. Он видит, что в ванне журчит вода, и хвалит Нуами за чистоплотность. Доктор доволен ею. Он перевозносит чистоту. Он уходит, и Нуами выпускает воду.

Малышей каждый день купают. Иногда и по два раза. Нуами только готовит воду. Купать приходит хозяйка или мать хозяина. Иногда и сестры хозяина приходят купать детей. С ними весело. Да и с маленькой Марией Нуами справляется. Вот только та становится с каждым днем все подвижнее. За ней нужен глаз да глаз. Так и норовит засунуть в рот все, что попадет.

...Но как ни старался доктор Умару, как ни берег свой дом от эпидемии, не миновала болезнь и его порог. Заболела одна из сестер хозяина, потом служанка с той половины, где жила его мать. Затем — одна из поварих. Хозяин ходил мрачнее тучи. Сам был готов мыть мраморные полы раствором хлорамина. Каждое утро осматривал детей, а заодно и Нуами — трогал живот и приподнимал веки. Смотрел язык. И все же первой на их половине заболела молодая хозяйка. Жалко было белую как мрамор хозяйку, хоть плачь. Да и то сказать: при такой белой коже как не заболеть? Нуами слышала, что там, у хозяйки на родине, люди болеют не от жары, а от белого как сахар снега. И когда хозяйку увезли в больницу, хозяин нанял медсестру для ухода за близнецами. Медсестра и к ней заходила. Нуами ее немного побаивалась. Строгая и неразговорчивая медсестра заставила ее перемыть все в детской. Специальным раствором

протереть окна и москитную сетку, обработать одежду маленькой Марии. А когда вечером пришел хозяин, медсестра заявила, что детей нужно изолировать, чтобы они не смогли заразиться друг от друга. Хозяин на все соглашался. Он был так расстроен болезнью жены, что, пожалуй, ухватился бы за любую помощь и любой совет. Близнецов разделили по комнатам. В доме с утра до вечера шла уборка. Хозяин сам бы кормил и пеленал своих детей, но эпидемия отнимала все его время. Он жил на работе.

Нуами старалась изо всех сил. Боготворила хозяина и боялась потерять место. Ох как боялась потерять место! Потерять место для нее — это покинуть белый богатый дом в центре города и вернуться в свою деревню. Не смотреть телевизор, не мечтать о толстой нитке коралловых бус и о платье, как у белой госпожи... Особенно — о платье. Нет, Нуами не может потерять эту работу! Она будет делать все, чтобы был доволен хозяин!

...Когда у Нуами немного приболел живот, она никому ничего не сказала. Она решила, что за ужином съела салата больше, чем нужно. Нельзя есть много зелени, от этого бурчит в животе. Нуами знала это, но иногда забывала. Она просто объелась зеленью. То же самое она сказала себе, когда заглянула в унитаз, перед тем как нажать на кнопку бачка. Слишком много зелени...

Нуами знала: если хозяин узнает о ее состоянии, он не станет разбираться — салат не салат... Он немедленно отстранит ее от детей. Уволит. Слишком уж трясется он над детьми. Его можно понять. Дети родились недоношенные, с маленьким весом. К тому же он так ждал сына. Его первая жена не могла родить, и господин Умару взял вторую жену, белую. Белая жена принесла ему троих детей. Старшая девочка такая хорошенькая, что залюбуешься. Теперь господин Умару и слушать не станет про какой-то там салат. Поэтому, когда доктор пришел к детям после работы, Нуами держалась молодцом, улыбалась во все тридцать два белоснежных зуба, протягивая доктору Умару его дочь. Сегодня доктор побыл с малышкой совсем недолго. Не доставал Нуами расспросами и ограничился обычным осмотром. Его беспокоило состояние жены, она это сразу поняла. Едва хозяин ушел, Нуами посадила девочку в манеж и кинулась в туалет. Она едва добежала. К ночи ей стало совсем плохо, она не могла стоять. Девочка плакала, а Нуами, свернувшись клубком, стонала на диване. Ее трясло так, что стучали зубы. Утром ее в таком состоянии обнаружила горничная. Она не стала слушать слезные мольбы несчастной няни. Позвали медсестру, которая немедленно позвонила доктору. Медсестра сама посадила маленькую Марию на горшок. Девочка капризничала. Когда ее подняли с горшка, сомнений не осталось: ребенок заразился. Вконец измученную Нуами вместе с воспитанницей немедленно госпитализировали.

...О состоянии дочки Маши она узнала не сразу. Только когда температура нормализовалась, Лиза стала подниматься и ходить. Пришел Умару, и она без труда прочитала в его лице новую заботу.

— Как дети? — Она ухватилась за руку мужа и заглянула в его глаза.

— С близнецами все в порядке, — вымученно улыбнулся Умару.

Лиза испугалась. Она сильнее сжала его руку.

— А Маша? Что — Маша?! — От того, что он молчал, сердце словно застряло в животе и билось там, как пойманный воробей. — Ну говори же! Она заболела?!

— Она в больнице, — кивнул Умару.

...Лиза стояла, прижимаясь лбом к прохладному стеклу палаты. Врачи в синем толпились

вокруг стола. Лиза видела только маленькую ручку, ставшую за эти дни совсем тоненькой. От ручки тянулась трубка системы. Умару тоже был там, среди врачей, но Лиза не видела его. У нее в глазах была только эта маленькая ручка. Лиза жаждала вцепиться в нее, держать. Ей казалось, что она одна в состоянии помочь своей девочке; она одна может и должна удержать ее в этом мире, не дать уйти. Но Лизу к дочери не пустили. Чертовы порядки! Зато здоровые и сильные врачи слишком спокойно, слишком равнодушно, как казалось Лизе, двигались вокруг ее девочки, не пытаясь совершить невозможное. Лиза скулила за закрытой дверью подобно собаке, у которой отняли щенков. Она давилась слезами собственной беспомощности, она испытывала отвращение к собственной слабости, к своим трясущимся коленям и высохшему от болезни телу. Мир вокруг раскалился докрасна и гудел, гудел... Потом она поняла, что это гудит в кармане ее телефон. Трясущимися руками она достала мобильник и увидела на дисплее родное «мама». Лиза всхлипнула, как в детстве, и, как спасительную надежду, прижала к щеке мобильник.

— Мама! — проговорила она, захлебываясь слезами. — Она умирает, мама! Наша Машенька умирает! Помоги мне...

\* \* \*

Все же перед отъездом Ульяна не выдержала. Не смолчала. Все оказалось не так в этот ее приезд к сестрице. Все не так. И виновата во всем сама же сестрица Инночка. А кто же еще? Все потому, что счастья захотела. Всю жизнь его искала и не устала от поисков. А какое еще такое счастье-то в пятьдесят лет? Детей собери вокруг себя и радуйся. Нет, нужна любовь! А с чего началась вся свара? С любви и началась. С Андрюшкиной. Он заявился к матери и объявил, что от Кристинки ушел и жить будет дома, поскольку Оксана его отвергла.

Стали разбираться и выяснили, что давеча он надел свой парадный костюм, купил цветов и поехал к любимой женщине делать предложение. А она развернула его на 180 градусов и заявила, чтобы он возвращался к жене и не маялся дурью.

Андрея встретил полковник и стал утешать при помощи коньяка. Инна Викторовна возмутилась такой поспешности сына. Зачем, дескать, сразу предложение делать? От одной и сразу к другой! К чему, мол, такие крайности? Слово за слово, Андрюшка хлопнул дверью и покинул отчий дом. Вернее, материнскую обитель. Вот тут Ульяну и прорвало. Может быть, она бы и смолчала, не оказись в тот момент на семейной кухне Верховцева, который закусывал куриной ножкой, отложенной для себя Ульяной Викторовной. И ведь все в доме знали о том, что она любит ножки, и в прошлые свои приезды она с таким вопиющим невниманием не сталкивалась.

— Раскидала, значит, детей... — начала Ульяна, обращаясь к сестре, но наблюдая за Верховцевым. — Рассовала по углам, успокоилась.

— По каким таким углам я их рассовала? — с пылу с жару подхватила та. Она еще от перебранки с сыном не остыла. — Я все для них сделала! Все им отдала!

— Что сделала-то? — подначивала Ульяна, краем уха улавливая, как смачно хрустит куриной ножкой приبلудный полковник. — Кого Андрюшке позволила в жены взять? Чуду, какую и не придумаешь!

— Будто он меня спрашивал! А то ты Андрея не знаешь, Ульяна! — отмахивалась Инна Викторовна, перетирая тарелки. Она рукам дело искал», ей тошно было после ссоры с сыном.

— Знаю. Знаю, что он — дитя неразумное, а ты — мать. Как допустила? А теперь винишь его, а

в чем он виноват?

— В том и виноват, что башкой не думает вперед! Ульяна все смотрела на Верховцева, и так он бесил ее своей невозмутимостью, что она только выжидала момент, чтобы вцепиться в него напоследок, как он в ту курицу.

— На то ты и мать, чтобы за детей все обдумать. А просто тебе так удобнее, вот что я тебе скажу!

— Что удобно-то мне? Что ты несешь?

— А то и удобно! Что они не на глазах! Андрюшку спихнула абы за кого, Лизу так вообще, срам сказать, куда спавила...

— Я — спавила?! — задохнулась Инна Викторовна.

— А кто же? Я, что ли? Чтобы самой на старости лет вольготней было любовью заниматься!

— Ульяна Викторовна! — Брови полковника удивленно полезли вверх.

— А я шестой десяток Ульяна Викторовна! — обрадовалась та, что наконец задела полковника за живое. — Что, правда-то глаза колет?

Инна Викторовна махнула рукой и быстро вышла из кухни. Но Ульяне она и не нужна была. На ее удочку попался полковник.

— Зачем же вы так с сестрой? — укорил он гостью — Инна к вам всем сердцем.

— А она знает, за что мне добром платит! — отрезала Ульяна. — А ты в наши родственные дела не лезь. Ты здесь кто? Нет никто! Ноль! Вот!

— Ну как же? — растерялся полковник. — Я в некотором роде...

— Вот и дело-то! В некотором! Ты тут не первый!

И Ульяна, беззастенчиво загибая пальцы, стала называть фамилии сестриных официальных и гражданских мужей. Тех, кого помнила.

Полковник засмутился Он не знал, что ответить на такие выпады.

— И где они теперь? — резонно поинтересовалась Ульяна. — Ветром сдуло. И тебя сдует, ежели будешь шибко высываться. — И она кивнула на обглоданную куриную ножку.

Полковник растерянно притих. А Ульяна разносила его почем зря и остановиться не могла.

Но Инна Викторовна остановила ее. Влетела на кухню и сказала:

— Тише вы! Замолчите.

И включила телевизор. Показывали Африку. Рахитичных негрят со вздутыми животами, тростниковые хижины, грязно-мутную реку.

Все трое прилипли к экрану.

— Не удалось избежать новой вспышки дизентерии и на территории Южно-Африканской Республики, — объявила диктор. — Больницы переполнены, а зараженные все продолжают поступать.

И все. Канал переключился на другой сюжет, а сестры так и остались перед телевизором, не в состоянии не то что спорить, но и даже просто говорить. Не сговариваясь, бросились они к телефону. И услышали страшную новость. Машенька, их первая внучка, которую они вместе качали в колыбельке, умерла от дизентерии. В дом Инны Викторовны пришло горе.

Эпилог

— А католическое Рождество — это теперь наш семейный праздник?

Петров хитро блеснул глазами и что-то прятал за спиной.

— Конечно, — невозмутимо ответила Лариса, дорисовывая последние штрихи макияжа. — Умару — католик, и мы должны быть солидарны.

Петров притворно вздохнул и протиснулся в спальню вместе со свертком.

Лариса сделала вид, что ничего не заметила. В зеркале ей виден был весь Петров, в парадном костюме, с галстуком. И то, как он возился, разворачивал свой сверток. А сверток был плоским, и она уже догадалась, что там картина. К тому моменту, когда Петров справился с завязками и бумагой, Лариса повернулась к мужу лицом, чтобы оценить подарок.

— Закрой глаза! — поспешно заорал он.

Лариса повиновалась. Муж приблизился и установил свой подарок так, чтобы Лариса увидела сразу во всем объеме.

Она открыла глаза. Это действительно была картина. На пестром фоне разнотравья выделялся бордово-желтый цветок. Он гордо выпирал свою желтую губу, собственными листьями создавая себе фон. Вдалеке художник изобразил холмы с обрывками леса. Но сразу становилось понятно: картина писалась ради цветка. И он был прекрасен.

— Нравится?

— Спасибо, Саша... — Лариса была тронута. Она не могла сразу подобрать слова, чтобы выразить нахлынувшие чувства. Она понимала, что подарку предшествовала целая эпоха: сначала Петров обдумывал, потом искал художника, потом объяснял тому, что да как. — Где бы нам ее повесить? — Она задумчиво осмотрела спальню.

Когда в комнату вошел Петров-средний, то застал такую картину: родители, нарядные и полностью готовые отправиться в гости, с молотком и линейкой возятся у стены.

— Мы в гости-то идем? — поинтересовался он.

— Идем, — хором подтвердили предки.

— Тогда завяжите мне кто-нибудь галстук.

Лариса поняла, что Сашка пришел специально для того, чтобы она внесла последний штрих в его облик. Он любит, чтобы она уделяла ему внимание. Ведь в основном ее время занято

мачышами. Маленький Димка такой шустрый, никому покоя не дает. Ползает по квартире, как снегоход, вот-вот встанет на ноги и побежит. С Аней приходится много заниматься, чтобы оценки были хорошие. Вот Санька и хитрит. Лариса завязала ему галстук и поправила воротник.

— Нравится картина?

— В нашей семье, похоже, культ венериного башмачка, — констатировал Саша.

— Это наша семейная легенда, — отозвался Петров-

старший с табуретки. — Когда я отважно спасал Ларису Николаевну из лап смерти, у нее на шее висел талисман с цветком.

— Но сначала Лариса Николаевна нашла меня, — напомнил Саша. — И если бы мы с Димой не полезли в эту пещеру, то вы вообще никогда бы не познакомились. Ты ведь, батя, не любитель ходить на родительские собрания.

— Оболтус... — проворчал отец и слез с табуретки.

— Какие вы оба красивые! — похвалила Лариса и подтолкнула их к выходу. — Нехорошо опаздывать.

Когда Петровы прибыли в дом Ларисиной тети, все были уже в сборе. Юлька выбежала им навстречу и сразу затеяла возню с Аней. Маленького Димку унесли наверх — он уснул еще в машине. В гостиной командовал полковник. Он расставлял бутылки, Андрей помогал ему. Рядом с Андреем Лариса заметила незнакомую девушку.

Лариса прошла за теткой на кухню.

— А кто эта девушка?

— Андрюшка привел, чтоб Оксану позлить. Будто ты не знаешь его.

— Значит, к Кристине он возвращаться не собирается?

— Развелся официально. В нашей семье это был год разводов, похоже, — невесело усмехнулась Инна Викторовна, доставая из холодильника салаты. — Он, дурачок, не понимает, что Оксана еще не отошла от стресса. Ей время нужно.

— Она очень любила Игоря. Но ведь... прошел почти год? Любая боль исчезает...

Наткнувшись на взгляд своей тети, Лариса осеклась. Любая, да не любая. Тетя Инна до сих пор не может спокойно говорить о Лизиной Машеньке.

— Если бы Андрей слушал меня, — проворчала Инна Викторовна, но тут же замолчала. Потом добавила: — Я, Ларочка, себе зарок дала: больше ни во что не вмешиваюсь. Пусть все идет как идет. Режь хлеб.

Лариса послушно принялась за хлеб.

— Я Лизе посылочку к Рождеству отправила, — сказала Инна Викторовна, и Лариса сразу поняла, где на самом деле находится всеми мыслями ее тетка. — Игрушки, костюмчики, платица...

Лариса только кивнула. Она представляла, какую боль испытывала тетя.

Быть так далеко от дочери, потерять внучку и не видеть, как растут близнецы... Во время эпидемии те убереглись чудом. Умару устроил им настоящий карантин.

— Как ты думаешь, Лиза простит меня... когда-нибудь? — вдруг спросила Инна Викторовна.

— Да ты-что, тетя! — возмутилась Лариса. — Она взрослая женщина, сама решала, иметь ей детей еще или нет...

Инна Викторовна только головой покачала:

— Для меня Лиза — маленький ребенок... Я вот Ульяну не позвала на праздник, знаешь почему?

— Чтобы не ворчала, — догадалась Лариса.

— А что толку-то? Я и так знаю, что она сказала бы сегодня. Ее голос так в ушах и звенит. «Нельзя в природу вмешиваться, — сказала бы она. — Сколько Бог дал детей, столько и рожай». А я вмешалась, Лариса! Я Лизоньке своей...

Инна Викторовна отвернулась к раковине и включила воду. Лариса не знала, как помочь тетке. Она подошла и обняла ее за плечи. Да, невеселое Рождество у тети Инны... Хотя и держится она молодцом. Лариса попыталась говорить что-то твердым голосом, ей хотелось что-то изменить, исправить, переиначить... хотя бы настроение тетки в этот вечер!

В кухню заглянул Верховцев:

— Девочки, за стол! Все собрались, нет только хозяйки дома и ее дорогой племянницы!

Сели за стол, начались традиционные поздравления, тосты. И музыку включили. Но настоящего веселья, как в былые дни, не получалось. По-настоящему веселились только самые маленькие — Юля и Аня. Юлька тормозила Андрея и никак не могла понять, почему он не хочет сегодня прыгать и скакать, как они делали это обычно по праздникам в этом доме. Почему он чинно сидит рядом с незнакомой девушкой и делает вид, что ему это ужасно нравится? А сам, когда никто не видит, все смотрит на ее маму, словно хочет укусьть взглядом!

Юлька ничегошеньки не понимала. Поэтому она обошла стол и сказала матери на ухо:

— Андрей на тебя все время смотрит. Посмотри на него тоже!

На что Оксана рассердилась и велела дочери не приставать к ней с глупостями. Юлька обиделась.

Девушку Андрея звали Светой. Она впервые была в доме матери Андрея и ужасно гордилась этим. Резонно решила, что раз Андрей привел ее знакомить с матерью, то это серьезно. И сейчас сидела среди его друзей и родных и не могла ничего понять. Какое-то сдержанное получалось веселье. Какие-то они все здесь замороженные. Один полковник ведет себя как полагается. Со вкусом пьет и со вкусом закусывает. Остальные ведут себя как на поминках. Света решила исправить положение. Пригласила Андрея танцевать. Они танцевали, а остальные все так же тихо переговаривались.

Оксана вдруг засобиралась домой, стала прощаться. Юлька — ни в какую.

Тут встрепенулся полковник.

— А фейерверк? — резонно поинтересовался он и обвел всех пьяненькими глазами. — Сейчас будет фейерверк! Все на балкон!

И Света еще заметила, как странно взглянула на него при этом хозяйка дома: А что он такого сказал? Ведь Рождество же!

В результате за полковником на балкон убежали дети и Света. Петров, Лариса и Инна Викторовна остались за столом. А Андрей стоял у окна и смотрел на Оксану.

Оксана не выдержала его взгляда. Если бы не Юлька, она немедленно бы ушла домой. Вся комедия, затеянная Андреем, была до предела прозрачна. Он хотел, чтобы она ревновала, и добился своего: она ревновала. По крайней мере она не могла оставаться равнодушной к присутствию Андрея и его девушки. «Неужели я способна попасться на эту старую как мир уловку?» — приструнила себя Оксана и отвернулась от Андрея. Ее взгляд наткнулся на памятку о венерин башмачке. Они сами когда-то повесили ее здесь, в то время, когда жили все вместе, дружным женским племенем. И сюда прибежал Андрей, и у них был флирт... Сразу все так остро вспомнилось. И показалось веселым и романтичным то непростое время. Палатка посреди гостиной, их первый с Андреем поцелуй. Где-то внутри, в области сердца, защипало... Оксана стала читать знакомый текст: «Цветок необыкновенно красив... желтая двухлопастная губа вздутая, с узким устьем, по форме напоминает игрушечную туфельку. Отсюда и название — венерин башмачок». Оксане вдруг пришла в голову совершенно неожиданная мысль и пронзила ее своей очевидностью: венерин башмачок, волшебный цветок счастья, нужно взрастить внутри себя. Да, да! У каждого должен жить в душе цветок-талисман. Тогда человеку ничто не страшно. Цветок годится любой. Лишь бы он жил там, внутри, и тянул свою головку к солнцу. Вот у Ларисы есть такой цветок — это ее страсть к истории. У Инны Викторовны — это ее работа. А у нее, у Оксаны?

Оксана забеспокоилась. Она наверняка знала: этот цветок внутри тебя — самое важное. Что бы ни творилось вокруг, какие бы ветры ни дули, не дай затоптать цветок! И он, стойкий, вытащит тебя отовсюду. Он прорастет сквозь любую почву, расцветит любую тьму, он даст тебе передышку в трудный момент. Нужно лишь взрастить его внутри себя. Это важно!